скія

ки

ЮРИДИЧЕСКІЯ

ЗАПИСКИ

издаваемыя
Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ.

1911 г. Вып. IV (X).

Подъ редакціей:

А. Р. Свирщевскаго, Г. С. Фельдштейна и
бар. А. Л. Фрейтагъ-Лоринговена.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

В. М. Гордона, Харьковъ, **А. И. Елистратова**, Москва, **Ѳ. Ѳ. Кокошкина**, Москва, **Л. І. Петражицкаго**, С.-Петербургъ,
І. А. Покровскаго, С.-Петербургъ, **Ѳ. В. Тарановскаго**, Юрьевъ, **М. И. Туганъ-Барановскаго**, С.-Петербургъ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
1911.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *В. Щегловъ.*

Типографія Губернскаго Правленія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Объѣзды королевскихъ судей въ Англіи.

П. И. Люблинскаго.

V.

Участіе въ объѣздахъ является одною изъ необходимыхъ стадій въ дѣятельности адвоката. По окончаніи первоначальнаго стажа въ одной изъ четырехъ лондонскихъ корпорацій (Inns) онъ находитъ здѣсь благодарную почву для примѣненія своихъ еще неокрѣпшихъ талантовъ. Каждый молодой адвокатъ имѣетъ какую-либо связь съ тѣмъ или инымъ графствомъ или провинціальнымъ городомъ и вполнѣ естественно, что по окончаніи стажа онъ приписывается къ нему, если онъ не изберетъ спеціально карьеры адвоката по отдѣленію канцлерскому. Приписка состоитъ въ взносѣ извѣстной суммы и въ избраніи сословіемъ. Первой стадіей является участіе въ четвертныхъ сессіяхъ. Эти сессіи во всѣхъ графствахъ происходятъ въ одно и то же время, и потому совмѣстительство нѣсколькихъ графствъ практически невозможно. Въ городахъ, имѣющихъ самостоятельныя четвертныя сессіи, практикуютъ обыкновенно адвокаты соотвѣтственнаго графства. Нѣсколько лѣтъ практики въ четвертныхъ сессіяхъ приводятъ къ участію и въ объѣздахъ ассизнаго судьи. Это—вторая стадія, наиболѣе продолжительная въ дѣятельности адвоката. Здѣсь также адвокатъ долженъ избрать одинъ изъ семи округовъ и выполнить формальности приписки. Разъ установившаяся связь съ объѣздомъ длится годы и роднитъ между собою участниковъ. Получивъ хорошее имя въ объѣздахъ, адвокатъ можетъ уже расчитывать и на развитіе практики въ Лондонѣ. Такимъ образомъ, репутація, установившаяся на четвертныхъ сессіяхъ, приводитъ къ признанію въ объѣздахъ; слава, пріобрѣтенная при объѣздахъ, ведетъ къ практикѣ въ Лондонѣ, и наконецъ, лондонская практика есть обычное преддверіе къ судейскому креслу.

Хотя въ теоріи бэрристеръ можетъ практиковать предъ всѣми судами королевства, но путемъ вѣковыхъ обычаевъ практика установила рядъ стѣсненій въ этой области. Адвокаты каждаго объѣзда представляютъ изъ себя замкнутую организацію, доступъ въ которую возможенъ путемъ уплаты довольно крупной суммы (1000 р. для king's counsel и 500 р. для бэрристера) и посредствомъ выбора. Органомъ управленія адвокатскими дѣлами округа является старинное учрежденіе—Bar Mess, составляющаяся изъ всѣхъ адвокатовъ объѣзда подъ предсѣдательствомъ старшаго лидера; въ ней участвуетъ и судья, если онъ до занятія судейской должности практиковалъ въ данномъ объѣздѣ. Эта месса въ былое время происходила послѣ обѣда въ первую ночь ассизовъ (Grand Night), но затѣмъ она была предусмотрительно перенесена къ началу обѣда. Формально Bar или Circuit Mess вѣдаетъ только вопросы о допущеніи къ практикѣ новыхъ членовъ и о дисциплинарной ихъ отвѣтственности, могущей злечь въ случаѣ серьезныхъ провинностей исключеніе изъ даннаго округа. На практикѣ она является органомъ товарищескаго общенія, развивающаго и укрѣпляющаго духъ солидарности.

«Адвокатская месса — пишетъ Плоуденъ—грозитъ стать воспоминаніемъ. Объ этомъ приходится сильно пожалѣть, такъ какъ она была, если не является теперь, весьма полезнымъ установленіемъ. Она успокаивала враждебность, сглаживала горячность судебныхъ схватокъ, воодушевляла пріятностью товарищеской жизни. Она способствовала развитію корпоративнаго духа и блюла высокій уровень профессіональной чести. Часто она разсѣивала мрачное настроеніе неудачнаго дня обѣщаніемъ товарищеской пирушки».

Соціальная жизнь адвокатуры во время объѣздовъ, когда то блестящая и разнообразная, теперь, вслѣдствіе общаго паденія ассизовъ, начинаетъ также клониться къ упадку. Но не безъинтересно будетъ остановиться немного на нѣкоторыхъ характерныхъ сторонахъ ея [1]).

---

[1]) Воспоминаніями о соціальной жизни объѣздовъ полны книги *Walton-Random*: Recollections of Midland circuit, 2 vol. 1869—73, *Plowden*: Grain or chaff? 1907. «Pie—powder», being the dust collected from the law courts, by a circuit—tramp. 1911. *Hawkins* Recollections 1904, 2 vol.

«Въ Оксфордскомъ объѣздѣ—пишетъ Плоуденъ— первая ночь въ каждомъ ассизномъ городѣ называлась «Великою ночью». Принять участіе въ мессѣ, происходившей въ эту ночь, было обязательнымъ дѣломъ; отъ этого можно было освободиться только уплатой штрафа. Обѣдъ былъ лучшимъ, какой только могъ доставить городъ, шампанское лилось широко. Иначе быть не могло, ибо каждая бутылка шампанскаго была добровольнымъ искупленіемъ, требовавшимся отъ кого-либо изъ грѣшниковъ. И было немного такихъ, которые не согрѣшили тѣмъ или инымъ образомъ. Получить званіе бэрристера, какое-либо назначеніе, быть избраннымъ въ парламентъ или, еще хуже, потерпѣть неудачу на парламентскихъ выборахъ считалось тяжкимъ преступленіемъ, отъ котораго можно было очиститься только шампанскимъ и притомъ лучшей марки. Выкличка всѣхъ этихъ преступниковъ противъ соціальнаго закона происходила въ Великую ночь—первый трудовой день въ ассизномъ городѣ. Обвинителемъ здѣсь выступалъ генеральный атторней мессы, защитительныя рѣчи подсудимыхъ терпѣливо выслушивались и наказаніе на нихъ налагалъ кто-либо изъ младшихъ адвокатовъ. Нѣкоторыя изъ рѣчей, сказанныхъ по этому поводу, являются замѣчательными образцами остроумія и краснорѣчія. Стройные періоды Henry Matthews и афористическая соль Bosanquet служили неисчерпаемымъ источникомъ веселья и примиряли самаго закоренѣлаго преступника съ его участью. Иногда кой-кто изъ молодыхъ неожиданно произносилъ рѣчь, полную ума и краснорѣчія. Но я не слышалъ лучшей рѣчи, чѣмъ та, которая была произнесена Radcliffe Cooke, когда онъ долженъ былъ вынести приговоръ противъ Huddleston, виновнаго въ вступленіи въ бракъ и Henry James, виновнаго въ пособничествѣ и подстрекательствѣ къ этому [1]).

---

[1]) Другимъ примѣромъ остроумнаго «застольнаго indictment» является рѣчь John Scott, сказанная однажды по слѣдующему поводу. Sir Tomas Davenport былъ извѣстенъ своими длинными и малоинтересными рѣчами на судѣ. Однажды онъ пледировалъ во время Сѣвернаго объѣзда. День былъ крайне зноенъ и, такъ какъ дѣло вызвало горячій интересъ, зала суда была переполнена. Давенпортъ произнесъ трехчасовую рѣчь, снотворному вліянію которой въ связи съ атмосферой суда почти нельзя было сопротивляться. Предъ окончаніемъ рѣчи мальчикъ, взобравшійся на вы-

«Система штрафовъ въ той или иной формѣ была обща всѣмъ объѣздамъ. Она соблюдалась въ оксфордскомъ округѣ, какъ старинный обычай, но оставалась всегда въ разумныхъ границахъ и не становилась притѣснительной. Изъ старыхъ протоколовъ объѣзда (circuit records) мы видимъ, что она равнялась галлону кларета или сорока шиллингамъ. Минимальнымъ штрафомъ въ наши времена являлась дюжина шампанскаго, которая въ наиболѣе вопіющихъ случаяхъ превращалась въ три и даже пять дюжинъ. Но наказаніе всегда соразмѣрялось съ выносливостью спины того, кто ему подвергался. Ему стоило только сослаться на положеніе Magna Charta «ne excessive fines required», чтобы бремя его было облегчено».

«На мессѣ — пишетъ *Walton* о Midland circuit — избирались особыя должностныя лица, какъ генеральный атторней мессы, на обязанности которыхъ было наблюденіе за дисциплиной и этикетомъ адвокатовъ округа и разслѣдованіе качествъ предлагаемыхъ для выборовъ кандидатовъ въ члены. Такія дѣла разсматривались на мессѣ, превращавшейся въ судъ объѣзда (circuit court). Послѣ серьезныхъ дѣлъ начиналась пантомима, когда различные люди обвинялись въ воображаемыхъ проступкахъ и подвергались реальнымъ тяжкимъ штрафамъ за то, что ихъ признавали невиновными въ этомъ. Все это наполняло весельемъ мессу и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживало запасы вина».

«Въ былые счастливые времена эти мессы объѣздовъ были полны веселія, шалостей и смѣха. Младшій членъ являлся королемъ и налагалъ штрафы по своему усмотрѣнію. Если противъ его юрисдикціи раздавался протестъ, то признавалось, что защита будетъ безполезной и штрафъ немедленно увеличивался. Члены мессы

сокій подоконникъ, чтобы оттуда удобнѣе наблюдать происходящее, понемногу сталъ засыпать и, задремавъ, потерялъ равновѣсіе и упалъ съ грохотомъ на полъ. Разнеслись слухи, позднѣе оказавшіеся невѣрными, что онъ ушибся на смерть. Вечеромъ, за традиціонной адвокатской мессой, когда эти слухи были опровергнуты, генеральный атторней месса John Scott выступилъ съ обвиненіемъ противъ Davenport «въ покушеніи на убійство, учиненномъ длиннымъ тупымъ орудіемъ, каковымъ несомнѣнно являлась его рѣчь». Онъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ нѣсколькимъ бутылкамъ вина.

платили штрафы за полученныя отличія, за полученіе краснаго мѣшка, вручавшагося всегда лидеромъ и являвшагося первымъ отличіемъ сословія. Всякое счастье, улыбнувшееся кому либо, было основаніемъ для штрафа, и чѣмъ болѣе похвальнымъ былъ поступокъ, тѣмъ тяжелѣе было наказаніе. Женитьба каралась съ величайшей суровостью и приговоръ сопровождался торжественнымъ предупрежденіемъ отнюдь не повторять этого во второй разъ».

Изъ лѣтописей Западнаго округа, благодаря «wine treasurer» Thomas Erskine, который былъ не только судьей по винной части, но и статистикомъ, мы узнаемъ, что среднее потребленіе вина въ каждомъ объѣздѣ за трехлѣтіе, кончающееся 1822 годомъ, было тридцать семь дюжинъ. Наиболѣе употребляемыми винами были портвейнъ, хересъ, мадера; кларетъ, повидимому, никогда не былъ любимымъ виномъ во время объѣздовъ. Шампанское было введено на объѣздныя мессы еще на памяти современнаго поколѣнія. «Любопытно отмѣтить въ качествѣ совпаденія — пишетъ бытописатель этого объѣзда—что упадокъ современнаго краснорѣчія, по зрѣлому сужденію ветерановъ старой системы, начался именно съ этого времени».

«Наиболѣе важной общественной должностью при объѣздахъ — пишетъ другой бытописатель, скрывшійся подъ псевдонимомъ circuit tramp—была и является должность «wine treasurer» (казначей вина); практически онъ является стражемъ, а теоретически единственнымъ хранителемъ того неписаннаго кодекса этикета, которому во время объѣздовъ придается столь громадное значеніе. При осуществленіи финансовыхъ и административныхъ полномочій его званія—отнюдь не маловажныхъ—ему оказываетъ помощь небольшой комитетъ; но при исполненіи важнѣйшихъ своихъ полномочій онъ является абсолютнымъ деспотомъ. Чтобы сдѣлаться членомъ мессы, необходимо имѣть рекомендацію къ этому высокому сановнику и быть предложеннымъ имъ во время Великой ночи, происходившей или въ Экзетерѣ или Бристолѣ [1]). Еслибы неофитъ пожелалъ при-

[1]) Здѣсь имѣется въ виду западный объѣздъ.

сутствовать на засѣданіяхъ объѣзда, происходившихъ до того, онъ можетъ дѣлать это, въ ожиданіи будущихъ выборовъ... Обязанности должности wine treasurer фактически слишкомъ обременительны, чтобы ихъ могъ выполнять человѣкъ, имѣющій большую практику, и потому, когда дѣла начинаютъ притекать къ носителю ея, онъ долженъ пріискать себѣ преемника. Большинство другихъ округовъ имѣютъ также подобное должностное лицо, хотя въ нѣкоторыхъ въ качествѣ агента и секретаря дѣйствуетъ какой-либо изъ младшихъ адвокатовъ, за спиною котораго скрываются анонимно старшіе адвокаты».

Но не только обѣды, но и всякаго рода спортъ и игры являются центромъ товарищескаго общенія. Благодаря наличности въ объѣздѣ множества незанятыхъ дѣлами адвокатовъ, въ свободное время устраиваются матчи въ крикетъ, состязанія на гонкахъ, греблѣ. Въ долгіе вечера процвѣтаютъ карты, въ частности, традиціонный вистъ. Одинъ изъ адвокатовъ - неудачниковъ, рѣдко получавшій приглашенія выступать по дѣлу, далъ очень характерное опредѣленіе всей системы объѣздовъ. «Circuit - System—говорилъ онъ—есть ни что иное, какъ весьма громоздкій и дорогой способъ игры въ вистъ». Часть адвокатовъ пользуется порою любезными приглашеніями, исходящими отъ гостепріимныхъ circuit hosts, разбросанными въ томъ или другомъ пунктѣ объѣзда. Отдѣльные объѣзды имѣютъ свои своеобразныя традиціи и установленія.

«Западный объѣздъ—пишетъ circuit tramp—имѣетъ одно установленіе, спеціально свойственное ему. Я имѣю въ виду «телѣгу объѣзда» (circuit van), представляющую собой громадную повозку въ родѣ тѣхъ, которыя употребляются для перевозки мебели, которая постоянно, не смотря на значительные расходы, была перевозима по шоссейной или желѣзной дорогѣ во всѣ города, въ которыхъ происходили ассизы. Ея первоначальнымъ и номинальнымъ предназначеніемъ была перевозка «ящиковъ съ книгами» тѣхъ адвокатовъ, которые желали брать съ собою часть своей библіотеки и сорокъ лѣтъ тому назадъ такихъ адвокатовъ было

много. Дальнѣйшее изученіе дѣла въ городѣ происходило во всякомъ случаѣ очень рѣдко и прежде никто не считалъ безопаснымъ путешествовать, не захвативъ съ собой по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ пудовъ юридической литературы. Но благодѣтельное дѣйствіе Judicature Acts измѣнило все это и ни одинъ изъ современныхъ адвокатовъ не нуждается во время объѣздовъ въ другихъ книгахъ, кромѣ Archbolds Pleading und Evidence и Бѣлой книги. Ихъ обѣихъ можно всегда на время одолжить у ассизнаго клерка. Я знаю одного человѣка, который заботливо хранитъ и донынѣ свой «ящикъ съ книгой», но этотъ ящикъ находится на заслуженномъ отдыхѣ въ одной изъ его дачъ; изъ современнаго же поколѣнія немногіе даже видѣли его. Однажды я встрѣтилъ человѣка, который устроилъ свой ящикъ въ видѣ гроба, но онъ, какъ впослѣдствіи обнаружилось, страдалъ библіоманіей въ очень развитой формѣ. Постепенно circuit van превратилась въ хранилище обыкновеннаго дорожнаго багажа и, вѣроятно, каждый помнитъ, какъ за нѣсколько дней до начала каждыхъ ассизовъ она торжественно вывозилась на дворъ адвокатскаго дома (Temple), гдѣ собирала свою кладь въ теченіе нѣсколькихъ дней. Но недавно было признано, что расходы на поддержаніе этого стариннаго установленія несовмѣстимы съ спросомъ на шампанское для мессы и сама телѣга была продана въ транспортную контору. Титулъ «baggage master», прежде принадлежавшій хранителю телѣги, въ теченіе короткаго времени сохранялся за однимъ изъ членовъ Wine Commitee и одинъ изъ бывшихъ носителей этого титула до сихъ поръ украшаетъ собою сословіе. Въ мое время упраздненіе circuit van казалось дѣломъ столь же невѣроятнымъ, какъ святотатственное посягательство на долгія вакаціи (Long Vacation)».

Положеніе адвокатуры во время объѣздовъ, въ особенности, молодыхъ адвокатовъ, въ настоящее время далеко не завидно; для объясненія этого, мы позволимъ себѣ ознакомить читателя въ нѣсколькихъ словахъ съ системой оплаты адвокатскаго труда. Громадное большинство англійскихъ адвокатовъ состоятъ въ одной изъ лондонскихъ

корпорацій. Въ провинціи, въ особенности въ большихъ городахъ, разбросаны солиситоры, которые одни только имѣютъ сношенія съ кліентами. Эти солиситоры подготовляютъ дѣла къ слушанію. Они собираютъ свидѣтелей и записываютъ ихъ первоначальныя показанія, разыскиваютъ доказательства, намѣчаютъ спорные пункты. Всѣ эти свѣдѣнія включаются ими въ особую тетрадку, носящую названіе brief—сокращеніе или выписки. Оффиціальнаго производства по дѣлу нѣтъ и эти выписки замѣняютъ наши слѣдственные и иные письменные акты, съ которыми долженъ ознакомиться адвокатъ. Они состоятъ порою изъ многихъ десятковъ листовъ, исписанныхъ съ одной стороны (на оборотѣ адвокатъ пишетъ свои замѣтки во время судебнаго слѣдствія). Солиситоръ не имѣетъ права самъ выступить предъ судомъ, и потому онъ ждетъ пріѣзда адвоката, участвующаго въ объѣздѣ для того, чтобы вручить ему это brief. Такое врученіе происходитъ наканунѣ слушанія дѣла, а порою и въ день его, и потому адвокатъ, чтобы надлежаще справиться съ своей задачей, долженъ обладать опытностью и находчивостью. Врученіе brief барристеру происходитъ такимъ путемъ, что солиситоръ въ верхнемъ углу brief надписываетъ имя адвоката и сумму предлагаемаго гонорара, которая не можетъ быть менѣе одной гинеи (10 руб.) Отправляясь въ объѣзды, адвокаты еще совсѣмъ не знаютъ, по какимъ дѣламъ обратятся къ нимъ солиситоры за помощью. Выборъ того или другого адвоката всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія солиситора и послѣдній, конечно, руководится при этомъ самыми разнообразными соображеніями. Близость къ солиситору, личное знакомство съ нимъ могло бы обезпечить адвокату практику, но правила этикета создаютъ намѣренно глубокую пропасть въ отношеніяхъ между адвокатомъ и солиситоромъ. Въ Лондонѣ всегда еще можетъ имѣться шансъ сближенія, въ объѣздахъ же стѣсненія доходятъ до нелѣпостей. Ихъ краснорѣчиво характеризуетъ Плоуденъ въ своихъ мемуарахъ.

«Когда я присоединился къ округу объѣзда, первое, что поразило меня сильнѣе всего, была абсурдность и

даже piранія его правилъ. Я уже зналъ о сословномъ этикетѣ и о некрасивости исканія знакомствъ съ солиситоромъ. Но только во время объѣздовъ я увидѣлъ, какъ ревностно сословіе наблюдаетъ за этимъ и какія тщательныя предосторожности предпринимаются, чтобы предупредить даже случайныя сношенія солиситора и бэррнстера. Всѣ участники объѣзда терпятъ въ этихъ цѣляхъ суровыя ограниченія. Одно изъ правилъ гласитъ: «Никто изъ бэрристеровъ не можетъ пользоваться гостинницей для ночлега, для переодѣванія или для какихъ либо цѣлей, связанныхъ съ его профессіональными обязанностями, кромѣ третейскаго разбирательства». Вообразите небольшой провинціальный городъ, гдѣ отель является, можетъ быть, единственнымъ мѣстомъ, дающимъ нѣкоторыя удобства; но вы всетаки не можете даже ночевать тамъ, такъ какъ имѣтся опасность того, что вы встрѣтите тамъ солиситора, который вручитъ вамъ дѣло, при другихъ обстоятельствахъ могущее попасть въ иныя руки... Другое правило, не менѣе раздражающее, требуетъ, чтобы всякій бэрристеръ во время объѣзда непремѣнно ѣхалъ въ I классѣ, ибо иначе онъ можетъ встрѣтить въ вагонѣ солиситора». «Если вы ради экономіи — пишетъ Walton—взбирались на омнибусъ, такъ какъ ваши средства не позволяли путешествовать въ каретахъ, то вы рисковали подвергнуться штрафу на адвокатской мессѣ, взгляды которой на экономію и на приличіе расходились часто съ вашими. Вы не могли ѣхать въ публичномъ омнибусѣ, обѣдать за общимъ столомъ, остановиться въ гостинницѣ изъ опасности встрѣтиться съ солиситоромъ и получить отъ него дѣло. Home circuit былъ весьма строгъ въ этомъ отношеніи, но все же онъ являлся самымъ дешевымъ для путешествій, и потому члены его были всегда многочисленны».

Нарушеніе этихъ правилъ этикета влечетъ за собою остракизмъ. Нарушитель «is sent to Coventry»; это значитъ, что его корпорація порываетъ съ нимъ товарищескія отношенія. Конечно, это все же не мѣшаетъ закулиснымъ сношеніямъ и косвенному заискиванію предъ солиситоромъ.

«Является простымъ, неоспоримымъ фактомъ то, что молодой способный бэрристеръ не можетъ заработать болѣе гинеи отъ солиситора, если онъ не пользуется особой его благосклонностью, и еще болѣе жестокимъ фактомъ является то, что онъ лишенъ возможности, вслѣдствіе требованій этикета, двинуть пальцемъ для того, чтобы войти въ милость къ солиситору развѣ путемъ женитьбы на его дочери, что отнюдь не является легкимъ и не всегда желательно. Чѣмъ тщательнѣе онъ избѣгаетъ соприкосновеній съ «низшими» юристами, тѣмъ болѣе величественна его репутація какъ бэрристера...» Ни одинъ бэрристеръ, желающій выступать въ ассизахъ, не можетъ пріѣхать въ городъ ранѣе открытія здѣсь ассизовъ, или такъ назыв. «commission day», т. е. дня, въ который прочитывается королевская грамота объ открытіи ассизовъ. Это правило, созданное для предупрежденія недозволенныхъ сношеній съ солиситорами, не только стѣснительно для адвокатовъ, но весьма вредно для ихъ кліентовъ. такъ какъ для подготовки даже по весьма сложному дѣлу адвокатъ имѣетъ въ ассизномъ городѣ въ лучшемъ случаѣ 2—3 дня.

Особыми проступками, нарушающими правила сословнаго этикета, являются «*puffing*» и «*touting*». Каждый, уличенный въ одномъ изъ нихъ, долженъ быть «presented» на мессѣ и подвергаетя штрафу. «Puffing» можетъ быть охарактеризовано, какъ «стремленіе къ чрезмѣрной популярности» (собственно «раздуваніе»). Если мѣстныя газеты будутъ хвалить адвоката, прославлять его, какъ «восходящее свѣтило», «славу и гордость сословія» и т. п., то на ближайшей мессѣ, хотя бы эти замѣтки появлялись совершенно помимо его вѣдома, онъ будетъ оштрафованъ за «puffing». «Touting» еще болѣе неопредѣленно. Наиболѣе оно приближается къ тому, что у насъ называется рекламированіемъ. Но послѣднее является слишкомъ грубымъ названіемъ для этого. Объявленія въ газетахъ, вывѣски и пр. строго запрещены, и нарушеніе этого запрета грозитъ исключеніемъ; touting (буквально — «предложеніе товара») есть болѣе мягкій способъ рекламы; это—

напоминаніе о себѣ или своей профессіи, сдѣланное съ опредѣленною цѣлью. Одинъ адвокатъ очень удачно выразился о немъ: «Помилуй Боже, чего человѣкъ можетъ достигнуть безъ touting? Онъ устраиваетъ себѣ прекрасную квартиру для пріемовъ, весь исполненъ желаніемъ работать, но кто знаетъ о немъ? Это напоминаетъ молодого человѣка, влюбленнаго въ дѣвицу, но носящаго синія очки. Онъ дѣлаетъ ей глазки, бросаетъ на нее пламенные взоры. Онъ самъ хорошо объ этомъ знаетъ, но, увы, *ей* это остается неизвѣстнымъ».

Благодаря всѣмъ этимъ стѣсненіямъ начальные шаги адвокатской карьеры являются весьма трудными.

Одинъ изъ адвокатовъ Huddleston раздѣлилъ жизнь бэрристера на три стадіи. Въ первой онъ честолюбивъ и ищетъ только работы; во второй—онъ корыстолюбивъ и ищетъ только гонораровъ; въ третьей стадіи, которая достигается только немногими, онъ не ищетъ ни работы, ни гонораровъ.

Мы позволимъ себѣ привести плачъ одного юнаго бэрристера, написанный во время объѣзда:

„Думали-ль вы въ моменты вашей славы
Вы, кто стоите такъ высоко,
О тѣхъ дняхъ и ночахъ, которые такъ тяжелы,
Такъ тяжелы для меня и для другихъ;
Когда стремленіе дѣлать разумное
Приводитъ къ горькому неуспѣху
И когда тучи отчаянія сгущаются
И омрачаютъ всѣ надежды?
Думали ли вы каждый разъ, какъ весь міръ
Апплодировалъ вашему величію,
О тѣхъ слезахъ, которыя въ тиши
Льются у меня и у другихъ;
Когда самыя отчаянныя послѣднія усилія
Оказываются тщетными
И когда мы смыкаемъ на ночь глаза,
Равнодушные къ тому, проснемся ли мы снова?"

Не менѣе плачевна эпитафія, сочиненная самому себѣ однимъ молодымъ адвокатомъ, представляющая пародію на знаменитую «Elegy in a country churchyard»:

«Here rests a youth lamented dut by few;

A barrister to fame and courts unknown.
Brief was his life—yet was it briefless too,
For no attorney mark'd him for his own.
Deep and correct his knowledge of the laws,
No judge a rule of his could e'er refuse;
He never lost a client or a cause,
Because, forsooth, he ne'er hed one to lose.
E'en as he lived unknown—unknown he dies;
Calm be his rest, from hopeless struggle free,
Till that dread Court from which no error lies,
Shall final judgment pass on him and thee».

(Здѣсь покоится юноша, оплакиваемый, но лишь немногими, бэрристеръ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ въ судахъ и не было увѣнчано славой. Жизнь его была краткой и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенной дѣлъ [1]), такъ какъ ни одинъ атторней не приглашалъ его по своему дѣлу. Глубокими и правильными были его юридическія познанія, и ни. одинъ судья не могъ отвергнуть его юридическихъ тезисовъ, онъ не проигралъ ни одного дѣла и не терялъ ни одного кліента, ибо, увы, ему нечего было терять.—Какъ жилъ онъ въ безвѣстности, такъ въ безвѣстности и умираетъ. Пусть спокойнымъ будетъ его отдыхъ, свободный отъ безнадежной борьбы, пока тотъ ужасный судъ, на который нѣтъ апелляціи, не постановитъ приговора надъ нимъ и надъ тобою).

Съ другой стороны, этикетъ сословія не позволяетъ принимать на себя безплатныхъ защитъ. И до самаго послѣдняго времени можно было видѣть, съ одной стороны, толпы праздныхъ бэрристеровъ, ждущихъ въ судѣ дѣлъ, а съ другой стороны—беззащитныхъ подсудимыхъ по тяжкимъ уголовнымъ дѣламъ, признававшихъ себя виновными вслѣдствіе непониманія сложныхъ формъ производства. Законъ 1903 г. нѣсколько устранилъ это явленіе, предоставивъ судьѣ право приглашать на казенный счетъ защитниковъ бѣднымъ подсудимымъ. Но, чтобы воспользоваться этой льготой, приходится продѣлать рядъ формальностей. Кромѣ того этотъ законъ поставилъ адвокатуру въ зависимость отъ благожелательства судьи или его клерка.

---

[1]) Здѣсь, какъ можетъ видѣть читатель, въ подлинникѣ непереводимая игра словъ: brief значитъ и «краткій» и «извлеченія изъ дѣла» (резюмэ), вручаемыя адвокату приглашенному пледировать. «Briefiess»—лишенный краткости и вмѣстѣ съ тѣмъ «лишенный дѣлъ».

Но все же, не смотря на скудные заработки, объѣзды являются привлекательными, въ особенности для начинающихъ адвокатовъ, которымъ здѣсь легче начать свою дѣятельность, чѣмъ въ Лондонѣ.

«Время, проведенное во время объѣздовъ—пишетъ Плоуденъ—больше всего другого примирило меня съ моей професѣіей и озарило жизнь надеждой. Перейти изъ адвокатской школы (Temple) въ городъ объѣзда значило перейти въ новую атмосферу. Здѣсь было много затрудненій, но они не были столь страшными, какъ въ Лондонѣ. Тамъ чувствуешь себя въ первое время ничтожнымъ и потеряннымъ, чего здѣсь нѣтъ. Здѣсь меньше соперниковъ, больше шансовъ удачи и чувствуешь, что тебя видятъ и знаютъ, хотя бы по имени, солиситоры, распоряжающіеся раздачей дѣлъ. Поле для вашей энергіи, можетъ быть, невелико, и не очень производительно, но все же это лучше, чѣмъ быть ничтожнымъ атомомъ въ громадномъ пространствѣ безъ всякой надежды».

Вотъ грустныя размышленія молодого лондонскаго адвоката, приводимыя у *Walton*:

— In those high rooms, where client ne'er intrude,
And here and there a light does dimply peep.
Each in his lonely set of chambers mewed
The driefless crowd their nightly vigils keep.
— The grave attorney knocking frequently
The tittering clerk, who hastens to the door,
The bulky brief and corresponding fee
Ape things unknown to all that lofty floor.
— Small comfort theirs when each dull day is over;
No gentle wife their joys and grief to share,
No quiet homeward walk at half past four
To some snug tenement near Russel square.
— Oft have they read each prosing term report,
Dull treatise and the statutes not a few;
How many a vacant day they've pess'd in court
How many a barren circuits traveled through.
— Yet let not judges mock their useless toil
And joke at sapient faces no one knows,
Nor ask with careless and contemdtous smiles,

If one arises in all the long back rows.
— Vain is the coif, the ermined robe, the strife
Of courts and vain is all success e'er gave
Say, can the judge, whose word give death and life,
Reprieve himself when summoned to the grave?

(Въ высокихъ комнатахъ, куда никогда не заглядываетъ кліентъ и гдѣ мерцаетъ неровный свѣтъ, проводитъ свои вечерніе досуги толпа лишенныхъ практики адвокатовъ, запершись въ своихъ тѣсныхъ комнатахъ [1]). Частыя посѣщенія важнаго атторнея, веселый смѣхъ торопливаго клерка и объемистыя дѣла съ соотвѣтственнымъ гонораромъ—являются вещами, неизвѣстными въ этомъ величавомъ помѣщеніи.—Не много развлеченій имѣютъ они послѣ скучнаго дня: у нихъ нѣтъ нѣжной жены, которая дѣлила бы съ ними и радости и горе; они лишены спокойной прогулки домой въ половинѣ пятаго въ свою уютную квартиру близъ Рэссельскаго сквера [2]).—Имъ часто приходится читать прозаическіе отчеты о рѣшенныхъ дѣлахъ, изучать скучные трактаты и перелистывать не мало статутовъ. Какъ много дней безъ дѣла они провели въ судѣ, какъ много пустынныхъ объѣздовъ они совершили!—и т. д.

Среди авокатуры наблюдается дѣленіе функцій, сохраняемое и въ объѣздахъ. По всякому болѣе серьезному дѣлу выступаютъ двое адвокатовъ, изъ которыхъ одинъ является leader (руководитель дѣла), а другой junior (младшій). Первый производитъ допросъ свидѣтелей и произноситъ рѣчь, а второй — записываетъ отвѣты свидѣтелей, пріискиваетъ рѣшенія, подсказываетъ вопросы или юридическіе тезисы лидеру. Въ лидерѣ цѣнится опытность, тактъ, даръ слова, въ junior—знаніе законовъ и прецедентовъ. Такъ какъ подготовка на ассизахъ бываетъ весьма спѣшной, то подсказка со стороны помощника, имѣющаго въ своемъ распоряженіи brief, является необходимой. Иногда въ качествѣ наиболѣе трудной функціи изъ «лидерства» выдѣляется руководство перекрестнымъ допросомъ.

«Leading»—пишетъ *Walton*—является значительно болѣе легкимъ, чѣмъ «crossexamining». Лидеръ похожъ

---

[1]) Лондонскіе адвокаты живутъ въ «Inns of couris», гдѣ могутъ получить за скромное вознаглажденіе комнату для жилья и для пріема.
[2]) Одно изъ фешенебельныхъ мѣстъ Лондона.

на распорядителя (ring-master) въ циркѣ, который только щелкаетъ своимъ бичемъ и кричитъ «гопъ-ля», тогда какъ отважный crossexaminer срываетъ аплодисменты публики своими искусными пріемами наѣздничества» [1]).

Другой формой адвокатскаго сотрудничества является «devilling» [2]). Благодаря солидарности, существующей среди адвокатуры, одинъ всегда готовъ безплатно выступать вмѣсто своего товарища, и такъ какъ каждый адвокатъ радъ случаю выступить лишній разъ предъ судьей и солиситорами, то этотъ обычай встрѣчаетъ поддержку и со стороны «дьяволовъ», какъ зовутъ этихъ замѣстителей. Цитирую слова Плоудена.

«Вѣроятно всѣмъ извѣстенъ обычай среди адвокатовъ, называемый Devilling. Когда адвокатъ имѣетъ два дѣла, назначенныя на одинъ и тотъ же день, онъ проситъ своего друга замѣнить его въ одномъ изъ нихъ. Такой другъ немедленно становится «devil».

---

[1]) О томъ, что такое англійское cross-examination (перекрестный допросъ) даетъ нѣкоторое представленіе слѣдующій отрывокъ изъ поэмы Tom Hood («A bird of another feather»), появившейся въ 1874 г.

«The dream is o'er and I to-day
Return to modern time;
But yet I've something more to say,
If you will list my rhyme.
I've been witness in a case
For seven long mortal hours,
And, crossexamined, had to face
The counsel's keenest powers.
With courteous phrase and winning smiles
He led me gently on;
I fell a victim to his wiles;—
But how he changed anon!
«Oh, you're prepared to swear to that!»
And «Now, sir, just take care!»
And «Come, be cautions what you're at!»
With questions hard to bear.
And when he'd turned me inslde out,
He turned me outside in;
I knew not what I was about,
My brain was all a-spin.
I'm shaking now with nervous fright,
And since I left the court
I've changed my dream--opinion quite—
I don't like Hawkins sport!

Прошли мечты и снова я
Здѣсь съ вами въ добрый часъ,
Кой что скажу я вамъ, друзья,
Вы жъ слушайте разказъ.
Я какъ свидѣтель вызванъ въ судъ,
И семь часовъ подрядъ
Допросъ мнѣ перекрестный тутъ
Велъ хитро адвокатъ.
Съ улыбкой ясной онъ началъ,
Тихонько наводилъ,—
Я жертвой чаръ коварныхъ сталъ,—
Усилилъ онъ свой пылъ.
«Готовы-ль вы присягу дать
О томъ-то и о томъ!»
«Остерегитесь, сэръ, признать—
Раскаетесь потомъ!»
Онъ гналъ меня туда-сюда,
Такъ, сякъ перевернетъ,
Моя трещала голова,
И пересохъ мой ротъ
Какъ изъ суда вернулся я
Отъ страха все дрожу,
И разлюбилъ, мои друзья,
Я Гокинса игру [3]).

[2]) Это слово буквально означаетъ «дьявольство». Оно является искаженнымъ производнымъ отъ глагола to delve,—вывѣдывать, разузнавать.

[3]) Гокинсъ, до своего назначенія судьей, славился какъ выдающійся cross-examiner.

Сословіе сильно заражено «дьяволизмомъ». Это стало почти самостоятельной профессіей. Про многихъ можно сказать: «once a devil, always a devil»—«разъ дьяволъ — вѣчно дьяволъ». Другіе являются болѣе счастливыми въ удачѣ привлечь къ себѣ вниманіе солиситоровъ. Есть нѣчто возвышенное въ мысли, что нѣкоторые весьма почтенные люди не имѣютъ другого способа существованія, какъ безплатное предоставленіе своихъ услугъ въ распоряженіе своихъ болѣе счастливыхъ товарищей. Это не естественно, но система «дьявольства» не можетъ прекратиться и спросъ не можетъ превысить предложеніе. Среди devils есть лица, занимающія высокое положеніе, горделиво взирающія на мелкихъ духовъ, парящихъ вокругъ нихъ. Такимъ, напр., является devil генеральнаго атторнея».

Группа адвокатовъ, участвующихъ въ Оксфордскомъ, Западномъ или Сѣверномъ объѣздѣ, представляетъ изъ себя такое же сплоченное единство, какъ у насъ мѣстные совѣты присяжныхъ повѣренныхъ. Общность интересовъ, строгія правила этикета и товарищескій духъ сглаживаютъ конкурренцію между ними. Каждая группа славится своими громкими именами, своими величественными предшественниками. Когда въ 1876 г. предполагалось переименовать Oxford circuit въ West Midland, то старшина объѣзда писалъ лорду-канцлеру: «Для насъ имя Оксфордъ вызываетъ въ памяти образы великихъ государственныхъ людей, выдающихся судей, глубокихъ юристовъ, проникновенныхъ ораторовъ и мы рѣшительно осуждаемъ перемѣну этого имени со всѣми связанными съ нимъ ассоціаціями на другое, которое вызываетъ лишь неопредѣленное представленіе о мѣстѣ». И дѣйствительно среди адвокатовъ Оксфордскаго объѣзда мы встрѣчаемъ имена, столь близкія памяти англійскаго юриста, какъ W. Lenthall, lord Somers, Blackstone, lord John Jervis, S. W. Huddleston, Henry Matthews и др. Западный округъ насчитывалъ имена Coleridge, Cockburn, Collier, Erle, Montague Smith и др. Home circuit съ гордостью вспоминаетъ имена Thesiger, Platt, Maule, Denman, Pollock, Parke, Tindal, Peterson, Blackburn и др. О каждомъ изъ нихъ

циркулируютъ среди членовъ объѣзда масса воспоминаній.

Духъ товарищеской солидарности, царящій въ объѣздахъ, хорошо выраженъ въ одномъ изъ стихотвореній, написанныхъ старымъ «объѣзднымъ бродягой». Мы приводимъ его въ переводѣ:

„Собравъ пыль отъ семидесяти объѣздовъ, покрывавшую эти хорошо протоpенные тлѣннымъ человѣчествомъ дороги, можетъ ли путникъ сказать, что это была лишь пустая суета?

„Веселой партіей спѣшили мы изъ Лондона въ свой Западный объѣздъ, не очень печалясь, когда заработки были невелики или кліенты скупились на гонораръ.

„Какъ много мы изъѣздили по желѣзнымъ рельсамъ, какъ много дѣлъ мы провели и въ сколь многихъ мѣстахъ побывали, въ какихъ жаркихъ схваткахъ мы оказывались побѣдителями и, увы, какъ часто наши лица выражали разочарованіе!

„Умолкли нынѣ когда-то знакомые голоса, дружески привѣтствовавшіе мои скромныя выступленія, и замерли шаги, раздававшіеся одновременно съ моими шагами.

„Мы весело проѣзжали черезъ луга Таунтона, Авонскіе ручьи, болота Корнуэльса и, если мы бывали недовольны судьбою, то рѣдко въ томъ сознавались.

„Я до сихъ поръ вижу предъ собой, мысленно отправляясь въ свой объѣздъ, круглый столъ въ Уинтонскомъ залѣ, прекрасный Дорчестеръ и пасмурный Девайзъ —конецъ Уэльса.

„Ко всѣмъ, которые раздѣляли мой путь средь башенъ Экса или гористаго Сарума, я теперь обращаю свой тостъ объѣзда въ надеждѣ на будущую жизнь—«Cras Animarum!»

Другой старый судья H. Hawkins, посвящая свои мемуары своимъ умершимъ спутникамъ по Home circuit, пишетъ: «Они уже не могутъ болѣе пѣть старыхъ пѣсенъ или разсказывать старинные разсказы, но у меня сохраняется память о нихъ, и звучитъ въ воспоминаніяхъ пріятная мелодія ихъ жизни. Я теперь на покоѣ наслаждаюсь ихъ товариществомъ, и воспоминаніе о нихъ озаряетъ пріятные сумерки вечернихъ часовъ».

Судья во время объѣздовъ не изолированъ отъ адвокатуры. Онъ стоитъ съ нею въ тѣсной связи, участвуетъ въ адвокатскихъ мессахъ, путешествуетъ въ однихъ вагонахъ. Изъ среды адвокатовъ назначаются

судьею себѣ замѣстители по commission, клерки, маршалъ — его сотрудники и помощники. Онъ самъ когда-то былъ, можетъ быть, адвокатомъ этого объѣзда, и ему во всякомъ случаѣ хорошо знакомы и робость и неувѣренность первыхъ выступленій адвоката.

Отношенія между судьей и адвокатомъ во время судебнаго слѣдствія, какъ между двумя сочленами той же корпораціи, обыкновенно являются самыми дружескими и корректными. Впрочемъ, не всегда обходится дѣло безъ мелкихъ конфликтовъ, главнымъ образомъ на почвѣ многорѣчивости адвокатовъ. Единственное оружіе, которымъ разрѣшается и судьѣ и адвокату пользоваться въ такихъ случаяхъ—это *юморъ*. Я не могу удержаться отъ искушенія привести нѣсколько образчиковъ подобнаго юмора, сохраняемаго въ лѣтописяхъ отдѣльныхъ объѣздовъ.

Когда одинъ адвокатъ (M-r Carter) началъ развивать чрезмѣрно подробную аргументацію по своему дѣлу, онъ былъ прерванъ судьей—«Вы тратите понапрасну время суда».—«Время суда»? удивленно переспросилъ адвокатъ. — «Вы хотите, вѣроятно, сказать Ваше обѣденное время, Ваша честь». Судья сдѣлалъ жестъ отчаянія, словно апеллируя къ небу, а адвокатъ продолжалъ свою рѣчь. Въ другомъ аналогичномъ случаѣ побѣдителемъ оказался судья. Когда адвокатъ выставилъ ему свои защитительные тезисы, судья кратко прервалъ его замѣчаніемъ—«Я согласенъ съ Вами».—«Но, Ваша честь, вы не слыхали моихъ доводовъ»—возразилъ адвокатъ съ улыбкой. Судья кивнулъ головой и внимательно прослушалъ получасовыя объясненія адвоката. Когда тотъ кончилъ, судья лаконически замѣтилъ: «Я все-таки согласенъ съ Вами». Этому согласію судьи однажды легковѣрно поддался другой адвокатъ. Возражая въ апелляціонной инстанціи противъ постановленнаго приговора, онъ указывалъ различные доводы.—«Приводили ли Вы ихъ въ первой инстанціи?—спросилъ его предсѣдатель.—«Да, но ученый судья остановилъ меня» — «Какъ это онъ сдѣлалъ»? — спросилъ судья съ пробудившимся интересомъ.—«Обманно внушилъ мнѣ своимъ кивкомъ мысль—сказалъ негодующій

адвокатъ—что онъ расположенъ въ мою пользу»! Одинъ американскій коллега этого довѣрчиваго адвоката оказался осторожнѣе. Подробно аргументируя въ пользу своего дѣла предъ Высшимъ Судомъ Соединенныхъ Штатовъ, онъ былъ остановленъ предсѣдателемъ: «Г. Джонсъ, вы должны же предположить, что этотъ судъ самъ понимаетъ *что-нибудь* въ законахъ».— «Именно эту ошибку я сдѣлалъ въ судѣ первой инстанціи»—былъ отвѣтъ адвоката. Сержантъ Channel жаловался разъ своему другу на судью Tindall.—«Онъ рѣшилъ противъ меня юридическій вопросъ, который былъ ясенъ, какъ a, b, c»—говорилъ онъ. «Но что въ томъ,—отвѣтилъ другъ—что вопросъ былъ ясенъ, какъ a, b, c для васъ, когда судья отнесся къ нему, какъ d, e, f (deaf—глухой)?» Судьи не очень довольны многорѣчивостью бэрристеровъ, въ особенности юныхъ, и одинъ изъ судей говорилъ: «Нужно издать особый Statute of Limitations для защиты судей отъ безпрестанныхъ obiter dicta («здѣсь, кстати, слѣдуетъ отмѣтить»)». Находчивый отвѣтъ адвоката парализуетъ иногда и юридическое разъясненіе судьи. Отстаивая свое дѣло, одинъ адвокатъ просилъ судью разъяснить, что представленныя доказательства недостаточны для признанія иска. Судья замѣтилъ, что апелляціонный судъ, вѣроятно, признаетъ такое разъясненіе неправильнымъ. «Я не думаю, чтобы это было вѣроятнымъ»—возразилъ адвокатъ. «Вы, вѣроятно, знаете апелляціонныхъ судей лучше меня—иронически отвѣтилъ судья—Вы слышите ихъ въ судѣ, а я могу бесѣдовать съ ними только иногда за завтракомъ».—«Ваша честь видитъ ихъ въ наилучшихъ условіяхъ (at their best)»—былъ сухой отвѣтъ, сказанный въ тонѣ крайней почтительности и торжественности. Но порою отвѣты адвокатовъ, отстаивающихъ свое право слова, бываютъ весьма смѣлыми. Часто цитируется отвѣтъ сержанта Gurney, данный имъ судьѣ Willes, когда тотъ прервалъ его: «Ваше лордство еще болѣе великій человѣкъ, чѣмъ Вашъ отецъ, котораго я хорошо знавалъ. Онъ понималъ меня всегда послѣ того, какъ я кончалъ свою рѣчь, Ваше лордство понимаете меня еще до того, какъ я началъ». Излишняя

нетерпѣливость судьи иногда находитъ достойный отпоръ. Про одного судью—шотландца разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Раздраженный долгою рѣчью адвоката, онъ высокомѣрно обратился къ нему, и указывая пальцемъ на свое ухо, сказалъ: «Все равно, сударь, ваши аргументы входятъ у меня въ одно ухо, а выходятъ чрезъ другое».—«Я не сомнѣваюсь, милордъ, что ничто не можетъ у Васъ мѣшать этому»—былъ почтительный отвѣтъ адвоката. Судьи рѣдко пользуются своимъ правомъ наказывать адвокатовъ за contempt of court въ случаѣ такихъ отвѣтовъ. Они боятся того, что мѣткій отвѣтъ убьетъ все величіе этой кары. Когда судья Robinton грозилъ M-r Hoare наказаніемъ за неуваженіе къ королевскому судьѣ, тотъ отвѣтилъ: «Милордъ, я читалъ въ книгѣ, что крестьянинъ въ эпоху Карла I, найдя королевскую корону одѣтой на дерево, проявлялъ по отношенію къ ней всѣ знаки уваженія и почета; я иду еще далѣе—я буду уважать ее даже тогда, когда она одѣта на терновый кустъ» (bramble терновый кустъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—зябликъ, воробей). M-r John Clerk (впослѣдствіи извѣстный широко подъ именемъ лорда Эльдона) разсказываетъ, что, будучи еще юнымъ адвокатомъ, онъ не могъ удержаться, услышавъ рѣшеніе, вынесенное судьей противъ его кліента, отъ словъ: «Удивляюсь этому рѣшенію!» Это было признано за contempt of court и онъ былъ приглашенъ на другой день въ судъ для выслушанія своего приговора. Защиту его взялъ на себя другой адвокатъ, который произнесъ слѣдующую рѣчь: «Я очень сожалѣю, милордъ, что мой юный другъ столь забылся, что съ неуваженіемъ отозвался о Вашей почтенной скамьѣ. Онъ очень раскаивается и я просилъ бы приписать его поведеніе его неопытности. Вы сразу поймете, что именно она является причиной этого. Онъ сказалъ, что удивленъ рѣшеніемъ Вашего лордства. Но, если бы онъ не былъ столь несвѣдущъ въ томъ, что происходитъ въ этомъ судѣ ежедневно, если бы онъ зналъ этотъ судъ, какъ знаю его я, то онъ не удивлялся бы *ничему* изъ того, что здѣсь происходитъ».

Конфликты на политической почвѣ между судьей и адвокатомъ—явленіе почти невозможное при настоящихъ условіяхъ. Послѣдній случай такого конфликта относятъ къ 18 вѣку. Знаменитый Ерскинъ выступалъ по дѣлу Dean of st Asaph, опубликовавшаго памфлетъ о свободѣ совѣсти. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы присяжнымъ былъ поставленъ дополнительный вопросъ о смыслѣ нѣкоторыхъ словъ ихъ вердикта. Судья Buller отказывался сдѣлать это. Эрскинъ повторилъ свою просьбу. Тогда судья грубо оборвалъ его: «Садитесь, г. Эрскинъ. Вспомните о Вашихъ обязанностяхъ, иначе я принужденъ буду научить Васъ имъ». Эрскинъ не менѣе горячо замѣтилъ: «Я знаю свои обязанности столь же хорошо, какъ Ваше лордство знаете Ваши. Я здѣсь защищаю своего товарища-гражданина и потому я *не сяду*». Судья замолчалъ и принужденъ былъ поставить вопросъ.

Характерны случаи того, какъ адвокатовъ постигало разочарованіе, несмотря на искусную защиту. Въ сѣверномъ округѣ разсматривалось дѣло о покражѣ утокъ. Въ полуторачасовой рѣчи адвокатъ доказывалъ присяжнымъ: 1) что обвинитель вовсе и не терялъ своихъ утокъ; 2) что утки, найденныя у подсудимаго, давно принадлежали ему и 3) что подсудимый во время кражи находился совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Судья далъ благопріятное резюмэ и въ послѣднюю минуту подсудимый попросилъ разрѣшенія воспользоваться послѣднимъ словомъ. «Все, что я хочу сказать, господа—это то, что лучше мнѣ было бъ не брать вовсе этихъ проклятыхъ утокъ у N». Въ другомъ дѣлѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Midland circuit, главной уликой противъ подсудимаго по дѣлу объ убійствѣ была найденная на мѣстѣ преступленія шляпа, которую считали принадлежащей подсудимому. Защитникъ обратился къ присяжнымъ съ горячей рѣчью, гдѣ доказывалъ, что обыкновенная шляпа, которую носитъ каждый изъ насъ не можетъ быть достаточной уликой, чтобы послать человѣка на висѣлицу. Защита произвела на присяжныхъ сильное впечатлѣніе и они оправдали подсудимаго. Но онъ медлилъ уходить изъ суда и бросалъ растерянные взоры

по направленію къ судьѣ. Наконецъ нервнымъ голосомъ онъ спросилъ судью: «Такъ значитъ, Ваша честь, я могу теперь получить назадъ мою шляпу?» Но чаще всего судья не преминетъ отмѣтить преувеличенія адвоката предъ присяжными. По одному сомнительному дѣлу адвокатъ позволилъ себѣ апеллировать къ чувству справедливости судьи.—«Когда я слышу о справедливости, важно сказалъ судья, въ дѣлѣ, подобномъ этому, мнѣ припоминается слѣпой человѣкъ въ темной комнатѣ, ищущій свою черную шляпу, которой, вдобавокъ, тамъ никогда и не было». Въ другомъ случаѣ адвокатъ, защищая безнадежное дѣло, въ своей рѣчи присяжнымъ указалъ, что все же въ его пользу говорятъ нѣкоторыя доказательства.—«Ученый адвокатъ—сказалъ судья въ своемъ резюмэ—совершенно правъ; въ его пользу говорятъ нѣкоторыя доказательства; но онъ—юристъ, а вы, не будучи юристами, можете и не знать, что значитъ слова «нѣкоторыя доказательства», и потому я объясню Вамъ это. Вообразите, что кто либо предъявилъ искъ по векселю и шесть человѣкъ подъ присягой удостовѣряютъ, что они видѣли, какъ онъ принялъ деньги, шесть другихъ—что они слышали, какъ онъ говорилъ о необходимости уплатить по векселю и, наконецъ, шесть третьихъ — что они хорошо знаютъ отвѣтчика и присягаютъ, что подпись на векселѣ сдѣлана его рукой. Вообразите, съ другой стороны, отвѣтчикъ вызоветъ своего стараго пріятеля по школѣ, съ которымъ онъ былъ знакомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ и больше не видѣлся съ тѣхъ поръ, который будетъ сомнѣваться въ подлинности его почерка. Это и будетъ «нѣкоторымъ доказательствомъ,» которое имѣлъ въ виду почтенный адвокатъ».

Остроуміе судей проявляется далеко не на счетъ однихъ только адвокатовъ. Каждый объѣздъ гордится крупицами судейской мудрости, разсыпанными въ судейскихъ афоризмахъ, гордится остроумными или характерными заключеніями и замѣчаніями судей.

Вотъ нѣкоторые изъ афоризмовъ, относящіеся къ доказательствамъ: «Истина всегда пробьется наружу, даже чрезъ affidavit (такъ называется протоколъ до-

проса, произведеннаго у нотаріуса подъ присягой, представляемый въ случаѣ невозможности для свидѣтеля явиться лично въ судъ)». «Всѣ лжецы раздѣляются на три категоріи: лжецы просто, отъявленные лжецы и профессіональные эксперты (expert witneses)». «Я не допущу этого вопроса, сказалъ одинъ судья въ ассизахъ. Именно подобный вопросъ былъ недавно заданъ свидѣтелю въ Реннѣ, въ дѣлѣ Дрейфуса». «Если вы заглянете подъ горностаевую тогу судьи — говорилъ лордъ Брамуэль—вы найдете, что судья на одну треть является присяжнымъ». «Искуство доказыванія, говоритъ популярный Плоуденъ, — состоитъ въ томъ, чтобы сблизиться съ присяжными и дать имъ почувствовать, что вы являетесь тринадцатымъ присяжнымъ на судѣ». Характеренъ также отвѣтъ главнаго судьи Андерсена, когда ему указали на несоотвѣтствіе одного изъ положеній съ общимъ принципомъ: «Я сужу здѣсь, замѣтилъ онъ—на основаніи права, а не логики». Англійское право срого придерживается принципа, что никто не долженъ быть осужденъ безъ того, чтобы ему была предоставлена возможность привести оправдательныя объясненія. «Этотъ принципъ—говорилъ судья Фостеръ—имѣетъ въ свою пользу весьма старый прецедентъ. Самъ Господь Богъ не постановилъ приговора противъ Адама, не предоставивъ ему возможности оправдаться. «Адамъ, сказалъ Богъ, гдѣ ты? Не вкусилъ ли ты плода отъ древа, отъ котораго я запретилъ тебѣ вкушать?. Подобный же вопросъ былъ предложенъ и Евѣ». Другой любитель подобныхъ прецедентовъ въ доказательство того, что никто не можетъ быть осужденъ безъ обвинителя, ссылался на отношеніе Христа къ грѣшницѣ. Когда еврейскій народъ привелъ къ нему блудницу, Христосъ сказалъ: «Кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ камень». И такъ какъ никто не выступалъ, Онъ отпустилъ ее и сказалъ: «Иди и больше не грѣши». Очевидно — замѣчаетъ англійскій судья—Онъ не рѣшился осудить ее безъ обвинителя.

Въ историческихъ архивахъ отдѣльныхъ объѣздовъ хранятся образцы отдѣльныхъ поученій, сказанныхъ

судьями присяжнымъ. Не превзойденнымъ примѣромъ обширности судейскаго резюмэ является рѣчь главнаго судьи лорда Кокбэрна по дѣлу Тичборна въ 1874 г., которая занимаетъ 2 тома in quarto, объемомъ въ 1650 страницъ. Рекордъ краткости побиваетъ поученіе престарѣлаго судьи Фостера въ оксфордскомъ объѣздѣ. Онъ обратился къ присяжнымъ въ Уорчестерѣ съ слѣдующей рѣчью: «Джентльмэны, погода сегодня очень жаркая, я очень старъ, а вы, думаю, прекрасно знакомы съ вашими обязанностями и надлежаще выполните ихъ. Жду вашего вердикта». Съ нимъ конкурируетъ резюмэ, произнесенное однимъ изъ судей западнаго объѣзда. Когда подсудимый былъ неопровержимо уличенъ въ кражѣ и, не смотря на это, въ свое оправданіе сталъ запираться, судья только свистнулъ и, обращаясь къ присяжнымъ, сказалъ: «господа, вашъ вердиктъ». При всей своей краткости весьма остроумно заключеніе судьи Maule по одному гражданскому дѣлу, въ которомъ свидѣтели немилосердно лгали. «Господа присяжные — сказалъ судья—если вы повѣрите свидѣтелямъ истца, вы должны рѣшить дѣло въ пользу отвѣтчика; если вы повѣрите свидѣтелямъ отвѣтчика, вы должны рѣшить дѣло въ пользу истца. Если же, подобно мнѣ, вы не повѣрите ни тѣмъ, ни другимъ, то одно небо скажетъ вамъ, какъ поступить. Обсудите вашъ вердиктъ». Судьѣ лорду Брамуэлю приписывается слѣдующее резюмэ въ Страдфордскихъ ассизахъ: «Господа присяжные, подсудимый обвиняется въ кражѣ лошади. Въ своемъ преступленіи онъ сознался, но почтенный защитникъ его убѣжденъ въ томъ, что это недоразумѣніе. Вы, слѣдовательно, должны рѣшить вопросъ, кто изъ нихъ заслуживаетъ довѣрія. Если у васъ будутъ какія либо сомнѣнія на этотъ счетъ, то помните, что подсудимый находился на мѣстѣ совершенія преступленія, а почтеннаго защитника тамъ не было». Въ одномъ случаѣ, разбирая дѣло о кражѣ сапогъ, судья Андерсенъ спросилъ подсудимаго, что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе.—«Я унесъ ихъ въ шутку, ваша честь»—«Какъ далеко вы ихъ унесли?»—спросилъ судья. «Не полторы мили, ваша честь». «Я полагаю, что эта шутка зашла слишкомъ

далеко, какого мнѣнія вы, господа присяжные?»—было краткое резюмэ Андерсена.

Въ былое время адвокаты, участвовавшіе въ объѣздахъ составляли сборники судебныхъ рѣшеній по различнымъ юридическимъ вопросамъ, воплощенные въ такъ назыв. Year Books Эти сборники писались безпрерывно, начиная съ конца XII вѣка и до XVI вѣка, когда ихъ вытѣснили печатные «law reports». Но и теперь встрѣчаются судебныя записи, сдѣланныя скучающими адвокатами. Приведу нѣсколько стихотворныхъ law reports, набросанныхъ участниками объѣздовъ. Вотъ составленный по всѣмъ правиламъ «law reporting» отчетъ объ уголовномъ дѣлѣ.

Coventry Lent Assizes:

Coram lord Abinger. Rex v. Harriet Dunn
Indictment for stealing a Bucket

First Witness:

She brought me this bucket, she offered for sale,
But she roused my suspicions by looking so pale;
She said it was hers, but I thought it no fun
If I should be cheated by Harriet Dunn.

Policeman:

My Lord, this'ere woman I happen'd to meet,
And she had this'ere bucket with her in the street.
I ax'd if'twas hers—her account was a sham-un,
So says I «Come wich me, and no more of your gaunnon».

Prosecutor:

I had this'ere bucket before it was dark,
And I know it is mine by this'ere little mark.

Prisoner:

This bucket'tis true I declare, as I tell it,
A young woman gave me and asked to sell it.

Jury:

She's guilty, we say, without fear and affection.

Lord Abinger:

I'll give her three month at the House of Correction [1]).

---

[1]) *Весенніе ассизы въ Ковентри.* Предъ лордомъ Абингеръ. Король противъ Гарріетъ Дэнпъ. Обвиненіе: кража ведра.

А вотъ отчетъ о спорномъ гражданскомъ дѣлѣ, вполнѣ напоминающій Burrow's Reports:

«A woman, having a settlement,
Married a man with none
The question was, he being dead
If that she had was gone?
Quoth sir John Pratt: Her settlement
Suspended did remain,
Living his husband; but him dead,
It doth revive again.

Хоръ остальныхъ судей повторяетъ:

Living his husdand; but him dead
It doth revive again!» [1]).

А вотъ другое мудрое рѣшеніе, записанное остроумнымъ адвокатомъ:

«If a herson says,
He killed my wife,
No action lies
If she is yet alive» [2]).

Въ пластахъ наслоеній, образовавшихся отъ объѣздовъ, можно найти не только залежи судейскаго юмора. Каждый округъ имѣетъ не только свою лирику и свою портретную галлерею, свои традиціи, свои

Первый свидѣтель. Она принесла мнѣ это ведро, которое предложила купить, но ея блѣдность вызвала у меня подозрѣнія. Хотя она говорила, что ведро принадлежитъ ей, но я считалъ, что печально будетъ, если меня надуетъ Гарріетъ Дэннъ.

Полицейскій: Вотъ женщина, которую я встрѣтилъ, несущей по улицѣ ведро. Я спросилъ, принадлежитъ ли оно ей, но отвѣтъ ея былъ сбивчивъ, и тогда я сказалъ: «Пойдемъ со мной и больше ни слова».

Обвинитель: Я имѣлъ это ведро до сумерекъ и узнаю его по этой маленькой отмѣтинѣ.

Подсудимая: Я увѣряю искренне, что одна молодая женщина дала мнѣ это ведро и просила продать его.

Присяжные: Она виновна, мы безпристрастно рѣшили.

Лордъ Абингеръ: Я приговариваю ее къ тремъ мѣсяцамъ исправительнаго дома».

[1]) Женщина, имѣвшая приданое, вышла замужъ за человѣка, не имѣвшаго имущества. Вопросъ заключается въ томъ, переходитъ ли послѣ его смерти къ ней обратно право собственности на приданое. Сэръ Джонъ Пратъ заявляетъ: «Ея право собственности во время жизни супруга оставалось какъ бы суспенсированнымъ, но послѣ его смерти оно снова оживаетъ (до послѣдняго времени въ Англіи замужнія женщины не могли имѣть отдѣльнаго отъ мужа имущества)».

[2]) «Если кто либо утверждаетъ, что другой убилъ его жену, то нѣтъ обвиненія, если она находится еще въ живыхъ».

анекдоты, но свой и эпосъ. Изъ произведенiй эпическихъ мы позволимъ себѣ привести поэму, написанную судьей Darling, однимъ изъ наиболѣе выдающихся судебныхъ дѣятелей современной Англiи, долгое время участвовавшаго въ качествѣ адвоката (а затѣмъ и судьи) въ Оксфордскомъ объѣздѣ. Она прекрасно характеризуетъ обрядовую сторону объѣздовъ.

Оксфордскiй объѣздъ [1]).

Ради чего городъ графства, базаровъ издавнее мѣсто [2]),
Шумомъ и звономъ въ церквахъ разбуженъ отъ спячки обычной?
Колоколовъ несмолкающiй хоръ что сегодня вѣщаетъ?
Ради чего вьется влагъ надъ тюрьмой [3]) и надъ замкомъ знамена,
Ярко блестя между темныхъ фортовъ подъ сѣрѣющимъ небомъ?
Ради чего эти странныя сходбища всюду у тавернъ,
Вмѣстѣ сошлися куда житель лѣса, рабочiй и пахарь?
Глядя угрюмо кругомъ или робкiе взоры бросая,
Кучка крестьянъ сторонится отъ жителей города бойкихъ,
Пивомъ дешевымъ и дымомъ табачнымъ пропитанныхъ насквозь,
Щедрыхъ на хитрыя рѣчи и падкихъ до всякихъ совѣтовъ.

Это судья ѣдетъ въ городъ, красный судья для ассизовъ [4])
Вмѣстѣ съ собой онъ привозитъ свободу наивнымъ страдальцамъ,
Кару всѣмъ злымъ, что смѣнитъ жизни трудъ на трудъ тяжкiй, тюремный.

Онъ прибываетъ сюда ради кары, а съ нею грядетъ исправленье,
Нужна законная месть—то бальзамъ сторонѣ потерпѣвшей,
Хоть навлекаетъ она на многихъ злодѣевъ страданья,
Но и тѣмъ самымъ влечетъ къ добродѣтелямъ многихъ согражданъ.

---

1) Мы рѣшились передать въ переводѣ текстъ, сохранивъ гекзаметръ, которымъ написано произведенiе Darling'а. Мы не приводимъ параллельно подлинника, такъ какъ онъ труденъ для чтенiя даже современному англичанину вслѣдствiе множества архаизмовъ. Въ переводѣ сдѣланы несущественныя сокращенiя, оговоренныя особо, и опущены нѣкоторыя метафоры или сравненiя, понятныя только при глубокомъ знакомствѣ съ англiйской исторiей. Оно напечатано въ сборникѣ стихотворенiй *Darling* (On the Oxford circuit and other verses, 1909). Всѣ примѣчанiя къ нему сдѣланы нами.

2) Въ былое время ярмарка была средоточiемъ мѣстной жизни и потому понятно, что главный городъ совпадалъ съ мѣстомъ базаровъ.

3) Тюрьма въ былое время была королевскимъ замкомъ, т. е. укрѣпленнымъ мѣстомъ, надъ которымъ развивался флагъ—эмблема королевскаго господства. Теперь когда въ предѣлахъ тюрьмы совершается казнь, этотъ флагъ приспускается, давая тѣмъ самымъ знать населенiю о казни.

4) Red Iudge of Assizes—вслѣдствiе своей красной королевской мантiи

Добрый останется добрымъ, дурной-жъ отъ того улучшится.
Каждый получитъ свое—тюрьму, бичеванье иль казнь,
Доли не больше своей, хотя все же въ достаточной мѣрѣ.
Такъ поступать вѣдь велитъ пріятная всѣмъ справедливость.

Глядь-ка! Вотъ поступью гордою кони лихіе гарцуютъ;
Скрипъ раздается кареты и трубъ неувѣренныхъ звуки;
Это въ парадномъ строю на встрѣчу судьѣ ѣдетъ шерифъ.
Пурпурный плащъ, треуголка и мечъ украшаютъ шерифа,
Веллингтонъ словно, грозу наводившій на робкихъ французовъ,
Какъ онъ изъ бронзы стоитъ, украшая собой Пикадилли.
Узкія улицы, змѣямъ подобныя, быстро мелькаютъ...
Вотъ и вокзалъ. Скоро поѣздъ желанный съ юга примчится.
Ждетъ, по платформѣ шагая, шерифъ. Но вотъ ужъ и поѣздъ [1]).

Быстро, привѣтствуя всѣхъ и особо шерифа, съ маршаломъ
Сходитъ пріѣзжій судья, и въ каретѣ, запряженной цугомъ,
Шествуетъ важно, прервавши обычное чтенье дороги—
Актовъ суда иль трудовъ Цицерона, Катулла, Гомера.
Съ шляпой въ рукахъ онъ идетъ, принимая поклоны шерифа.
Сдержаны все же салюты судьи и старосты графства [2]).
Требуетъ то стародавній обычай. Посланецъ короны
Часто не любъ для страны подчиненной, повинностей бремя
Не оправдавшей вполнѣ иль его нерадиво носившей.
Требуетъ многаго онъ отъ шерифа, повиннаго службой [3]).

---

[1]) Эта встрѣча является обычаемъ сохранившимся отъ старыхъ временъ. Въ былыя времена во время объѣздовъ по обширнымъ пространствамъ на границѣ каждаго графства судью встрѣчалъ шерифъ съ отрядомъ javelins, которые должны были защищать его и привести безопасно въ городъ, гдѣ должны были происходить великіе ассизы. По окончаніи разсмотрѣнія дѣлъ, шерифъ долженъ былъ такимъ же способомъ проводить судью до границы своего графства и сдать тамъ его подъ охрану другого шерифа, ожидавшаго его съ дружиной (posse) изъ мѣстныхъ людей. Путешествіе судей въ то время далеко не было такимъ комфортабельнымъ, какъ теперь. Судьи немилосердно штрафовали шерифовъ за скверныя дороги, прелесть которыхъ они испытывали на себѣ. Судья Бестъ жаловался на то, что по дорогѣ въ судъ онъ чуть не сломалъ себѣ шеи. Другой судья сдѣлалъ выговоръ шерифу за то, что тотъ незаконно подвергаетъ подсудимыхъ жестокимъ пыткамъ до суда, приводя ихъ въ ассизы по такимъ сквернымъ дорогамъ, по которымъ ѣхалъ онъ.

[2]) Въ текстѣ написано: Shire reeve = Sheriff, буквально — староста графства.

[3]) Графства въ былыя времена являлись самостоятельными королевствами. Пріѣзжій посланецъ норманнскихъ королей пріѣзжалъ собирать штрафы и взыскивать за упущенія. О страхѣ, который къ нему питало населеніе, см. выше.

Здѣсь представляютъ судьѣ священника въ рясѣ церковной [1]).
Ратники [2]) честь отдаютъ и торжественной слѣдуютъ свитой.
Медленно ѣдетъ судья средь толпы съ любопытствомъ смотрящей.
Тутъ изучаетъ толпа, каковъ королевскій посланецъ;
Сумраченъ онъ ли, какъ Брутъ, или кровожаденъ какъ Джефрейсъ [3]),
Мудръ-ли въ законахъ какъ Эльдонъ [4]), ученъ-ли, гуманенъ какъ Муррей,
Есть-ли душа у него, или буква одна лишь закона.

Гордо на козлахъ сидитъ возница кареты судейской,
Гербомъ украшенной. Гибкій свой хлыстъ надъ конями взвивая,
Мчитъ тугоуздыхъ коней, ретивый ихъ бѣгъ умѣряя.
Звонко стучатъ ихъ копыта и мѣрно трясутъ они гривой.
Вдругъ осадилъ онъ ихъ круто на площади главной у дома.
Простъ, незатѣйливъ тотъ домъ; онъ назначенъ судьѣ быть жилищемъ [5]).

Спрыгнулъ судья изъ кареты, избѣгнувъ услуги лакея;
Пѣшимъ затѣмъ направляется въ судъ, чтобъ найти тамъ скорѣе
Клерковъ ассизнаго и обвиненій [6]), судью ожидавшихъ тоскливо,
Также другихъ сотоварищей, въ грамотѣ перечисленныхъ [7]).

---

1) О функціяхъ этого священника см. выше.

2) Javelin-men, они носятъ особое оружіе въ видѣ длиннаго шеста или пики (staves).

3) Jeffreys—имя англійскаго судьи эпохи Карла II, которое разсматривается какъ олицетвореніе суровости и низкопоклонничества предъ властью.

4) Lord Eldon (1751—1838), судья, позднѣе лордъ главный судья отличавшійся остроуміемъ и глубокой эрудиціей.

5) Одною изъ обязанностей шерифа является предоставленіе судьѣ и его свитѣ жилища. Судья не долженъ останавливаться въ гостинницѣ. Обычно помѣщеніе это является весьма скромнымъ. *Darling* подробно останавливается на описаніи его, но мы опустили подробности. Порою судьямъ приходилось воевать за самыя элементарныя удобства. «Midland circuit, пишетъ *Hawkins*, всегда славился своимъ сквернымъ помѣщеніемъ для судей Его Величества и я съ перваго до послѣдняго дня своей судейской дѣятельности заботился объ улучшеніи его. Нѣкоторые судьи въ своихъ поученіяхъ большому жюри останавливались на международныхъ отношеніяхъ, государственныхъ дѣлахъ, на состояніи промышленности; я же избиралъ въ Aylesbury болѣе скромную тему и обращалъ вниманіе этого высокаго органа на жалкое состояніе помѣщеній, отведенныхъ судьямъ; эти помѣщенія были столь плохи, что едва ли какой либо офицеръ призналъ бы удобнымъ размѣстить тамъ солдатъ». (*H. Hawkins*, Reminiscences vol II, 1904, p. 39). Однажды, когда слушалось дѣло о покражѣ овецъ, въ судъ были принесены туши убитыхъ овецъ, издававшія необычайное зловоніе. «Скорѣе унесите ихъ въ апартаменты судьи—съострилъ *H. Hawkins*—тамъ этотъ запахъ не будетъ чувствоваться».

6) Clerk of Assize and clerk of indictments.

7) Позволю себѣ на ряду съ описаніемъ парадной встрѣчи судьи предъ ассизами, помѣщенной въ поэмѣ Darling'a привести еще и другое, заимствуемое изъ книги *H. Hawkins*, Reminiscencens, 1904, p. 119. «Когда сэръ

Грамоту громко читаетъ ассизовъ клеркъ съ частымъ поклономъ.
Въ ней поручается судьямъ очистить тюрьму и дѣла всѣ

Генри Гокинсъ начиналъ свое путешествіе со своимъ маршаломъ, онъ чувствовалъ все свое громадное значеніе, какъ то чувствуютъ обыкновенно судьи, отправляющіеся въ объѣзды, конечно, не съ своей личной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія публики. Онъ не испытывалъ той нервной оживленности, которая охватывала другихъ и которая побудила одного изъ судей Его Величества сказать, что нѣтъ въ государствѣ столь высокаго положенія, какъ положеніе судьи, совершающаго объѣздъ, и вызвала также другое замѣчаніе: «Даже лакей на запяткахъ кареты лордъ-мэра, предоставленной судьѣ, всецѣло проникнутъ этимъ чувствомъ». Самый объѣздъ является пріятнымъ развлеченіемъ и становится прекрасной прогулкой, если погода благопріятствуетъ, что, впрочемъ случается рѣдко. Я не говорю здѣсь о тѣхъ сѣверныхъ городахъ, гдѣ каторжный трудъ не покидаетъ судьи съ момента, когда онъ прочитываетъ грамоту объ ассизахъ, и до момента, когда онъ возвращается обратно въ свой домъ-тюрьму. Я имѣю въ виду сельскіе ассизы въ мѣстахъ подобныхъ Уорику и Бэдфорду или, если угодно, Окаму, гдѣ судья въ девяти случаяхъ изъ десяти, одѣваетъ свои бѣлыя перчатки, улыбается предъ большимъ жюри, поздравляетъ ихъ съ отраднымъ состояніемъ календаря и затѣмъ отправляется куда-нибудь для спорта съ мѣстнымъ джентельменомъ въ имѣніе, пока не наступитъ время открыть ассизы въ какомъ-либо другомъ парадизѣ, куда еще не нашла доступа преступность. Но если я помѣщу Окамъ на одной чашкѣ объѣздной системы, а Лидсъ и Манчестеръ на другой и укажу середину, то получится мѣсто, нѣсколько похожее на Линкольнъ, какимъ онъ былъ въ старые годы. Здѣсь часто судьи вкушали прелести объѣзда... Въ настоящее время на Линкольнской станціи, снаружи и внутри собралась значительная толпа разряженныхъ и убогихъ людей, стоящихъ съ непокрытыми головами изъ уваженія къ судьѣ и съ глубокимъ страхомъ взирающихъ на него. Нѣкоторыя дамы изящно приподымаютъ низъ своихъ платьевъ, другія скромно кутаютъ свои загорѣлыя руки косынкой. Они ждутъ прибытія поѣзда и ихъ сердца бьются ожиданіемъ увидѣть судью. Увы, нѣкоторые изъ нихъ увидятъ его слишкомъ скоро и слишкомъ близко. Наиболѣе замѣтнымъ персонажемъ снаружи является тучный и полный достоинства кучеръ въ напудренномъ парикѣ, покрытомъ прихотливой шляпой, и лакей въ такомъ же парикѣ въ важной ливреѣ. Прильнувъ къ изгороди палисада, кажется, всѣ мальчики и подростки Линкольна собрались посмотрѣть на судью. На платформѣ—ибо данъ былъ уже сигналъ о скоромъ приходѣ поѣзда—шерифъ въ полномъ облаченіи, капелланъ въ рясѣ и мѣстная знать, отдѣльныхъ представителей которой я за недостаткомъ мѣста не могу перечислить. Головы всѣхъ обнажены и всѣ неподвижны, кромѣ тѣхъ, которые испытываютъ всю торжественность момента. Хотя шерифъ, капеланъ и другіе держатъ шляпы въ рукахъ, но въ такомъ благовоспитанномъ городѣ, какъ Линкольнъ, всѣ хорошо понимаютъ, что пріѣздъ судьи не долженъ сопровождаться криками и привѣтствіями, а только глубокимъ, достойнымъ поклономъ. Среди такого ожиданія и глухого перешептыванія толпы медленно въѣзжаетъ поѣздъ; станціонный служитель открываетъ двери вагона и оттуда выскакиваетъ прежде всего «Джекъ» (собака Гокинса, съ которою онъ не разставался). Въ толпѣ слышны возгласы: «Вотъ онъ! Посмотри-ка на него, Биль! Вотъ Гокинсъ! Видишь-ли его? Да вотъ же, за этимъ высокимъ дьяволомъ»! Послѣдній наблюдатель ошибся, принявъ высокаго человѣка въ черномъ за дьявола; имъ былъ капеланъ шерифа, который будетъ произносить проповѣдь объ ассизахъ въ ближайшее воскресенье въ соборѣ».

Выслушать и разрѣшить [1]). Свитокъ правилъ [2]) шерифъ представляетъ,
Смыслъ которыхъ ему ужъ теперь непонятенъ и теменъ;
Отъ наставленій отвыкъ онъ давно. Словно дѣдовыхъ сказокъ
Вспомнитъ порой хитроумный разсказъ, имъ слышанный въ дѣтствѣ.
Ихъ онъ вручаетъ судьѣ, а тотъ отдаетъ свитокъ клерку.

Съ жалобой нынѣ къ судьѣ короля объѣздному тѣснятся
Жители графства [3]). Со времени Генриха Плантагенета
Каждый годъ объѣзжаютъ страну королевскіе судьи,
Властную помощь пріѣздомъ своимъ странѣ доставляя.
Или законы везутъ—плодъ согласія рыцарей графства,
Общинъ упорныхъ и воли монарха, не очень охотной;
Или обычай издавній—въ груди сохраняемый судей [4]).
Всѣ уважаютъ законы страны, будь то лордъ иль крестьянинъ,
Родину рады всегда—и пѣшій, и всадникъ, и пахарь—
Грудью своей защищать отъ вторженья враговъ иноземныхъ,
Какъ только попраны ими цвѣтъ лилій и гербъ леопардовъ [5]).
Право доступно всѣмъ смертнымъ, покамѣсть велѣнья церковникъ [6])
Не закрѣпитъ на письмѣ или юристы его истолкуютъ,
Смыслъ затемнивъ и издавъ на старомъ нарѣчьи норманнскомъ,
Быстро забытомъ норманнами даже съ тѣхъ поръ, какъ узнали
Славный англійскій языкъ, что богатою жатвой собрали
Въ житницы Говеръ съ Чосеромъ, великій Шекспиръ, славный Мильтонъ.

Скоро уходитъ шерифъ; за нимъ мэръ и совѣтники града
Слѣдуютъ длинной чредой. Впереди жъ несутъ мечъ и булаву.
И остается одинъ со своими мечтами судья.
Тихо приходятъ онѣ, когда сумерки кутаютъ землю,
И незамѣтно скользятъ среди тлѣющихъ угольевъ тѣни.
Тѣни людей, ужъ почти позабытыхъ, но нѣкогда близкихъ [7]).
. . . .
. . . .

---

[1]) Deliver the gaol and hear and determine.

[2]) Precepts—наставленія, которыя шерифъ и его подчиненныя должны были соблюдать.

[3]) Здѣсь имѣются въ виду жалобы на мѣстныхъ чиновниковъ, контролировать дѣятельность которыхъ призванъ судья.

[4]) См. выше о роли судей, стр.

[5]) Leopards on fleur de lis—старинный гербъ англійскаго королевскаго дома.

[6]) Clerk-churchmen.

[7]) Здѣсь мы опускаемъ шесть строкъ, посвященныхъ характеристикѣ личности судьи.

Помнитъ ли нынѣ судья отдаленный тотъ день своей жизни,
День, когда онъ въ первый разъ съ судьей пріѣзжалъ въ этотъ городъ,
Тогу изъ шелка и новый парикъ привезя въ мѣшкѣ синемъ [1]).
Зналъ онъ законъ, но неопытенъ былъ онъ въ искусствѣ житейскомъ.

Видитъ ли онъ себя снова сидящимъ въ торжественной залѣ,
Здѣсь созерцая своихъ товарищей новыхъ объѣзда;
Младшихъ—всевѣдущихъ въ правѣ и лидеровъ—право забывшихъ [2]).
Младшій, неопытный въ рѣчи, и лидеръ, знатокъ краснорѣчья,
Служатъ другъ другу хорошимъ подспорьемъ въ судебной работѣ.
Всюду одинъ существуетъ на счетъ недостатковъ другого,
Тѣмъ сохраняя балансъ и порядку способствуя вмѣстѣ.
Свой оборотъ совершаютъ они, словно шаръ вокругъ оси.

Помнитъ ли также судья свое въ первый разъ выступленье,
День, незабвеннымъ казавшійся—все же теперь позабытый? [3]).
Скрылся во тьмѣ низъ высокой спирали, зовущейся жизнью..
Вотъ передъ нимъ адвокаты, сопутники вѣчныхъ объѣздовъ.
Смѣло другъ съ другомъ борясь, защищаютъ всѣ дѣло кліента,
Не альтруисты они, но и не себялюбцы простые.
Для постороннихъ они—соперники въ схваткѣ искусной,
Другъ передъ другомъ межъ тѣмъ—закадычные только друзья,
И хоть бреттеры [4]) они, дружны оба какъ Фонтій и Дамонъ.
Спорятъ друзья и толкуютъ о книгахъ, о правѣ, о судьяхъ,
Вестминстеръ—тема однимъ, а другихъ занимаетъ Ньюмакетъ [5]).
«Дьяволы» [6])—многимъ прозванье—тѣхъ, что себя посвящаютъ
Помощи старшимъ, которымъ замѣтки и письма по дѣлу

---

[1]) Синій мѣшокъ (blue bar)—одинъ изъ аттрибутовъ адвокатскаго одѣянія.

[2]) О juniors и leaders см. выше.

[3]) Первое вступленіе или first brief всегда связано у адвоката съ пріятнѣйшими воспоминаніями. «Ни одинъ членъ сословія—пишетъ судья Hawkins въ своихъ мемуарахъ—не можетъ забыть радости отъ своего перваго brief, этого удивительнаго продолговатаго свертка бѣлыхъ бумагъ, перевязаннаго таинственной розовой тесьмой, который приносится ему ласковымъ клеркомъ, помѣченный важной надписью: «1 gua» (одна гинея). Отецъ никогда не смотрѣлъ съ большимъ удовольствіемъ на своего первенца, чѣмъ бэрстеръ смотритъ на свое first brief. Если бы пушки Тоуэра возвѣстили о рожденіи наслѣдника престола, онъ не оторвалъ бы взоровъ отъ своего свертка, чтобы спросить: «что случилось?»».

[4]) Barristers—bretteurs.

[5]) Вестминстеръ парламентъ, Ньюмакетъ—театръ, посѣщаемый высшимъ слоемъ общества.

[6]) Devils:

Изготовляютъ порой иль дѣла подходящія [1]) ищутъ,
Вѣря, что скоро и имъ удастся улучшить свой жребій,
Нынѣ жъ довольные тѣмъ, что патронъ довѣряетъ имъ дѣло,
Чтобы изъ пыли рѣшеній добыть ему нужное злато.

Гдѣ вы теперь? Гдѣ былая услада пировъ адвокатскихъ [2]),
Пѣсенъ пѣвцы, побѣдители въ скачкахъ, крикетѣ и греблѣ?
Нѣтъ здѣсь васъ. Многіе наверхъ поднялись, и въ землю другіе
Погребены, утомленные долгой и тщетной надеждой
Практику заполучить. Атторнеи жъ, увы, непотизму
Слѣдуя, практику всю пораздали роднымъ недоучкамъ
Или богатыхъ тузовъ племянникамъ грубымъ, но нужнымъ.
Въ страны далекія отплыли также иные давно ужъ,
Духомъ упавъ, иль, напротивъ, на счастье упорно надѣясь,
Къ тропикамъ жаркимъ за золотомъ иль отвѣчая запросамъ
Въ фермерахъ, мастерахъ, судьяхъ - англійскихъ далекихъ колоній.
Кой кто попалъ и въ Сенатъ [3]) и тамъ растворился безслѣдно
Въ массѣ людей, «бичами» сбираемыхъ въ залу собраній [4]),
Тратящихъ втунѣ свой трудъ и помощь правленію дающихъ
Тѣмъ лишь, что видимость только правленья они созидаютъ [5]).
Все же иные, упорнымъ трудомъ ли, заслугой ли, счастьемъ,
Ранга министра достигли иль труднодоступнаго пэрства,
Тамъ въ облакахъ на Синаѣ высокомъ они затерялись,
Видимы только лишь тѣмъ, кого жребій тяжелый заброситъ
Въ судъ апелляцій [6]) предъ тронъ иль сидѣнье изъ шерсти крутое [7]).

Дремлетъ судья, пока лики видѣній проходятъ чредою;
Въ креслѣ глубокомъ своемъ, къ огню приближенномъ, онъ грезитъ,
Противъ него въ отдаленьи маршалъ свою куритъ сигару,
Дымомъ сребристымъ укутанъ. Онъ также мечтаетъ, быть можетъ;
Думы о прошломъ его безпокоить не могутъ покамѣстъ.

---

1) Прецеденты.
2) Bar Mess.
3) Разумѣется палата лордовъ.
4) «Whips»—партійные загонщики, собирающіе передъ голосованіемъ нужные для партіи кворумъ или большинство.
5) Helping to govern the vorld by making believe it is governed.
6) Выступленіе предъ Court of Appeal въ House of Lords чрезвычайно отвѣтственная для адвоката задача.
7) Precipitous side of the Woolsack—сидѣнье спикера въ палатѣ общинъ. Выступленіе адвокатовъ въ палатѣ общинъ или лордовъ имѣетъ мѣсто при разсмотрѣніи частныхъ биллей (private bills). Право выступать принадлежитъ очень немногимъ адвокатамъ, составляющимъ parliamentary bar.

Вся его жизнь впереди,—нѣтъ въ прошломъ печали и горя;
Что онъ имѣетъ теперь—не есть еще грань для стремленій;
Будь онъ судья или маршалъ, все-жъ большаго ищетъ онъ въ
жизни.
Только немногимъ дано, вкусивши плодъ рано созрѣвшій,
Въ жизни не видѣть того, какъ увянетъ онъ осенью поздней.

Мракъ ниспадаетъ на городъ. И царственный сонъ проникаетъ
Всюду—въ жилища, казармы и тюрьмы, сравнивъ до разсвѣта
Всѣхъ межъ собой. Ибо нѣту во снѣ злыхъ и добрыхъ,
Нѣтъ ни невѣждъ ни ученыхъ, и нѣтъ ни богатыхъ ни бѣдныхъ.

Съ проблескомъ утра встаютъ и во храмъ отправляются чинно.
Шерифъ и града вельможи въ одеждахъ изъ синяго цвѣта;
Позже приходитъ судья. Ихъ на паперти пасторъ встрѣчаетъ.
Жалобно плача иль властно гремя, льются звуки органа,
Гимнъ «Храни Боже царя» [1] иль духовный мотивъ исполняя.
Люди въ соборѣ норманскомъ, колѣни смиренно склонивши,
Молятъ Отца о прощеньи грѣховъ, коль грѣховъ у нихъ мало.
Лики святыхъ отовсюду глядятъ—изъ оконъ и простѣнковъ;
Статуи молча стоятъ крестоносцевъ, аббатовъ, бароновъ.
Рыцарей въ латахъ и шлемахъ и дамъ ихъ, покрытыхъ вуалью.
Солнце, играя въ высокомъ окнѣ, испещренномъ гербами,
Въ пурпуръ, лазурь, серебро облачаетъ безмолвныхъ героевъ.
Проповѣдь пасторъ сказалъ, указавши на важность ассизовъ,
Вспомнилъ онъ судей былыхъ и величье былое временъ [2]).

Двери открыты суда. Въ нихъ проходятъ присяжный, свидѣтель,
Жалобщикъ, праздный зѣвака, констебль, служитель закона.
Входитъ судья, наконецъ, подъ звуки трубы громогласной.
Пурпурный плащъ, горностай и парикъ украшаютъ посланца.
Рыцари, граждане знатные, клятву предъ маршаломъ дали:
Будутъ они представлять обо всѣхъ нарушителяхъ пра а,
Знаютъ которыхъ они; чужды будутъ имъ ненависть, злоба,
И не отпустятъ они никого изъ любви или страха предъ местью [3]).

---

[1]) God save the king.
[2]) Мы нѣсколько сократили содержаніе проповѣди.
[3]) Это клятва большого жюри «they will duly present all contemners of law in the country, who shall be known unto them; and that without hatred or malice. Nor must they leave unpresented none others from fear or affection».

Важно внимаютъ они поученью судьи объѣздного.
Въ немъ онъ сообщаетъ въ торжественной формѣ присяжнымъ
Истины о воздаяньѣ грѣховъ, повторенныя имъ многократно,
Строгомъ порой воздаяньѣ, но все же вполнѣ заслуженномъ.
Самъ Соломонъ не стыдился бы ихъ сказать или одобрить;
Онъ поучаетъ большое жюри обвинительныхъ актовъ значенью,
Ждущихъ провѣрки, а также высокаго ихъ одобренья;
Добрыхъ онъ славу и мудрость, а злыхъ слѣпоту указуетъ;
Смыслъ наказанья и казни суровой присяжнымъ являетъ;
Новый изложитъ законъ, проведенный съ высокою цѣлью,
Чтобъ покарать недостойныхъ иль возвеличить невинныхъ,
И, наконецъ, изреченіемъ мудрымъ украситъ онъ слово.
Милость въ судьѣ—скажетъ онъ—свѣту Неба подобна благому,
Каждый нуждается въ ней: и преступникъ предъ казнью на плахѣ,
И королевскій судья, самъ подвластный всецѣло монарху,
Клятву которой принесъ правду и милость творить.
Общество часто само въ преступленьи повинно томъ тяжкомъ,
Въ коемъ оно обвинить сочлена несчастнаго хочетъ.
Мало взираетъ оно на разумъ и правду природы,
Ради которыхъ порой нарушаются даже велѣнья
Несовершенныхъ законовъ, людьми сочиняемыхъ гордо.
Ахъ, еслибъ знали людей мы, какъ знаемъ животныхъ,
Ихъ различая всегда по классамъ и видамъ отдѣльнымъ,
Мы увидали-бъ тогда, что дурной не далекъ отъ благого,
Что справедливость для всѣхъ на землѣ... и что скоро ужъ всѣ мы. .

Блѣднымъ сталъ вдругъ судья, словно въ мраморъ паросскій онъ сразу
Весь претворился. И бѣлой, недвижной, холодною маской
Стало живое лицо, а тѣло безжизненной массой...
Духъ вдругъ покинулъ его... И холодное тѣло обратно
Въ домъ понесли на носилкахъ, нагое, укутавши въ пурпуръ [1]).

VI.

Торжественность старинныхъ формъ вызываетъ къ себѣ преклоненіе въ народѣ. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ и нѣкоторую отчужденность. Этикетъ и

---

[1]) *Darling* имѣетъ въ виду случай, бывшій съ однимъ изъ судей Оксфордскаго объѣзда.

обрядность поглощаютъ существо отношенiй, традицiи, порою случайныя и нецѣлесообразныя, препятствуютъ дальнѣйшему развитiю. Поэтому участь всѣхъ торжественныхъ формъ состоитъ въ томъ, чтобы превращаться въ средства, приберегаемыя лишь «для большихъ оказiй». То же наблюдается въ настоящее время и съ объѣздами королевскихъ судей. На всемъ сказываются симптомы увяданiя того былого величiя и важности ассизовъ, которыя характеризовали ихъ въ доброе старое время. Мы уже въ предшествующемъ изложенiи отмѣчали отдѣльныя штрихи этого явленiя, въ этой главѣ мы позволимъ себѣ остановиться подробнѣе на процессѣ увяданiя ихъ былой славы.

Рѣзкiя измѣненiя въ политическомъ укладѣ жизни страны привели къ тому, что высокiя начала, которымъ служилъ институтъ судейскихъ объѣздовъ, стали достигаться чрезъ иные протоки и установленiя. Административная дѣятельность понемногу обособилась отъ судейской, сосредоточившись въ рукахъ мѣстныхъ представительныхъ организацiй, стоящихъ подъ контролемъ отвѣтственнаго предъ парламентомъ министерства. А съ этимъ отпала и потребность въ централизацiи чрезъ посредство судей. Потребность въ быстро прогрессирующемъ и радикальномъ правѣ нашла свое мощное выраженiе въ парламентѣ, статуты котораго понемногу вытѣсняютъ и сдерживаютъ старое common law, это дѣтище королевской юстицiи. Ростъ функцiй Высшаго суда и, въ частности, появленiе апелляцiоннаго производства по гражданскимъ (1848 г.) и уголовнымъ (1907 г.) дѣламъ создали болѣе могущественные центры для истолковательной и судебно-творческой дѣятельности.

Даже тотъ великiй урокъ правосудiя, который давали королевскiе судьи судьямъ мировымъ во время своихъ прiѣздовъ, пересталъ имѣть большую цѣнность. Съ одной стороны, сами мировые судьи перестали посѣщать ассизы и только нѣкоторая часть, вербуемая въ члены большого жюри, привлекается для участiя въ ассизахъ. Вмѣсто судей добровольцевъ изъ землевладѣльцевъ или горожанъ, къ исполненiю судейскихъ

обязанностей на мѣстахъ привлекаются полицейскіе судьи-профессіоналы или профессіонально-образованные предсѣдатели четвертныхъ сессій, рекордеры, которые прошли уже черезъ школу плѣдированія въ королевскихъ судахъ. Ихъ юстиція уже не отличается существенно отъ юстиціи королевскихъ судей. Наконецъ, актъ объ уголовной апелляціи создалъ уже болѣе дѣйствительный и постоянный контроль высшаго суда надъ судебной дѣятельностью четвертныхъ сессій. Въ результатѣ потребность въ урокахъ правосудія путемъ пріѣзда въ графства отпала.

Съ появленіемъ мощнаго парламента, голосъ котораго, начиная съ XIX вѣка сталъ слышенъ во всей странѣ [1]), и съ установленіемъ политической нейтральности судей отпала и потребность въ проведеніи политическихъ тенденцій чрезъ посредство королевскихъ судей. Теперь королевскіе судьи несутъ не службу, а служеніе. Они—не комиссары короля, хотя по буквѣ закона и являются таковыми, а посредники между населеніемъ и исполнительной властью, посредники независимые и авторитетные. Король, какъ источникъ правосудія (fountain of justice), такъ же обособленъ отъ короля въ кабинетѣ, какъ этотъ послѣдній—отъ короля въ парламентѣ. Правосудіе отправляется королемъ и его судьями такъ же, какъ управленіе ведется «королемъ и его совѣтниками». И въ томъ и въ другомъ случаѣ королю принадлежитъ только право избранія достойныхъ кандидатовъ [2]).

---

[1]) Только въ 1771 г. вопросъ о допустимости обнародовать дебаты парламента былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но въ теченіе долгаго времени составленіе отчетовъ было дѣломъ частныхъ репортеровъ и только въ 1909 г. обѣ палаты завели свой штатъ стенографовъ и начали печатать отчеты въ правительственной типографіи *Harry Graham* Mother of Parliament, London, 1911, p. 284. Этотъ фактъ, къ сожалѣнію, не отмѣченъ въ статьѣ С. А. Корфа (Право опубликованія парламентскихъ отчетовъ, «Право», 1911 г. № 13).

[2]) Для обрисовки современнаго положенія королевскихъ судей весьма характерны слова Lord Cief Justice lord Alverstone, сказанныя имъ въ 1909 г. на годовомъ банкетѣ въ Mansion House. «Было время, когда судьи стояли между короной и народомъ и защищали народъ. Едва ли въ будущемъ судьямъ вновь придется оказаться въ этомъ положеніи, но теперь и въ будущемъ судьи призваны къ защитѣ интересовъ народа противъ исполнительной власти. Можно надѣяться, что никогда не наступитъ время когда исполнительная власть правительства станетъ своей собственной

Благодаря этимъ перемѣнамъ въ строѣ государственныхъ органовъ и въ частности въ отношеніи мѣстнаго правосудія къ центральному, правовое и политическое значеніе объѣздовъ королевскихъ судей необходимо должно было придти къ упадку.

Но на ряду съ политическими задачами институтъ этотъ преслѣдовалъ и задачи техническаго характера. Основной изъ нихъ была задача приближенія правосудія къ населенію. Привести правосудіе къ дверямъ дома каждаго (to bring the jussice to the every man's door) — великая задача, доставляющая каждому защиту и покровительство суда. Значеніе ея особенно выдѣлялось по гражданскимъ дѣламъ. Въ былое время путешествіе въ далекій Вестминстеръ, отнимавшее цѣлыя недѣли и сопряженное съ большимъ рискомъ для личной и имущественной безопасности, для многихъ было тяжелымъ бременемъ. Теперь, когда курьерскіе поѣзда, а для менѣе зажиточныхъ «парламентскіе поѣзда» [1]) пересѣкаютъ страну по всѣмъ направленіямъ и когда наибольшимъ разстояніемъ отъ Лондона до любого пункта страны является разстояніе въ 5—6 часовъ, обращеніе въ Лондонъ стало наиболѣе удобнымъ. Правъ былъ Walton, который замѣчаетъ: «Былая слава объѣздовъ исчезла вмѣстѣ съ дилижансками и почтовыми каретами». Въ Лондонѣ не приходится ждать срока прибытія судей и подвергать свое дѣло торопливому разсмотрѣнію судей и бэрристеровъ, едва лишь успѣвшихъ съ нимъ ознакомиться. Обращеніе въ Вестминстеръ обезпечиваетъ разсмотрѣніе дѣла судьей соотвѣтственнаго отдѣленія, судьей спеціалистомъ и позволяетъ довѣрить свои интересы лучшему адвокату, такъ какъ

истолковательницей актовъ парламента, но судьи Его Величества всегда будутъ разсматриваться, какъ безпристрастный трибуналъ, которому будетъ довѣрено истолкованіе законовъ».

[1]) Тарифы желѣзныхъ дорогъ въ Англіи еще мало контролируются государствомъ. Одно изъ немногихъ требованій, предъявляемыхъ закономъ, состоитъ въ томъ, что на каждой линіи по крайней мѣрѣ разъ въ сутки долженъ быть пущенъ поѣздъ съ платою не болѣе одного пенни съ мили. Этотъ поѣздъ, отходящій обыкновенно глубокою ночью и пробѣгающій разстояніе въ теченіе времени въ 2—3 раза больше нормальнаго, называется «parliamentary train».

лучшіе адвокаты уже не путешествуютъ по ассизамъ, а предпочитаютъ оставаться въ Лондонѣ.

«Тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ -- пишетъ circuit-tramp—лидеры главныхъ округовъ были также лидерами столичной адвокатуры (common law bar); это утвержденіе въ достаточной степени доказывается однимъ перечисленіемъ такихъ именъ, какъ Coleridge, Day, Karslake, Huddleston, Henry Iames, H. Giffard, H. Matthews. Въ настоящее врема дѣло обстоитъ иначе. Современные модные адвокаты, можетъ быть, сохраняютъ свои имена въ circuit lists, но ихъ въ дѣйствительности рѣдко можно видѣть на ассизахъ. Это соотвѣтственнымъ образомъ отражается на гражданскихъ дѣлахъ. Хорошо извѣстно, что для объѣзда нѣтъ ничего болѣе худшаго, съ матеріальной точки зрѣнія, чѣмъ отсутствіе опытныхъ лидеровъ. Стороны не передаютъ сюда своихъ дѣлъ, если они не увѣрены въ содѣйствіи первоклассныхъ адвокатовъ.

Сильнымъ отвлекающимъ центромъ явился судъ графства (county court), получившій по закону 1846 г. весьма широкую юрисдикцію по гражданскимъ дѣламъ. Напр. въ оксфордскомъ округѣ за 1846 г. среднее годовое число гражданскихъ дѣлъ въ ассизахъ, по свидѣтельству Плоудена (p. 95), равнялось 245, достигая въ отдѣльные годы (1827 г.)—412. Со времени County Court act 1846 г., среднее число гражданскихъ дѣлъ упало до 70—80. Разсчитанный на небольшой округъ и назначающій дѣла къ слушанію почти безъ всякой задержки судъ графства является серьезнымъ конкуррентомъ ассизнаго суда по менѣе важнымъ дѣламъ. Характерной особенностью англійскаго права по гражданскимъ дѣламъ является паралеллизмъ юрисдикцій, который и приводитъ къ возможности обѣдненія ассизовъ на счетъ другихъ судовъ [1]). Многое должно быть отне-

[1]) «Вліяніе суда графства на ассизы—пишетъ circuit-tramp—сильно разнится въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Въ округахъ, гдѣ судья этого суда пользуется общественнымъ довѣріемъ—какъ это бываетъ часто, но не всегда—многія дѣла, затрагивающія серьезныя права, разсматриваются передъ нимъ, хотя при другихъ условіяхъ они могли бы быть переданы въ Высшій судъ или перенесены путемъ жалобы въ него, если бы судья былъ менѣе популяренъ. Недостаткомъ системы, позволяющей спорящимъ выбирать или судъ графства или Высшій судъ, является то, что одни графскіе суды остаются пустыми, а другіе переполняются до крайности».

сено также на счетъ паденія роли суда присяжныхъ по гражданскимъ дѣламъ, вслѣдствіе малой пригодности этого учрежденія къ изслѣдованію формальныхъ письменныхъ актовъ. Въ 1907 г. въ 9 ассизныхъ городахъ не было разсмотрѣно ни одного гражданскаго дѣла; въ 17 городахъ не болѣе 5 въ каждомъ; наоборотъ, максимальнаго предѣла число гражданскихъ дѣлъ достигаетъ въ Манчестерѣ (118) и въ Ливерпулѣ (106). Что гражданская юрисдикція тяготѣетъ къ Лондону, доказывается слѣдующимъ сопоставленіемъ: на 773 дѣла, рѣшенныхъ въ 1907 г. въ ассизахъ, приходится 2133 дѣла, рѣшенныхъ въ Лондонѣ. Сумма исковъ по Лондонскимъ дѣламъ равна 1179420 ф. с., а по ассизнымъ—131658, т. е. почти въ 9 разъ менѣе.

То же наблюдается и по уголовнымъ дѣламъ. Здѣсь помимо усиленія конкурирующей юрисдикціи четвертныхъ сессій, о чемъ мы уже говорили, слѣдуетъ отмѣтить растущую потребность крупныхъ промышленныхъ центровъ, какъ Манчестеръ, Бирмингамъ, Ливерпуль и др. имѣть постоянные суды, на подобіе лондонскаго Центральнаго Уголовнаго Суда, для рѣшенія важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ [1]). Благодаря періодичности объѣздовъ подсудимымъ приходится мѣсяцы ждать подъ стражей, явленіе, на которое сильно реагируютъ англичане, чуткіе къ правамъ личной свободы. Прибавленіе третьей и даже четвертой сессіи, произведенное въ началѣ XIX в., мало удовлетворило эту потребность. Развившіяся въ этихъ центрахъ мѣстныя организаціи адвокатовъ уже недружелюбно смотрятъ на пріѣхавшихъ съ судьею лондонскихъ гастролеровъ, отбивающихъ у нихъ и безъ того скудную практику; мѣстныя власти во главѣ съ шерифомъ тяготятся торжественностью и дороговизною стараго церемоніала ассизовъ, отвлекающаго отъ исполненія текущихъ обязанностей почти всѣ административные органы мѣстности и заставляющаго шерифа на свои средства поддерживать величіе стариннаго института.

---

[1]) См. заявленія представителей этихъ городовъ, помѣщенныя въ Chancery division return, 29 march. 1886. *Franqueville*, p. 206.

Съ другой стороны, въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ, благодаря значительному паденію тяжкой преступности въ Англіи, происходящему въ теченіе XIX вѣка съ большимъ постоянствомъ, и прогрессирующему сокращенію компетенціи суда присяжныхъ, отпадаетъ потребность въ ассизахъ, и пріѣзжему судьѣ приходится все чаще и чаще находить пустые календари [1]) или тощіе списки дѣлъ [2]). Въ 1909 г., напр., во всѣхъ ассизныхъ судахъ Англіи было рѣшено всего 2399 уголовныхъ дѣлъ, тогда какъ на четвертныхъ сессіяхъ разсмотрѣно 7790 дѣлъ. Среди городовъ, въ которыхъ происходятъ по старинной традиціи ассизы, можно встрѣтить теперь не мало «гнилыхъ мѣстечекъ», гдѣ судьѣ фактически не приходится совершенно исполнять своихъ судебныхъ функцій, а ограничиваться только церемоніальной стороной. Законъ 1908 года, (7 Edw. VII c.) разрѣшающій судьѣ не посѣщать этихъ мѣстечекъ и освобождающій присяжныхъ отъ явки въ случаѣ отсутствія дѣлъ въ календарѣ, наноситъ первый ударъ существованію этихъ пережитковъ.

Въ особенности паденіе это сказывается на адвокатурѣ. Не смотря на сокращеніе дѣлъ, число адвока-

---

[1]) Такъ называется списокъ дѣлъ, предназначенныхъ къ слушанію въ данную сессію, составлялись смотрителемъ тюрьмы.

[2]) Про судью одного изъ округовъ (South Wales Circuit), насчитывавшаго очень немного дѣлъ, разсказываютъ, что, находя часто пустой календарь, онъ утѣшалъ себя реторическими изліяніями. Въ Brecon, обращаясь къ большому жюри, онъ говорилъ: «Увы, господа, гдѣ мой календарь? Его нѣтъ. Въ моей рукѣ, только пустой бланкъ, на которомъ ни одного имени подсудимаго!» Въ Кардифѣ онъ заявлялъ: «Я не могу не воздать хвалы краснорѣчію тюремнаго смотрителя (gaoler) и его календаря. Я вижу въ немъ всего три слова, съ которыми по краснорѣчивости не сравнится и Демосфенъ: «Подсудимыхъ не имѣется» (None for trial). Пусть эти слова на вѣки украсятъ почетомъ это графство». Въ Presteign ученый судья говорилъ: «Я просматриваю календарь съ одиноко стоящей на немъ кражей часовъ, единственнымъ преступленіемъ, которое мы должны разсмотрѣть и думаю, что намъ приходится очищать пустую тюрьму. Двадцать четыре человѣка должны обсудить одну мелкую кражу». Шерифъ одного графства, въ которомъ не было въ календарѣ преступленій, побоялся, что такое положеніе вещей можетъ оскорбить судью, и съ горячностью убѣждалъ его, что у нихъ имѣются подозрѣнія противъ одного за кражу овцы.

Объѣзды при своей тягостности, представляютъ часто мало производительное занятіе. Про одного судью разсказываютъ что, увидавъ бѣлку въ колесѣ, выполняющую столь же безплодную работу, какъ и заключенный на tredmill, онъ воскликнулъ съ состраданіемъ: Ah, poor devil, he is going the Home Circuit». «Бѣдное существо, оно путешествуетъ по Home Circuit» (послѣдній славился ничтожнымъ количествомъ дѣлъ).

товъ, участвующихъ въ объѣздахъ, растетъ. Въ 1824 г. въ Западномъ объѣздѣ участвовало 73 адвоката; въ 1854 г. ихъ было всего 82. Теперь число возрасло до 250. Большинство ихъ отправляется въ объѣздъ безъ всякаго намѣренія выступать въ судѣ, но желая лишь воспользоваться пріятностями соціальной жизни въ ассизахъ. Но и соціальная жизнь адвокатуры клонится къ упадку. «Соціальная жизнь среди адвокатуры во время объѣздовъ — пишетъ Плоуденъ — теперь уже не та, чѣмъ прежде. Люди теперь уже не путешествуютъ по своему округу. Они только навѣдываются сюда и ихъ визиты полны нетерпѣнія. Ихъ сердца заняты обратными билетами и я подозрѣваю, что въ ихъ синихъ и красныхъ мѣшкахъ больше «Bradshaws» (расписаній поѣздовъ), чѣмъ судебныхъ дѣлъ». «Отправленіе въ объѣздъ — пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ — теперь совсѣмъ иная вещь, чѣмъ въ былое время. Теперь уже нѣтъ прежней связи между сочленами, нѣтъ былой bar mess. Отъ объѣздовъ остались обрывки и куски, разрозненные и несвязные, съ захватанными списками дѣлъ и адвокатскими мессами, проходящими безъ оживленія и сердечности. Я слышалъ жалобы этого рода и раньше, но теперь, вѣроятно, имѣется еще больше основаній для нихъ. Количество дѣлъ сильно колеблется и списки дѣлъ бываютъ очень тощими. Къ удивленію, однако, не смотря на то, что истина всѣмъ ясно видна — пустынная земля безъ млека и меда — все же еще многіе находятъ терпѣніе кочевать въ теченіе шести недѣль по объѣздамъ въ тщетной надеждѣ заполучить дѣла. Говоря грубо, это не особенно выгодно. Сдѣлать объѣздъ стоитъ отъ 400 до 500 рублей и я не думаю. что изъ 200 и даже болѣе пилигримовъ хотя бы дюжинѣ удастся оплатить свои расходы и едва ли половина извлечетъ изъ объѣзда вообще какой либо заработокъ. Всѣ гражданскія дѣла попадутъ, въ сущности, въ руки двухъ — трехъ главныхъ адвокатовъ и ихъ помошниковъ. Уголовныя дѣла болѣе доступны, но гонорары по нимъ столь скудны, что потребовалась бы цѣлая вязанка дѣлъ, чтобы покрыть расходы по объѣзду. Во всемъ этомъ есть нѣчто, что заставляетъ задуматься. Жалко

видѣть этихъ способныхъ и честолюбивыхъ людей, получившихъ университетскіе дипломы, тщетно навѣдывающихся въ одинъ и другой городъ въ надеждѣ на улыбку фортуны. И какъ часто имъ не приходится заполучить ни одного дѣла!»

Число дней, затрачиваемыхъ на засѣданія ассизовъ по отдѣльнымъ округамъ, сравнительно велико, какъ то видно изъ слѣдующей таблицы, относящейся къ 1907 г.

Округи:	Число дней засѣданія. по уголовнымъ дѣламъ.	по гражданск. дѣламъ.
South-eastern . . .	106	39
Midland	85	79
Oxford	68	30
Northern	81	138
North-eastern . . .	43	74
Western	82	36
Wales I	34	22
Wales II	50	39

Повсюду, за исключеніемъ Сѣвернаго и Оксфордскаго округовъ, число засѣданій по уголовнымъ дѣламъ превышаетъ число засѣданій по гражданскимъ, хотя разборъ гражданскихъ дѣлъ сложнѣе.

Въ 1907 г., въ цѣляхъ установленія вопроса о томъ, цѣлесообразно ли поддержаніе судейскихъ объѣздовъ въ цѣляхъ экономіи судейской работы, главнымъ атторнеемъ Herbert Samuel было произведено разслѣдованіе о числѣ дней, потраченныхъ на разъѣзды по округамъ и на держаніе ассизовъ судьями отдѣленія королевской скамьи. Разслѣдованіе показало, что въ общемъ въ 1905 и 1906 г. судьями въ ассизахъ было затрачено 11,443½ рабочихъ часовъ, тогда какъ при рѣшеніи этихъ дѣлъ въ Лондонѣ имъ пришлось бы затратить на это 11,048½ часовъ. Разность въ 395 часовъ представляетъ собою итогъ времени судейской работы, непроизводительно затраченной во время ассизовъ на формальности, разъѣзды и пр. [1]).

---

[1]) См. King's Rench Judges. Return showing for the year 1905 and 1906 in case of each judge of King's Bench Division the number of days on

Еще не такъ давно подымать голосъ противъ стариннаго учрежденія объѣздныхъ ассизныхъ судей было кощунственнымъ дѣломъ. Но практическія потребности превозмогаютъ традицію и за послѣдніе годы все чаще и чаще раздаются голоса въ пользу пока еще не отмѣны, а коренной реформы этой системы. Въ 1892 году судьи высшаго суда выработали проектъ о томъ, чтобы гражданскіе ассизы происходили три раза въ годъ только въ 16 городахъ и четыре раза—въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ. Въ 10 изъ указанныхъ въ этомъ числѣ городовъ количество гражданскихъ дѣлъ колебалось между 3 и 9 въ годъ [1]). Отсюда можно заключить, какъ ничтожно оно и въ другихъ мѣстностяхъ [2]).

«Объѣздные судьи и Commissioners of Assize—пишетъ авторъ книги «Pie powder»—совершаютъ свои объѣзды столь долгое время, что каждое послѣдующее поколѣніе юристовъ полагаетъ, что эта система переживетъ критику. Юристы, сторонники реформы, объявили войну этой системѣ за послѣднія 30—40 лѣтъ, но до сихъ поръ они не имѣли успѣха. Правда, величіе этой системы сильно упало Еще не такъ давно было время, даже много спустя послѣ того, какъ почувствовались первые результаты развитія желѣзныхъ дорогъ, когда адвокатъ, не отправлявшійся въ объѣзды, былъ рѣдкимъ исключеніемъ. Только немногіе изъ уголовныхъ защитниковъ посвящали себя работѣ въ столицѣ, большинство смотрѣло на объѣзды, какъ на главный источникъ существованія и какъ на наиболѣе вѣрный путь для профессіональнаго успѣха. Двое судей два раза въ

---

which he was absent from the King's Bench Division to go on circuit and the number of days on which he sat at assizes for the trial of prisoners or of civil cases. Home office, February, 1908. London, p. 65.

[1]) «Въ своемъ поученіи большому жюри въ одномъ изъ такихъ «гнилыхъ мѣстечекъ», когда то славномъ Іоркѣ, судья Grantham говорилъ о недавнихъ перемѣнахъ въ Сѣверномъ округѣ. Онъ сказалъ, что многіе боятся того, будто-бы ассизы будутъ уничтожены въ этомъ старомъ городѣ. Онъ можетъ ихъ успокоить: никто не думаетъ лишать ихъ этого, уваженіе къ старинѣ не позволитъ сдѣлать это. Онъ остановился, между прочимъ, на чрезмѣрныхъ притязаніяхъ Лондона, «этой сильно развившейся деревни». Сѣтованія на то, что судьи теряютъ много времени на свои объѣзды въ то время какъ въ Лондонѣ многія дѣла ждутъ ихъ, могутъ быть удовлетворены, по его мнѣнію, только увеличеніемъ числа судей. Подробнѣе эту рѣчь см. *Gerland,* I, 526.

[2]) *Franqueville*, I, p. 207.

годъ посѣщали каждый ассизный городъ и суды общаго права въ Лондонѣ были закрыты въ теченіе шести недѣль, пока судьи разъѣзжали по провинціи. Внутренній округъ еще существовалъ. Сѣверный былъ весьма могучимъ. Западный, Оксфордскій и Средній округа еще не начинали приходить къ упадку. Измѣненія стали происходить постепенно, но значительности этихъ измѣненій нельзя отрицать».

Наблюдаемое паденіе роли стариннаго института ассизовъ, однако, можно думать, еще не скоро приведетъ къ кореннымъ его преобразованіямъ. Слишкомъ сильно укрѣпился онъ въ народной психологіи и нужны мощныя усилія критики, чтобы его расшатать. Нужно бороться съ вѣковыми привычками и интересами судей, организаціей адвокатуры, ролью высшаго суда, обычаями населенія. Учрежденіе, укоренившееся глубоко въ народной психологіи, трудно поддается упраздненію. Старые участники объѣздовъ, печально наблюдая упадокъ былого величія, не могутъ отрѣшиться отъ той идеи вѣчности, которая носится надъ этимъ учрежденіемъ. Эта идея прекрасно выражена въ лирическомъ стихотвореніи стараго circuit tramp, которымъ мы и позволимъ заключить нашу статью:

Призраки объѣзда.

Длиненъ и тяжелъ былъ день и суровъ былъ пѣшій путь;
Холмы круты и полдень жарокъ; не разъ приходилось скользить и падать.
Но все жъ порой мои безпокойныя мечты стремятся снова продѣлать этотъ путь.
Онѣ наполняютъ голосами умолкнувшіе годы и людьми—опустѣвшія мѣста.
Онѣ улыбаются шуткамъ, веселье которыхъ пропало, и скорбятъ о горестяхъ, давно утихшихъ;
Онѣ отправляются снова въ свой Западный объѣздъ, какъ то было въ доброе старое время.

Вотъ опять я сижу, слушая разборъ дѣлъ, съ пустыми руками и карманами.

Мнѣ приходится заглушать нѣкоторую зависть при видѣ полученныхъ другими дѣлъ (briefs).
Я смиренно улыбаюсь предъ клеркомъ неважнаго атторнея,
Любовно созерцая, какъ онъ отмѣчаетъ поступившій гонораръ.
Опять я съ смущеньемъ и съ затаеннымъ дыханьемъ слѣжу за тѣмъ,
Какъ секретарь вручаетъ судьѣ довѣренность со стороны обвиненія на мое имя.
Я прошу неуязвимаго полисмена правдиво дать свое показаніе,
А мой почтенный возрастомъ противникъ опять повергаетъ меня вс прахъ;
Присяжные разсѣянно слушаютъ мою краснорѣчивую рѣчь—
И мое первое выступленіе кончается – оправданіемъ!
Но вотъ серьезнѣе становятся мечты, когда чело пересѣкается морщинами,
А голова начинаетъ терять волосы,
Когда начинаешь досадовать на чрезмѣрно-справедливыхъ судей и радоваться несправедливымъ присяжнымъ,
Когда утомишься отъ скудныхъ тріумфовъ и станешь раздраженнымъ отъ непріятностей.
Но и тогда, вслѣдъ за проходящими мимо годами, мы тѣснимся впередъ, не зная куда,
И бросая лишь безпокойные взгляды; мы напрягаемъ наши силы не зная зачѣмъ.
Весь день полонъ шума; вся ночь живетъ видѣніями—
Насъ тѣснятъ и душатъ и банкеты, и веселыя трапезы,
И звуки трубъ шерифа, и скрипъ желѣзныхъ колесъ,
Предъ нами встаютъ окровавленныя руки, искривленныя лица, шепчущія уста и глаза, проливающія слезы—
Все призраки, угасшія видѣнья, едва припоминаемыя послѣ сна.
Конечно, и другіе грезили, какъ нынѣ грезимъ мы; и другія ноги ступали по этимъ камнямъ,
Другіе люди занимали до насъ тѣ мѣста, которыя мы называемъ своими,
Другіе свертки бумагъ лежали на столахъ, сохраняя свой видъ призраковъ,
Подписанные пальцами духовъ и красиво перевязанные призрачной тесьмой.
Другія тяжбы и распри, другія упованія и страхи

Наполняли угрюмые суды смѣхомъ и исторгали слезы у каменныхъ стѣнъ.
Мы—только пустые имена, свершающія свой недолгій кругъ;
Весь нашъ трудъ—въ словахъ, которыя скоро погибаютъ, какъ звукъ пустой.
И теперь въ глубинахъ темной и спѣшащей къ намъ Будущности, наслѣдники Жизни
Ждутъ съ протянутыми впередъ руками и воздѣтыми вверхъ липами своего призыва къ борьбѣ за право.
Они разбудятъ среди этихъ стѣнъ торжественное эхо и они пойдутъ по этимъ старымъ путямъ,
Спѣша изъ суда домой—съ молодыми лицами и свѣжими голосами.
А мы тогда, окончивъ трудъ своихъ юныхъ лѣтъ и переживъ горделивость зрѣлаго возраста,
Станемъ призраками объѣзда—тѣнями, доносящими свой шопотъ неизвѣстно откуда.

Колоніальныя конференціи.

Бар. С. А. Корфа.

I.

Исторія колоніальныхъ конференцій. Строительство Великобританской Имперіи.

1.

Первыя попытки строительства Великобританской Имперіи можно найти въ началѣ 80-хъ годовъ. Къ этому времени стало яснымъ, что ростъ Канадской автономіи не гармонировалъ болѣе съ тѣми идеями, на коихъ строилась прежняя колоніальная имперія. А къ тому-же можно было предвидѣть появленіе въ ближайшемъ будущемъ новыхъ автономныхъ единицъ, подобныхъ Канадѣ. Многимъ современникамъ той эпохи казалось, что уже близокъ моментъ окончательнаго распада старой имперіи; нѣкоторые важнѣйшіе государственные дѣятели даже радовались тому; таково было, напр., мнѣніе двухъ политическихъ противниковъ, Гладстона и Дизраэли.

Въ 1884 г. основывается имперская федеральная лига (Imperial Federation League), главной задачей которой должно было быть «созданіе уніи имперіи посредствомъ федераціи». Ея пропагандѣ и ея иниціативѣ обязанъ своимъ происхожденіемъ созывъ первыхъ колоніальныхъ конференцій. Первая конференція созвана была въ 1887 г., ко времени полустолѣтняго юбилея царствованія королевы Викторіи. На ней должны были участвовать представители мотрополіи и всѣхъ автономныхъ колоній, главнымъ-же результатомъ ея дѣятельности явилось согласіе Австраліи на уплату метрополіи особой субсидіи на постройку флота; нѣкоторыя другія колоніи ограничились лишь обѣщаніями.

Къ 90-мъ годамъ уже стало яснымъ, что самымъ существеннымъ вопросомъ «Имперской организаціи» было военное и морское дѣло, которое лига считала возможнымъ разрѣшить учрежденіемъ особаго органа «Имперскаго Совѣта» (Council of Empire). Къ серединѣ 90-хъ годовъ, однако, лига прекратила свою дѣятельность и распалась [1]). Начатое ею дѣло, впрочемъ, не умерло вмѣстѣ съ него, не заглохло, не потеряло своего общественнаго интереса.

Въ 1894 г. была созвана конференція колоніальныхъ премьеровъ въ Оттавѣ съ цѣлью обсужденія пароходныхъ, телеграфныхъ и торговыхъ сообщеній имперіи. Это былъ второй шагъ имперскаго объединенія, выдвинувшій и второй главный вопросъ имперскихъ сношеній, а именно: вопросъ таможенный; члены конференціи вынесли единогласную резолюцію, согласно которой они считали желательнымъ установить такой таможенный принципъ, который создавалъ бы преимущества для торговли въ предѣлахъ имперіи; другими словами, представители колоній желали ввести преференціальные тарифы; сознавая, что метрополія не готова принять подобную реформу таможеннаго законодательства, они надѣялись, что ее можно провести хотя-бы въ области торговли колоній между собой. [2]).

Движеніе 80-хъ и 90-хъ годовъ выяснило одно важное обстоятельство: невозможность созданія обще-имперскаго парламента и чрезвычайныя затрудненія созданія обще-имперскаго совѣта или какого-либо другого общаго органа. Колоніи не могутъ и не должны участвовать въ мѣстномъ законодательствѣ метрополіи; онѣ для того вовсе не компетентны; но, если ограничить компетенцію имперскаго парламента одними «имперскими» вопросами, то падаетъ принципъ парламентарной отвѣтственности министерства. Министры мет-

---

[1]) Подробнѣе см. F. de Labillière, British Federalism, its rise and progress; Transactions of the R. C. I., vol. XXIV, p. 95. The Journal of the I. F. L., octob. 1892 (vol. VII). Papers and addresses of Lord Brassey. Robert Beaden, Why the I. F. L. was dissolved, National Review, vol. XXII, p. 814.

[2]) См. Report by the R. H. Eearl of Jersey on the Colonial Conference at Ottawa, Aug. 1894, cd. 7553.

рополіи не отвѣтственны и не могутъ быть отвѣтственны предъ народами колоній и vice versa относительно колоніальныхъ министерствъ. Если предоставить колоніямъ рѣшающій голосъ, онѣ всегда будутъ въ состояніи собирать большинство голосовъ противъ метрополіи и послѣдняя потеряетъ всякую самостоятельность; она попадетъ такимъ образомъ въ зависимость отъ прочихъ частей Имперіи. Если же, наоборотъ, не дать колоніямъ равнаго голоса, онѣ останутся въ меньшинствѣ и ничего не пріобрѣтутъ подобной реформой, оставаясь и впредь неудовлетворенными; другими словами, такая реформа учрежденія обще-имперскихъ органовъ создавала дилемму: либо колоніи получатъ право вмѣшиваться въ домашнія дѣла Англіи, на что метрополія вовсе не желала соглашаться, либо Англія по прежнему будетъ «господствовать» надъ колоніями, что къ концу XIX столѣтія стало послѣднимъ весьма непріятно. Къ тому-же въ то время метрополія не была еще готова уступить колоніямъ долю участія въ международной политикѣ, а безъ такого участія колоніи не могли пріобрѣсти желаннаго имъ равенства въ имперской организаціи. Другимъ камнемъ преткновенія была министерская отвѣтственность при созданіи обще-имперской исполнительной власти въ лицѣ какого нибудь совѣта или тому подобнаго органа.

Итакъ необходимо было искать другого выхода.

Въ 1897 г. Чемберленъ, бывшій тогда министромъ колоній, предпринялъ созывъ новой колоніальной конференціи, на этотъ разъ задумавъ грандіозный планъ имперской организаціи [1]). Засѣданія конференціи были вновь пріурочены къ юбилейнымъ торжествамъ царствованія Викторіи. Въ своей вступительной рѣчи Чемберленъ изложилъ колоніальнымъ премьерамъ весь свой планъ имперскаго строительства; съ одной стороны, по его мнѣнію, необходимо было создать имперскій совѣтъ для колоніальныхъ и имперскихъ дѣлъ, съ другой же, усилить тайный совѣтъ метрополіи включеніемъ

---

[1]) См. Proceedings of a conference between the Secretary of State for the Colonies and the Premiers of the self-governing Colonies, June and July 1897; Accounts and Papers of the House of Commons, vol. 59, 1897.

въ него представителей отъ колоній; послѣдніе выбирались бы среди колоніальныхъ судей [1]). Колоніальные премьеры встрѣтили предложеніе Чемберлена болѣе чѣмъ холодно; каждый изъ нихъ выставилъ цѣлый рядъ возраженій, суть которыхъ сводилась къ одному— колоніи боялись потерять свою самостоятельность и не вполнѣ довѣряли правительству метрополіи. Одно, однако, стало яснымъ уже съ первыхъ дней засѣданій конференціи. Колоніи признали подобныя конференціи наилучшимъ способомъ для обмѣна мнѣній и нахожденія путей для взаимныхъ соглашеній; онѣ просили, вслѣдствіе этого, чтобы метрополія впредь собирала бы колоніальныхъ премьеровъ періодически. Этимъ было положено начало новому пути единенія Великобританской имперіи; въ настоящее время можно считать эти періодическія конференціи настоящимъ «имперскимъ» органомъ; именно ему, какъ увидитъ читатель, удалось достигнуть многаго въ дѣлѣ объединенія имперіи, тогда какъ прочія попытки и теоріи, въ родѣ имперскаго парламента, совѣта или суда, терпѣли пока крушеніе.

Среди вопросовъ, обсуждавшихся на конференціи 1897 г., на первомъ планѣ стояли: 1) военная оборона, и 2) торговыя сношенія имперіи. Касательно перваго вопроса метрополія старалась убѣдить колоніи слѣдовать примѣру Австраліи и ассигновать Англіи денежныя субсидіи на постройку флота; убѣжденія ея однако остались тщетными, такъ какъ Канада, а за нею и большинство другихъ колоній не желали ассигновать деньги при подобныхъ условіяхъ; ихъ смущало главнымъ образомъ то обстоятельство, что метрополія сохраняла за собой полную свободу распоряженія флотомъ и деньгами на него ассигнуемыми; премьеры ограничились лишь платоническимъ обѣщаніемъ обсудить вопросъ по возвращеніи домой. Что-же касается торговыхъ сношеній и таможеннаго вопроса, то идеаломъ Чемберлена было созданіе таможеннаго союза, Zollverein'а; онъ однако не навязывалъ свою мысль, а лишь

[1]) О подробностяхъ попытки Чемберлена реформировать суд. комитетъ см. мою брошюру «Государственный строй Канады» (М. 1911), стр. 44 и слѣд.

стремился заставить колоніи высказаться по сему вопросу. Премьеры въ данномъ случаѣ шли на встрѣчу правительству метрополіи охотнѣе, чѣмъ въ военномъ дѣлѣ; Канада, напр., готова была установить любую систему преференціальныхъ тарифовъ. Затрудненія Чемберлена возникли въ другомъ мѣстѣ; не колоніи, а сама метрополія не желала и не могла пойти на введеніе подобной системы; съ одной стороны, это значило-бы отказаться отъ фритредерства, что могло сразу-же вызвать министерскій кризисъ, съ другой-же, тому-же препятствовали международные договоры, содержавшія условія «of the most favored nation». Колоніальные премьеры воспользовались этимъ случаемъ и просили метрополію отказаться отъ нѣкоторыхъ для нихъ невыгодныхъ международныхъ договоровъ, въ частности отъ договоровъ Бельгійскаго и Германскаго. Слѣдствіемъ этого и былъ отказъ Англіи отъ этихъ договоровъ, что придало колоніямъ новый элементъ автономіи; онѣ получили, благодаря этому, болѣе активное участіе въ международной политикѣ; метрополія впервые признала ихъ право голоса въ вопросахъ дипломатіи, ихъ касавшихся.

На ряду съ этими двумя главными вопросами, конференція 1897 г. обсуждала нѣсколько менѣе значительныхъ дѣлъ, касавшихся главнымъ образомъ путей сообщенія имперіи, кабелей, телеграфовъ, пароходныхъ линій и имперскихъ почтовыхъ единицъ. Въ результатѣ оказались принятыми въ этой области цѣлый рядъ резолюцій, направленныхъ на улучшеніе имперскихъ путей сообщенія, что уже само по себѣ означало сближеніе колоній съ метрополіей.

Такимъ образомъ, если въ важнѣйшихъ вопросахъ Чемберленъ и потерпѣлъ полное фіаско, если его грандіозные планы объединенія имперіи и рушились, если многимъ современникамъ, въ особенности изъ лагеря джинго и имперіалистовъ, могло казаться, что рушится все подъ ихъ ногами и что нѣтъ болѣе средствъ къ удержанію автономныхъ колоній въ имперіи, то именно въ то-же время мы находимъ зарожденіе новыхъ центростремительныхъ силъ, пока еще слабыхъ и незамѣт-

ныхъ, но, какъ оказалось, съ большимъ будущимъ. Единеніе имперіи пошло развиваться по путямъ непредвидѣннымъ и неожиданнымъ для дѣятелей конца XIX столѣтія.

2.

Слѣдующая колоніальная конференція была созвана въ 1902 году. Она начала съ постановленія о непремѣнномъ періодическомъ созывѣ колоніальныхъ премьеровъ для обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся взаимныхъ отношеній метрополіи и колоній, что было принято правительствомъ метрополіи съ большимъ удовольствіемъ.

Далѣе колоніальные премьеры рѣшительно настаивали на безусловной необходимости для метрополіи считаться съ мнѣніемъ колоній при заключеніи международныхъ договоровъ, конвенцій и т. п.; другими словами, премьеры поддерживали теорію, согласно которой метрополія не могла обязывать впредь колоніи международными обязательствами помимо ихъ согласія.

Что касается обороны имперіи, то на конференціи 1902 г. достигнуто было сравнительно немного большее, чѣмъ на предшествовавшей; такъ, Австралія согласилась увеличить свою контрибуцію; къ тому-же результату пришли Новая Зеландія и Капъ и не безъ колебаній Наталь; Нью-Фоундлендъ согласился дать деньги только для морского резерва; касательно арміи ничего не было сдѣлано. Относительно второго щекотливаго вопроса, таможенныхъ тарифовъ, колоніи вновь настаивали на преференціальномъ принципѣ, указывая теперь на прямыя скидки въ пользу метрополіи; такъ, Канада готова была уступить Англіи 33,3%, Новая Зеландія—10%, Капъ и Наталь—25%. Правительство метрополіи по прежнему, проповѣдуя идею Zollverein'а, все-же боялось возбудить противъ себя общественное мнѣніе Англіи; консервативное министерство сидѣло на двухъ стульяхъ и все время боялось провалиться.

Конференція 1902 г. также обсуждала вопросъ объ учрежденіи имперскаго апелляціоннаго суда, но не

пришла къ какимъ либо положительнымъ выводамъ [1]); оказалось невозможнымъ достигнуть какого нибудь соглашенія; каждая колонія предлагала свой планъ; общимъ было только недовольство современнымъ положеніемъ вещей и юрисдикціей судебнаго комитета тайнаго совѣта метрополіи; вопросъ очевидно не былъ еще достаточно подготовленъ.

Особенно характернымъ было поведеніе Канадскаго премьера на коференціи 1902 г.; прочія автономныя колоніи смотрѣли съ вожделѣніемъ на свою старшую сестру—Канаду, которой завидовали и примѣру которой всѣ хотѣли слѣдовать; она же твердо и мужественно отстаивала свою самостоятельность, не желая идти на встрѣчу заискиваніямъ Чемберлена; по военному вопросу она представила обширный докладъ, въ коемъ указывала на невозможность установленія единыхъ арміи и флота для всей Имперіи; отъ обороны имперіи она никоимъ образомъ не отказывалась, но свое участіе въ этомъ дѣлѣ обусловливала полной самостоятельностью; такъ, она предлагала содержать сама свое войско и свои Канадскія крѣпости. Для метрополіи и въ особенности для Чемберлена и его единомышленниковъ подобная точка зрѣнія была ужаснымъ ударомъ; но нечего было дѣлать, надо было съ нею считаться тѣмъ болѣе, что среди прочихъ колоній, какъ сказано, она находила себѣ все большее распространеніе.

Если сравнить программу Чемберлена 1902 г. съ результатами конференціи этого года, то опять можетъ показаться, что ровно ничего не было достигнуто и что дезинтеграція имперіи шла впередъ быстрыми шагами. При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла и, въ особенности если принять во вниманіе послѣдующія событія, картина значительно мѣняется.

На конференціи 1902 г. Чемберленъ вновь выступилъ съ обширной программой имперскаго строительства; мы находимъ здѣсь и имперскій апеляціонный судъ, и имперскую армію, и флотъ, и совѣтъ и нако-

---

[1]) См. Parliam. Papers, 1901, cd. 846; correspondance relating to the proposed establishment of a Final Court of Colonial Appeal.

нецъ даже нѣчто новое—«имперскій секретаріатъ», какъ извѣстный зародышъ имперской исполнительной власти [1]); статсъ-секретарь послѣдовательно спрашивалъ, не пожелаютъ-ли колоніи учрежденія этихъ органовъ или институтовъ. Но на всѣ его вопросы колоніи столь-же послѣдовательно отвѣчали: нѣтъ и нѣтъ. Каждая изъ нихъ все еще продолжала бояться потерять свою самостоятельность; предложенія Чемберлена не безъ нѣкотораго основанія звучали колоніямъ подозрительно; у нихъ были достаточныя данныя недовѣрять воинственному имперіализму Чемберлена. Вопросъ о совѣтѣ и секретаріатѣ былъ оставленъ конференціей въ сторонѣ, такъ какъ она полагала, что періодическія конференціи займутъ именно то мѣсто, которое было предназначено этимъ органамъ.

Всего характернѣе для конфереціи 1902 г. судьба военнаго вопроса; всѣ стремленія Чемберлена были направлены на созданіе единой имперской арміи и на полученіе отъ колоній денежныхъ субсидій на единый флотъ; а въ результатѣ оказалось, что именно къ этому времени колоніи окончательно убѣдились въ необходимости для нихъ имѣть свои самостоятельныя войска и флотъ! Подобный результатъ Чемберленъ предвидѣлъ меньше всего! Но такова уже судьба современнаго имперскаго строительства. Уніонисты и имперіалисты предвидятъ одно, а случается какъ разъ непредусмотрѣнное и непредвидѣнное; они строятъ свои планы, а жизнь создаетъ иное, новое, неожиданное для нихъ. И самое для нихъ обидное то, что, не смотря на это, имперія не рушится, не разлагается, какъ они предсказываютъ, а наоборотъ возсоздается на новыхъ, жизненныхъ началахъ.

3.

Дѣло сильно мѣняется въ теченіе слѣдующаго за 1902 года пятилѣтія. Консервативное министерство падаетъ и смѣняется либеральнымъ, поддерживаемымъ

---

[1]) Мысль объ учрежденіи постояннаго имперскаго секретаріата принадлежитъ извѣстному юристу и консерватору Sir Frederick Pollock'y.

огромнымъ большинствомъ въ палатѣ общинъ. Намъ очень важно отмѣтить здѣсь, что мѣняется и отношеніе колоній къ метрополіи; прежняя колоніальная подозрительность смѣняется довѣріемъ къ метрополіи. Почему, спроситъ читатель, вдругъ такая неожиданная перемѣна? Мы ставимъ ее въ прямую зависимость отъ смѣны англійскаго кабинета; при либералахъ у власти въ метрополіи колоніямъ нечего было бояться за свою автономію; аггрессивная имперіалистическая политика единомышленниковъ Чемберлена теперь смѣнилась миролюбивой политикой либераловъ, однимъ изъ принциповъ коей всегда было «предоставленіе автономныхъ колоній самимъ себѣ» и признаніе ихъ полной свободы дѣйствія въ регулированіи своихъ мѣстныхъ интересовъ. А огромное большинство, завоеванное либералами на выборахъ, показывало колоніямъ, что побѣда новаго министерства будетъ прочная, что на цѣлый рядъ лѣтъ они будутъ въ состояніи оставаться у власти. Колоніямъ давно уже было ясно, что ихъ отношенія съ метрополіей должны быть реформированы, но что связь съ нею должна не ослабнуть, а наоборотъ окрѣпнуть; имъ выгодно было оставаться въ дружбѣ съ Англіей и пользоваться ея охраной и ея помощью въ міровой борьбѣ за существованіе; подъ ея крылышкомъ все же было теплѣе, чѣмъ на волѣ, среди житейской стужи. Какъ только исчезли мотивы опасенія метрополіи и ея аггрессивной политики, такъ колоніи сразу же пошли на встрѣчу новому единенію.

Благодаря этому создалось странное на первый взглядъ положеніе вещей: согласно постановленію конференціи 1902 г., слѣдующая конференція была созвана правительствомъ въ 1907 году; и на этой конференціи первымъ защитникомъ колоніальной самостоятельности явился... статсъ-секретарь колоній, представитель либеральнаго министерства метрополіи! Консервативная печать упрекала его за менторство и за то, что онъ «училъ колоніи самостоятельности»! Само собой понятно, что учить колоніи нечему было; свою автономію онѣ знали сами, какъ охранять.

Уже въ продолженіи всего 1906 года подготовлялся созывъ конференціи; по сему поводу шла оживленная переписка между колоніями и Англіей. Предложенія были выставлены съ обѣихъ сторонъ; метрополія поставила на программу три главныхъ вопроса: учрежденія имперскаго совѣта, таможенной политики и военной обороны; колоніи съ своей стороны выступили съ предложеніями,касавшимися, однако, главнымъ образомъ болѣе мелкихъ вопросовъ улучшенія взаимныхъ торговыхъ сношеній и путей сообщенія.

На самой конференціи вопросы, подлежавшіе ея обсужденію, были раздѣлены на двѣ группы; въ первую, болѣе важную, включены были: 1) порядокъ созыва будущихъ конференцій, 2) преференціальный вопросъ, 3) оборона, 4) натурализація и 5) эмиграція; во вторую группу вошли вопросы: 1) учрежденія апелляціоннаго суда, 2) veto метрополіи, 3) имперскіе интересы въ Тихомъ Океанѣ, 4) объединеніе защиты патентовъ и фабричныхъ марокъ и 5) введеніе метрической системы (два послѣдніе вопроса было постановлено отложить на самый конецъ и разсмотрѣть лишь, если позволитъ время. [1]).

Что касается резолюцій конференціи 1907 г., то, во первыхъ, рѣшено было впредь созывать конференціи не черезъ 5, а черезъ 4 года. Во-вторыхъ, была подтверждена желательность учрежденія «Имперскаго генеральнаго штаба», для участія въ коемъ могли-бы призываться колоніальные министры и офицеры. Метрополіи только это и нужно было; генеральный штабъ дѣйствительно былъ учрежденъ и успѣлъ уже принести значительную пользу; такимъ образомъ опять таки рушилось одно изъ начинаній уніонистовъ, желавшихъ установить единую имперскую армію; теперь за колоніями была признана самостоятельность въ военномъ дѣлѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ открыта дверь и для соглашеній; генеральный штабъ въ состояніи давать колоніямъ совѣты, указывать то, что дѣлается и сдѣлано въ другихъ колоніяхъ и метрополіи, содѣйствовать

---

[1]) См. Sessional Papers, House of C., 9, vol. 55 (Colonies).

вооруженію, обмундированію по общему плану, съ общаго согласія, но при сохраненіи самостоятельности частей; изъ метрополіи шли не приказанія, а совѣты, и колоніи охотно ихъ принимали къ своему руководству; именно такимъ путемъ и было достигнуто къ 1911 году значительное объединеніе колоніальныхъ армій, напримѣръ въ дѣлѣ вооруженія и обмундированія, командованія и обученія, и т. д.

Въ третьихъ, конференція подчеркнула желательность усиленія и поощренія эмиграціи изъ метрополіи въ колоніи.

Что касается учрежденія имперскаго аппеляціоннаго суда, то конференція, принявъ соотвѣтствующія предложенія Австраліи и Ю. Африки, указала лишь на необходимость подготовить и обсудить вопросъ и выработать соотвѣтствующій проектъ, не установивъ какихъ бы то ни было руководящихъ началъ. Вопросъ такимъ образомъ остался открытымъ.

Пятый вопросъ, таможенной политики, поглотилъ наибольшее время у конференціи; ему посвящены были длинныя и въ общемъ скучныя рѣчи, въ которыхъ пережевывались все тѣ-же мысли: колоніи хотѣли преференціи, а метрополія крѣпко держалась фритредерства. Ни одна изъ предложенныхъ конференціи резолюцій ея не удовлетворила; въ результатѣ оказалось, что, послѣ долгихъ преній и споровъ, колоніи остались при своемъ мнѣніи, вновь повторивъ свои desideria, высказанныя еще въ 1902 году, а метрополія энергично заявила, что не откажется отъ свободной торговли.

Подъ конецъ засѣданій принятъ былъ цѣлый рядъ резолюцій меньшаго значенія; такъ, указана была желательность введенія метрической системы, объединенія охраны патентовъ и фабричныхъ марокъ, установленія торговой статистики, низкаго почтоваго тарифа (въ одну пенни для всей имперіи, penny postage) и нѣк. др.

Касательно натурализаціи постановлено было лишь, что желательно всестороннее изслѣдованіе вопроса. Наконецъ послѣдняя (№ 13) резолюція касалась учрежденія постояннаго секретаріата колоніальныхъ конференцій при министерствѣ колоній. Статсъ-секретарь Эльши

обѣщалъ даже бо́льшее—реформу министерства колоній. Уже черезъ годъ послѣ конференціи 1907 г. метрополія реорганизовала, согласно своему обѣщанію, министерство колоній [1]), учредивъ при немъ особаго «постояннаго» секретаря колоніальныхъ конференцій; обязанностью этого лица является выдача колоніямъ всѣхъ необходимыхъ имъ справокъ, а также держаніе метрополіи au courant того, что дѣлалось въ колоніяхъ. Этимъ былъ сдѣланъ серьезный шагъ къ установленію «обще-имперскихъ» органовъ; секретарь колоніальныхъ конференцій оказалъ большія услуги обѣимъ сторонамъ и нынѣ пользуется всеобщимъ довѣріемъ.

Консервативная и уніонистская печать продолжала кричать, что въ дѣлѣ имперскаго строительства ничего не достигнуто, однако со все уменьшающейся энергіей; событія не оправдывали подобнаго утвержденія. Съ 1907 г. стало яснымъ, что имперія не только не распадается, а наоборотъ, единеніе между метрополіей и колоніями крѣпнетъ, хотя и принимая новыя, непредвидѣнныя формы.

Конференція 1911 г. во многомъ поставила точки на і, еще болѣе рельефно выдвинувъ возможности объединенія Великобританской имперіи.

II.

Имперская конференція 1911 года.

1.

Первое, что бросается въ глаза, касательно конференціи, засѣдавшей въ Лондонѣ въ маѣ и іюнѣ мѣс. 1911 г., это ея названіе. Конференція явилась продолженіемъ въ дѣлѣ объединенія Британской имперіи, начатомъ уже въ концѣ прошлаго столѣтія; но въ отличіе отъ предшествовавшихъ конференцій, правительство метрополіи назвало ее «Имперской», а не колоніальной; дѣйствительно, терминъ «Колонія» въ настояще время едва ли отвѣчаетъ тому положенію, которое заняли

---

[1]) Подробнѣе см. мою брошюру: Федерализмъ, Спб. 1908 г., стр. 10—14.

Канада, Австралія, Новая Зеландія и Ю. Африка; теперь къ нимъ присоединенъ былъ и Нью-Фаундлендъ. Кромѣ колоніальныхъ премьеровъ въ работахъ конференціи приняли участіе и нѣкоторые другіе члены колоніальныхъ кабинетовъ. Со стороны метрополіи участвовали различные министры; премьеръ, по установившемуся обычаю, былъ предсѣдателемъ конференціи, а статсъ-секретарь колоній участвовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ, какъ членъ ex officio, иногда замѣняя премьера на предсѣдательскомъ креслѣ; остальные министры приходили только, когда предполагалось разсматривать вопросы, ихъ спеціально касавшіеся.

Асквитъ открылъ конференцію 23 мая краткою, но содержательною рѣчью; привѣтствовавъ колоніальныхъ премьеровъ и почтивъ память Камбель-Баннермана, бывшаго предсѣдателемъ предшествовавшей конференціи, 1907 г., онъ предложилъ выразить преданность королю, какъ «центру и символу имперскаго единенія»; эта счастливая фраза весьма ярко отражаетъ дѣйствительное современное положеніе вещей въ Великобританіи. Далѣе онъ остановился на странныхъ отличительныхъ признакахъ нынѣшняго строя имперіи, благодаря которому чрезвычайныя географическія различія отдѣльныхъ ея частей, содержащія къ тому же самыя разнообразныя національности, религіи, расы и т. д., и т. д., не препятствуютъ единенію и дѣлаютъ, напр., войну между частями невозможной; два условія, по его мнѣнію, обезпечиваютъ имперіи такое единство: во-первыхъ, господство права, а во-вторыхъ, соединеніе мѣстной автономіи съ лойальностью общей главѣ, другими словами единеніе на почвѣ права во имя взаимной дружбы, помощи и довѣрія. Какая разница, говорилъ премьеръ, отличаетъ идеи, господствовавшія въ этой области въ раннюю эпоху XIX вѣка отъ современности; въ тѣ времена предвидѣлись только двѣ возможности: либо централизація имперіи, либо дезинтеграція или распаденіе; три четверти столѣтія спустя обѣ теоріи совершенно забыты, не имѣя болѣе ни малѣйшаго активнаго значенія; въ настоящее время, добавилъ онъ, твердо установленъ принципъ, согласно которому каждая изъ

частей имперіи можетъ свободно распоряжаться въ своихъ домашнихъ дѣлахъ безъ какого либо вмѣшательства извнѣ; принципъ этотъ является фундаментомъ имперіи: это articulus stantis aut cadentis Imperii; никогда еще начало полной автономіи не получало такого торжественнаго подтвержденія со стороны столь высокаго должностного лица метрополіи. Признаніе его будетъ навѣки записано исторіей въ число заслугъ нынѣшняго англійскаго либеральнаго министерства.

Но одновременно Асквитъ подчеркивалъ и паралельную идею, что автономныя колоніи являются составными единицами бóльшей единицы—имперіи; конференціи, по его мнѣнію, должны были служить укрѣпленію этого единства, посредствомъ свободнаго соглашенія въ дѣлахъ общаго интереса.

Установивъ эти важныя начала, онъ перешелъ къ намѣченнымъ правительствомъ метрополіи средствамъ болѣе тѣснаго сближенія. Въ этомъ случаѣ онъ высказывался однако гораздо осторожнѣе; не желая оказывать какого либо давленія на членовъ конференціи или предрѣшать какіе либо вопросы, онъ говорилъ лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ о возможномъ «Совѣщательномъ Совѣтѣ» (Advisory Council) и реформѣ колоніальнаго министерства метрополіи; но главнымъ вопросомъ онъ считалъ военное дѣло, «имперскую оборону»; въ послѣдней области многое уже было достигнуто, въ частности, напр., подготовительной конференціей 1909 года и поѣздкой лорда Китченера въ Австралію и Новую Зеландію; но очень многое еще оставалось сдѣлать; большую помощь могъ бы оказать своими совѣтами особый комитетъ имперской обороны, работы коего шли бы паралельно съ работами имперской конференціи.

Премьеръ закончилъ свою рѣчь выраженіемъ надежды, что члены конференціи, во время ея работы, забудутъ свои партійные взгляды и посвятятъ весь свой трудъ и все свое вниманіе тѣмъ средствамъ, которые могли бы обезпечить имперіи прочное единеніе и силу, обосновывая ихъ на столь хорошо испытанныхъ началахъ Британской свободы.

2.

Первое мѣсто среди колоніальныхъ премьеровъ несомнѣнно принадлежало сэру Вильфриду Лоріе, Канадскому премьеру; но роль, имъ сыгранная въ данномъ случаѣ, была скорѣе отрицательная; какъ увидимъ далѣе, его лейтъ-мотивомъ было совершенное довольство Канады современнымъ положеніемъ вещей; основываясь на этой мысли, онъ неизмѣнно противился предложеніямъ, выставляемымъ на конференціи; недаромъ, этотъ престарѣлый государственный мужъ произвелъ на многихъ впечатлѣніе отсталости; его выдающаяся роль на прошлыхъ конференціяхъ обѣщала большаго. Сэръ Джозефъ Уардъ, премьеръ Новой Зеландіи, наоборотъ, явился поборникомъ самыхъ радикальныхъ реформъ, выставивъ цѣлый рядъ важныхъ предложеній; большинство изъ нихъ, правда, потерпѣло фіаско, но многаго, разъясненіями и дебатами различныхъ вопросовъ, онъ все-таки достигъ. Премьеръ Австраліи, Фишеръ, представлялъ собой довольно интересную фигуру, будучи первымъ премьеромъ - рабочимъ; представители метрополіи, въ особенности нисшіе чины, относились къ нему весьма скептически, чтобы не сказать высокомѣрно; но въ общемъ, какъ увидимъ, такое отношеніе оказалось совершенно не заслуженнымъ. «Соединенная Африка» впервые была представлена на конференціи, въ лицѣ своего перваго премьера, бывшаго яраго врага, а нынѣ откровеннаго друга Англіи, генерала Бота; Нью-Фоундлендъ-же былъ представленъ довольно безцвѣтнымъ Моррисомъ.

Сэру Лоріе, какъ старѣйшему члену, выпало на долю отвѣчать первымъ на рѣчь Асквита. Въ своемъ выраженіи благодарности королю и правительству онъ не приминулъ отмѣтить все растущія симпатіи и привязанности колоній къ метрополіи; четыре года тому назадъ, говорилъ онъ, общественное мнѣніе Англіи относилось къ работамъ колоніальной конференціи съ большимъ подозрѣніемъ; дальнѣйшій ходъ событій однако не оправдалъ этихъ опасеній; очень многое оказалось достигнутымъ; паралельно съ ростомъ само-

стоятельности колоній прояснялась и возможность взаимныхъ соглашеній на почвѣ общихъ интересовъ; а послѣднихъ было не мало; такимъ образомъ, вмѣсто дезинтеграція, создавалась гармонія частей и своего рода единеніе. Но, подчеркивалъ онъ, Канада вполнѣ удовлетворена тѣмъ, что уже сдѣлано и не имѣетъ въ настоящій моментъ никакихъ новыхъ предложеній. Эта послѣдняя мысль явилась главнымъ бастіономъ, за которымъ прятался Канадскій премьеръ во время всѣхъ послѣдующихъ преній.

Фишеръ, наоборотъ, въ своей отвѣтной рѣчи выставилъ цѣлый рядъ тезисовъ; во-первыхъ, онъ считая желательнымъ, чтобы дальнѣйшіе конференціи переносили мѣсто своихъ засѣданій изъ одной столицы въ другую; во-вторыхъ, имъ указано было на желательность сокращенія огромныхъ Суэцкихъ пошлинъ и на доставку колоніямъ офиціальныхъ торговыхъ отчетовъ метрополіи; въ-третьихъ, онъ передалъ пожеланіе Австраліи болѣе тѣсной организаціи имперіи и готовность колоніи—дочери придти на военную помощь метрополіи, и наконецъ, въ-четвертыхъ, онъ говорилъ о желательности всѣми средствами культивировать международный арбитражъ.

Съ важными предложеніями выступилъ и Ново-Зеландскій премьеръ, которому суждено было въ этомъ отношеніи занять ведущую роль на конференціи; въ своей отвѣтной рѣчи сэръ Уардъ однако ограничился витіеватыми и туманными фразами о настоятельной необходимости болѣе тѣснаго имперскаго единенія для предотвращенія все растущей опасности распаденія; болѣе конкретныя предложенія имъ были формулированы позднѣе.

Генералъ Бота занялъ болѣе консервативную позицію; въ общемъ Южная Африка была довольна современнымъ положеніемъ вещей, что и понятно; молодая унія еще не успѣла кристаллировать свои пожеланія и опредѣлить свою имперскую политику. Бота лишь подчеркнулъ тотъ блестящій результатъ, который достигла метрополія по отношенію къ ея младшей дочери; еще на прошлой конференціи, говорилъ онъ, Африка была

представлена тремя колоніями, тогда какъ четвертая вовсе отсутствовала, а теперь она была единой уніей; еще недавно царилъ тамъ принципъ разъединенія, стоившій много слезъ и крови, теперь-же господствуетъ согласіе и гармонія; африканцы съ радостью и искренно отдали свои сердца имперіи.

Въ общихъ выраженіяхъ подтвердилъ свое довольство положеніемъ вещей и Нью-Фаундлендскій премьеръ Моррисъ.

Такимъ образомъ члены конференціи раздѣлились естественно на два лагеря, прогрессистовъ, ведомыхъ новой Зеландіей и Австраліей и поддерживаемыхъ метрополіей, и консерваторовъ, среди коихъ лидерство несомнѣнно принадлежало Лоріе; за нимъ шли Бота и Моррисъ.

Уже въ первый день сказалось это различіе и на дѣлѣ; по окончаніи изложенныхъ рѣчей Уардъ предложилъ резолюцію, согласно которой засѣданія конференціи были бы сдѣланы публичными, съ допущеніемъ представителей печати. Лоріе сразу-же возсталъ, заявивъ, что публичность сильно стѣснитъ премьеровъ, лишитъ конференцію искренности (премьеры будутъ обязаны говорить для публики, а не искать всѣми возможными путями соглашенія), разстроитъ ихъ согласіе и уничтожитъ откровенность; предпочтительнымъ ему представлялся методъ, принятый на предшествовавшей конференціи, выпуска ежедневныхъ précis, которые затѣмъ могли быть собраны и опубликованы правительствомъ. Предложеніе это было принято, и Уарду пришлось взять свое обратно.

Думается, что въ такомъ трудномъ и щекотливомъ дѣлѣ принятый конференціею методъ опубликованія ежедневныхъ précis вполнѣ оправдывается пользою дѣла; работа конференціи нисколько бы не выиграла отъ большей публичности, а потерять, какъ вѣрно замѣтилъ Лоріе, она могла очень многое.

Касательно распорядка дѣлъ, конференція выдѣлила вопросъ обороны, который рѣшено было обсуждать въ особомъ «комитетѣ имперской обороны», съ участіемъ представителей военнаго и морского дѣла.

Затѣмъ, Уардъ вновь выступилъ съ резолюціей, на этотъ разъ гораздо болѣе важной. Дѣло касалось учрежденія имперскаго совѣта. Въ длинной, хорошо обоснованной фактами и строго продуманной рѣчи, Ново-Зеландскій премьеръ развилъ свое основное положеніе о необходимости подобнаго имперскаго органа. Уже со временъ первыхъ конференцій, подъ эгидой Джозефа Чемберлена, говорилъ онъ, витала въ воздухѣ такая мысль. Главнымъ аргументомъ Уардъ выставилъ эмиграцію; въ настоящее время еще можно было разсчитывать на лойальность эмигрантовъ, приходившихъ въ колоніи, такъ какъ большинство изъ нихъ принадлежало по крови метрополіи; но иностранная эмиграція росла съ каждымъ днемъ и близокъ могъ быть часъ, когда идея національности оказалась-бы въ опасности подъ давленіемъ этихъ космополитическихъ факторовъ; такъ, напр., въ Канадѣ за послѣднее время сталъ преобладать среди эмигрантовъ элементъ иностранца; необходимо было установить общую систему и выработать общую политику эмиграціи и иммиграціи, единую для всей имперіи; а таковая общность политики, разсуждалъ Уардъ, могла быть достигнута лишь имперскимъ совѣтомъ.

Свою рѣчь Уардъ закончилъ на второмъ засѣданіи, 25 мая; по его мнѣнію, оказалось-бы недостаточнымъ учредить одинъ совѣтъ; необходимо было сдѣлать и дальнѣйшій шагъ созданіемъ имперскаго парламента. Роль послѣдняго сосредоточивалась-бы, главнымъ образомъ, на вопросѣ имперской обороны, въ каковомъ дѣлѣ слѣдовало предоставить колоніямъ право голоса; Уардъ однако пояснилъ, что имѣетъ въ виду лишь морскія, а не сухопутныя силы имперіи; касательно послѣднихъ колоніямъ могла бы быть сохранена ихъ современная независимость. Свою систему имперскаго парламента онъ обосновывалъ на общеизвѣстномъ принципѣ федерализма: нижняя палата составлялась-бы пропорціонально численности населенія составныхъ частей имперіи, а верхняя палата или совѣтъ—половина поровну отъ всѣхъ колоній, другая-же половина назначалась-бы метрополіей; роль совѣта была-бы чисто

совѣщательной; компетенцію-же парламента составляли-бы вопросы мира и войны, международныхъ договоровъ, международныхъ отношеній, имперской обороны и отыскиванія необходимыхъ для сего финансовыхъ средствъ. Другими словами, Уардъ подробно развилъ давно пропагандируемую имперіалистами идею общеимперскаго парламента.

Уже среди его рѣчи Уарда прерывали его коллеги различными вопросами сомнѣнія; такъ, Фишеръ, а за нимъ Лоріе и Асквитъ, спрашивали его, предполагается-ли предоставить парламенту принудительную власть (coercion) надъ колоніями, какъ въ дѣлѣ взиманія контрибуцій на военное дѣло, такъ и въ опредѣленіи общеимперской политики; къ этому Асквитъ прибавилъ: каково же будетъ положеніе метрополіи и кто-же будетъ тогда вести международныя сношенія?

Уарду, такимъ образомъ, пришлось сдѣлать и еще одинъ дальнѣйшій шагъ заявленіемъ о необходимости учредить имперскую исполнительную власть, политически отвѣтственную предъ парламентомъ. Другими словами, говорилъ Лоріе, здѣсь предлагалась цѣлая система законодательныхъ и исполнительныхъ органовъ, а не лишь одинъ совѣщательный совѣтъ; органы эти, при этомъ, располагали-бы властью взимать съ колоній контрибуціи, но не были бы отвѣтственны предъ народами послѣднихъ; подобная система была очевидно невозможной. Съ Лоріе сразу-же согласился и Фишеръ, подчеркнувшій абсолютную непрактичность предложенія Уарда; совѣщательный совѣтъ былъ-бы еще пріемлемъ для Австраліи, но никоимъ образомъ не болѣе того. Бота и Моррисъ прямо отказались принять предженіе Новой Зеландіи.

Рѣзко высказался противъ него и премьеръ метрополіи; Асквитъ вѣрно указалъ, что принятіе подобной системы означало бы конецъ главенства и авторитета метрополіи, роль которой стала-бы совершенно второстепенной; къ тому-же неопредѣленнымъ оставался и вопросъ объ отвѣтственности подобныхъ имперскихъ органовъ; для метрополіи предложеніе Уарду было абсолютно непріемлемымъ.

Благодаря такому результату преній, Уарду пришлось второй разъ ретироваться взятіемъ своего предложенія обратно. Пренія выяснили одно: — Имперія, какъ метрополія, такъ и колоніи, не была готова принять подобную организацію; таковая, повидимому, ей не подходитъ. Единенія слѣдуетъ искать другими путями, а не примѣненіемъ принциповъ федеральной системы; предшествовавшая исторія вопроса могла-бы указать Уарду на неизбѣжность такого результата.

Конференція затѣмъ перешла къ третьему предложенію Новой Зеландіи, касавшемуся реорганизаціи колоніальнаго министерства метрополіи; резолюція Уарда была раздѣлена на 6 пунктовъ; первые три касались самого министерства, остальные — роли «высокихъ комиссаровъ» отдѣльныхъ колоній; министерство предлагалось раздѣлить на двѣ части, во главѣ которыхъ стояли бы отдѣльные помощники статсъ-секретаря, комиссаровъ-же предлагалось сдѣлать непосредственными передаточными инстанціями между колоніями и метрополіей, вмѣсто прохожденія дѣлъ черезъ губернаторовъ. Къ резолюціи Новой Зеландіи предсѣдатель присоединилъ, для общности преній, резолюцію Ю. Африки, согласно которой постоянный секретаріатъ имперской конференціи былъ-бы подчиненъ впредь непосредственно премьеру метрополіи.

Первое слово было предоставлено статсъ-секретарю колоній въ виду того, что правительство метрополіи само желало сдѣлать предложеніе въ этой области. Уже на предыдущей конференціи метрополія предусматривала необходимость реформы колоніальнаго министерства; и многое въ этомъ отношеніи было сдѣлано тогдашнимъ министромъ колоній лордомъ Эльгинымъ [1]); раздѣленіе министерства было уже достигнуто; одинъ департаментъ завѣдывалъ автономными колоніями, такъ называемыми державами (Dominions), другой-же — остальными; но метрополія отказывалась учредить двухъ помощниковъ статсъ-секретаря, такъ какъ полагала, что это внесетъ рознь въ работу министерства и мѣшало-бы самому статсъ - секретарю; «постоянный помощникъ

---

[1]) См. выше; также мою брошюру: «Федерализмъ», стр. 10—14.

статсъ-секретаря» (Permanent Under-Secretary), не смѣняемый одновременно съ политической смѣной министерства, является въ Англіи настоящимъ главой министерства, если не съ точки зрѣнія политики, то, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія работы министерства, его рутины; двѣ параллельныхъ главы были-бы, вслѣдствіе этого, непріемлемы и просто вредными, подтачивая единство политики статсъ-секретаря; къ тому-же, спрашивалъ Гаркортъ, какъ можно было-бы поставить одного политически отвѣтственнаго министра надъ двумя не отвѣтственными политически товарищами министра? Метрополія уже имѣла постоянный секретаріатъ имперской конференціи; но она готова была сдѣлать дальнѣйшій шагъ учрежденіемъ «постояннаго комитета имперской конференціи» (Standing Commitee of the Imperial Conference), въ составъ коего вошли-бы: статсъ-секретарь колоній, парламентарный помощникъ его, постоянный помощникъ его, секретарь имперскихъ конференцій, всѣ высокіе комиссары колоній и представитель Нью-Фоундленда [1]); функціи комитета были-бы чисто-совѣщательныя, а не исполнительныя. Съ другой стороны, правительство метрополіи отказывается реформировать роль, играемую высокими комиссарами, предлагая оставить ее нетронутой.

Уардъ пояснилъ, что Новая Зеландія не настаиваетъ на подробностяхъ реформы министерства, заявляя лишь, что она чувствуетъ нѣкоторые недостатки современнаго строя, такъ какъ метрополія не всегда была au courant теченій колоніальнаго общественнаго мнѣнія, а колоніи были не вполнѣ знакомы съ министерской рутиной метрополіи Лоріе вновь заявилъ, что Канада довольна современнымъ положеніемъ вещей и въ данной области, но что онъ не будетъ возражать противъ предлагаемыхъ внутреннихъ реформъ министерства колоній; съ другой стороны, онъ, наоборотъ, имѣлъ возраженія противъ учрежденія «постояннаго комитета», равно и противъ реформы должности комиссаровъ; положеніе

---

[1]) Нью-Фоундлендъ является единственной автономной колоніей, не имѣющей высокаго комиссара.

послѣднихъ было слишкомъ щекотливое и конфиденціальное, чтобы можно было сдѣлать изъ нихъ постоянныхъ офиціальныхъ агентовъ колоніи; комитетъ-же могъ создать нежелательное положеніе вещей, рекомендуя. напр., политику, пріемлемую для одной колоніи, но не желательную для другой.

Канадскій премьеръ былъ поддержанъ Фишеромъ, считавшимъ, что учрежденіе комитета вызываетъ большія сомнѣнія, реформа-же дѣятельности комиссаровъ прямо нежелательна, какъ влекущая за собой уничтоженіе ихъ конфиденціальной роли посредниковъ; онъ также противился офиціальному оформленію дѣятельности комиссаровъ, предпочитая видѣть въ нихъ лишь своего рода дипломатовъ, аккредитованныхъ при метрополіи.

За сохраненіе въ этихъ вопросахъ современнаго положенія вещей высказались также представители Ю. Африки и Нью-Фоундленда.

Асквитъ заявилъ на это, что онъ съ удовольствіемъ принимаетъ взгляды колоніальныхъ премьеровъ, въ частности касательно болѣе частыхъ и прямыхъ сношеній колоній съ правительствомъ метрополіи черезъ посредство конфиденціальной дѣятельности комиссаровъ. Африканскую резолюцію онъ предложилъ отвергнуть, такъ какъ премьеру метрополіи совершенно невозможно было лично вести подобное дѣло; у него и безъ того руки были полны работы; да и по существу своему дѣло это принадлежало компетенціи отдѣльнаго министра. Что-же касается рѣшенія конференціи касательно остальныхъ только что указанныхъ вопросовъ, то таковое предложено было отложить впредь до ознакомленія членовъ конференціи съ особой запиской, составленной по сему вопросу статсъ-секретаремъ колоній (см. ниже).

3.

На третьемъ засѣданіи, 1-го іюня, представители Австраліи внесли на обсужденіе конференціи вопросъ, на первый взглядъ не касающійся непосредственно области имперской организаціи; мы имѣемъ въ виду

Лондонскую декларацію. Но Австралія мѣтила глубже; ее интересовалъ не столько вопросъ о контрабандѣ и потопленіи нейтральныхъ судовъ (ст. 24, 48 и 54 деклараціи), сколько тотъ фактъ, что, соглашаясь на утвержденіе деклараціи, метрополія не запросила предварительно мнѣнія автономныхъ колоній; Австралія не желала вовсе, говорилъ Фишеръ, стѣснять метрополію въ какомъ-либо отношеніи, но указывала лишь, что автономныя колоніи могли быть заинтересованы въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ международныхъ вопросовъ и примѣромъ такого случая являлись именно указанныя три статьи Лондонской деклараціи; международная политика имперіи, конечно, должна быть единой, но это нисколько не мѣшаетъ метрополіи совѣтоваться со своими автономными дочерьми; въ настоящемъ случаѣ оказывалось, что было уже слишкомъ поздно протестовать противъ ратификаціи даннаго договора, но на будущее время повтореніе подобныхъ случаевъ было-бы нежелательно.

Мы видимъ, что въ данномъ случаѣ колонія дѣлаетъ огромный шагъ впередъ по пути развитія своей независимости и находитъ возможнымъ давать метрополіи указанія въ такой области, которая прежде признавалась запретной. Но болѣе того: метрополія приняла этотъ укоръ и даже какъ бы извинялась, что допустила недосмотръ. На рѣчи Австралійскихъ депутатовъ отвѣчалъ сэръ Эд. Грей, пространно остановившись на заслугахъ Лондонской деклараціи; по отношенію къ пожеланію Австраліи Грей далъ недвусмысленныя разъясненія; противъ Лондонской деклараціи, говорилъ онъ, поздно было протестовать; она была какъ бы fait accompli; но впредь дѣло будетъ поставлено метрополіей иначе; такъ напримѣръ, когда настанетъ время для слѣдующей Гаагской конференціи, правительство метрополіи сообщитъ на заключеніе автономныхъ колоній всѣ возбужденные на этой конференціи вопросы и не предприметъ ничего помимо ихъ согласія; такъ будетъ поступать метрополія и во всякихъ другихъ международныхъ вопросахъ, касающихся автономныхъ колоній. Вѣрно назвалъ Лоріе это начало «весьма далеко идущимъ»;

до сихъ поръ участіе колоній въ международныхъ сношеніяхъ признавалось метрополіей лишь въ области, касающейся торговыхъ договоровъ; въ прочихъ вопросахъ международныхъ сношеній метрополія была свободна, что объясняется тѣмъ, что она несла на своихъ плечахъ большую часть «имперскихъ тяготъ»; Лоріе опасался, что если принятъ будетъ новый принципъ, колоніи будутъ этимъ втянуты слишкомъ активно въ международную политику; главное, чего онъ боялся, была возможность навязать колоніи участіе въ войнѣ, между тѣмъ какъ однимъ изъ любимѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ его аргументовъ всегда было утвержденіе, что Канада не обязана участвовать въ войнѣ метрополіи, ею не вызванной и ей непосредственно не угрожающей; уже давно проповѣдуетъ Лоріе эту гарантію канадской самостоятельности, но, думается, въ данномъ случаѣ онъ былъ неправъ, опасаясь подобнаго слѣдствія теоріи Грея и, какъ говорится, «немного переборщилъ». [1]). Что-же касается самой Лондонской декларацiи, то онъ призналъ ее огромнымъ шагомъ впередъ по пути мирнаго развитія международныхъ сношеній.

Къ послѣднему мнѣнію присоединился и Уардъ, указывавшій, однако, что и для Новой Зеландіи, какъ и для Австраліи, очень важнымъ казалась необходимость предварительныхъ переговоровъ и соглашеній метрополіи съ колоніями передъ заключеніемъ подобныхъ договоровъ; статья, касательно контрабанды, указанная

---

[1]) Консервативная пресса очень возмутилась этими взглядами Лоріе, указывая на неизбѣжное распаденіе имперіи, если-бы всѣ колоніи держались-бы подобныхъ-же теорій; консерваторы не могутъ еще примириться съ возможностью отказа колоніи отъ участія въ войнѣ метрополіи; между тѣмъ, такая возможность несомнѣнно имѣется на лицо; въ настоящее время ея повидимому держится не одна Канада; за нею слѣдуетъ и Южная Африка и Австралія; печать нѣкотораго лагеря въ обѣихъ колоніяхъ утверждаетъ это весьма недвусмыслерно. Придумана и соотвѣтствующая теорія для международнаго статуса колоній, а именно: въ войнѣ метрополіи, въ которой онѣ не желаютъ участвовать, онѣ будутъ не нейтральны (это всѣми признается невозможнымъ), а не комбатантами; такимъ образомъ, онѣ будутъ обезпечены отъ нападеній непріятеля; при этомъ однако забывается, что Канада напримѣръ имѣетъ крѣпости (напр. Халифаксъ), которыя врядъ-ли можно признать «не комбатантами» и сохранными отъ нападенія непріятеля. Положеніе англійскихъ колоній въ войнѣ метрополіи, въ которой онѣ не желаютъ принятъ участія, является однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ, которые представлены современностью на разрѣшеніе науки международнаго права.

Фишеромъ, имѣла огромное значеніе для торговли Зеландіи.

На слѣдующемъ засѣданіи, 2-го іюня, въ томъ-же духѣ высказались премьеры Ю. Африки и Нью-Фоундленда, одновременно привѣтствуя заявленіе Грея. Фишеръ затѣмъ пояснилъ, что вовсе не имѣлъ въ виду нападать на декларацію, которую и онъ одобряетъ; онъ вырзэилъ свою радость по поводу обѣщанія Грея впредь запрашивать мнѣнія колоній по интересующимъ ихъ международнымъ вопросамъ; вслѣдствіе этого свое первоначальное предложеніе онъ теперь просилъ замѣнить новой резолюціей, согласно которой конференція выразила-бы свое удовольствіе по поводу предложенія имперскаго правительства, касательно: 1) будущей Гаагской конференціи (метрополія не заключитъ какихъ-либо конвенцій или договоровъ, не запросивъ *предварительно* автономныхъ колоній) и 2) подобнаго-же образа дѣйствій и относительно другихъ международныхъ соглашеній, въ которыхъ автономныя колоніи окажутся заинтересованными.

Конференція приняла эту резолюцію единогласно (№ 1).

Затѣмъ Уардъ предложилъ, чтобы конференція выразила свое одобреніе и по поводу Лондонской деклараціи въ частности, на что Фишеръ отвѣтилъ, что сіе поставило-бы Австралію, въ виду ея предшествовавшаго заявленія, въ очень затруднительное положеніе. Асквитъ однако настаивалъ, указывая, что метрополія очень-бы желала подобной резолюціи со стороны конференціи; ему это нужно было для своей собственной политики; правительство предусматривало дебаты въ палатѣ общинъ по вопросу ратификаціи деклараціи, которые должны были имѣть мѣсто позднѣе, въ іюнѣ; премьеру очень важно было имѣть поддержку автономныхъ колоній, какъ лишній козырь противъ оппозиціи, столь упорно не желающей принять декларацію. Австралія однако протестовала, подчеркивая, впрочемъ, что дѣлаетъ это вовсе не противъ самой деклараціи. Резолюція Уарда была, благодаря этому, принята всѣми противъ одной воздержавшейся Австраліи (№ 2).

Съ точки зрѣнія автономіи колоній вопросъ поднятый Австраліей и разрѣшенный столь категорически метрополіей, представляется намъ чрезвычайно важнымъ и чреватымъ многими слѣдствіями; метрополію новый принципъ сильно свяжетъ, колоніи-же, благодаря ему, получаютъ въ свое распоряженіе новую государственную функцію.

4.

На томъ же засѣданіи, 2 іюня, Фишеръ представилъ вторую резолюцію, на сей разъ касавшуюся торговаго мореплаванія; желательно, говорилось въ ней, чтобы въ интересахъ имперіи, поддерживалось британское мореплаваніе и британская торговля британскими товарами; Австралія считала необходимымъ, въ видахъ поддержки имперской торговли, чтобы метрополія отказалась отъ нѣкоторыхъ международныхъ договоровъ. Съ теоретической точки зрѣнія, какъ видимъ, вопросъ этотъ близко касается предыдущаго, т. е. участія колоній въ международныхъ отношеніяхъ Но на этотъ разъ метрополія запротестовала. Министръ торговли (President of the Board of Trade) заявилъ, что въ данномъ случаѣ замѣшаны интересы всей имперской морской торговли и подобный отказъ отъ международнаго договора въ пользу интересовъ одной какой либо колоніи могъ бы очень вредно отразиться на британской торговлѣ вообще. Его поддержалъ и Лоріе, указавъ, что многіе договоры были заключены Великобританіей задолго до той эпохи, когда ея колоніи пріобрѣли современную автономію, и должны вслѣдствіе этого свято сохраняться; иначе дѣло будетъ обстоять съ договорами, заключаемыми впредь, что и является достаточной гарантіей колоніальнымъ интересамъ; резолюцію Австраліи онъ предложилъ замѣнить своей собственной, согласно которой метрополію просили бы вступить съ нѣкоторыми державами въ переговоры съ цѣлью измѣненія существующихъ съ ними договоровъ, дабы предоставить колоніямъ право, въ случаѣ желанія, отказаться отъ договора безъ нарушенія его дѣйствія для прочей имперіи.

Новая Зеландія, наоборотъ, встала на точку зрѣнія Австраліи; дальнѣйшее обсужденіе было однако отложено (см. ниже); конференція затѣмъ перешла къ разсмотрѣнію третьей резолюціи Австраліи, касавшейся навигаціонныхъ законовъ. Австралія желала въ этомъ отношеніи: 1) объединенія такихъ законовъ, касательно британскаго мореплаванія, 2) мѣръ борьбы съ конкуренціей иностранныхъ субсидируемыхъ судовъ, 3) обезпеченія британскимъ судамъ равныхъ преимуществъ съ судами иностранными, 4) обезпеченія британскимъ судамъ британскихъ же экипажей и 5) улучшенія условій службы британскихъ экипажей При этомъ Австралія жаловалась, что ея собственное законодательство тормазилось метрополіей, считающей все еще, что «имперскій» законъ 1894 г. покрываетъ собой всю данную область (overrides the Dominion legislation), тогда какъ въ Канадѣ и Новой Зеландіи дѣйствуютъ мѣстные законы; единство законодательства въ этой области желательно, говорилъ австрійскій министръ, но достигаться сіе должно посредствомъ мѣстныхъ, а не какихъ-либо «имперскихъ» законовъ; послѣдніе являются прямымъ нарушеніемъ законодательной власти Австраліи. Его поддерживали Канада и Новая Зеландія, также указывавшія на желательность мѣстныхъ колоніальныхъ законовъ для регулированія этого вопроса; Новая Зеландія, къ тому же, особенно настойчиво возражала противъ употребленія азіатскихъ экипажей, какъ подрывающаго благосостояніе британскихъ моряковъ и ихъ семей.

Метрополія отказалась принять п.п. 1 и 2 Австралійской резолюціи, и конференціи пришлось ихъ исключить; впрочемъ, резолюція была принята единогласно (№ 3) и конференція перешла къ обсужденію резолюціи, внесенной метрополіей, касательно «обмѣна рабочими» (Labor Exchanges); метрополіи было желательно, чтобы колоніи воспользовались существующими организаціями, учрежденными закономъ 1909 г. (Labor Exchanges Act)

Но здѣсь запротестовала Канада, заявивъ, что для нея непріемлемы подобныя учрежденія, уже разъ испро-

бованныя ассоцiацiей канадскихъ промышленниковъ; только мѣстные ея органы могли заниматься подобными вопросами.

Австралiя-же указала, что для нея такая система является непрактичной въ виду огромнаго разстоянiя, раздѣляющаго ее отъ метрополiи; въ случаяхъ, когда возникнетъ нужда въ рабочихъ въ Австралiи, сообщенiе объ этомъ въ Лондонъ и перевозка рабочихъ займетъ не менѣе 6 мѣсяцевъ времени, срокъ настолько длинный, что мѣстная нужда въ рабочихъ можетъ уже исчезнуть. Нѣкоторыя возраженiя, также практическаго свойства, выставили Новая Зеландiя и Ю. Африка; не возражалъ только одинъ Моррисъ. Въ виду такого результата, представитель метрополiи взялъ свое предложенiе обратно и предложилъ конференцiи другую резолюцiю, касавшуюся на этотъ разъ арбитража; метрополiя желала установленiя принципа взаимнаго признанiя арбитража. Конференцiя передала вопросъ особой комиссiи.

Далѣе, Уардъ предложилъ резолюцiю, которою конференцiя высказывалась за желательность объединенiя законодательства въ вопросахъ защиты авторскаго права, патентовъ, фабричныхъ марокъ и компанiй. Метрополiя поддержала его, и резолюцiя была принята единогласно безъ пренiй (№ 4).

Затѣмъ Австралiя предложила резолюцiю касательно реформы английскихъ системъ мѣръ, вѣсовъ и монеты. Противъ этого горячо возражали представители метрополiи, указывая, что вопросъ этотъ уже не разъ поднимался палатой общинъ и всегда ею отвергался, какъ непрiемлемый; къ тому-же, сокращенiе дѣленiя шиллинга съ 12 на 10 пенни непосредственно отразилось-бы на самыхъ бѣдныхъ слояхъ англiйскаго населенiя. Въ виду такой оппозицiи метрополiи, представители Австралiи взяли свое предложенiе обратно, и конференцiя, въ заключенiе засѣданiя, перешла къ разсмотрѣнiю резолюцiи метрополiи, согласно которой утверждалась желательность объединенiя дѣйствiй отдѣльныхъ частей имперiи въ вопросахъ, касающихся международныхъ выставокъ; таковыя стали за послѣднее время слишкомъ

частыми и только вредили другъ другу; единство политики въ этомъ вопросѣ было очень желательно. Конференція приняла эту резолюцію безъ преній (№ 5).

На слѣдующемъ засѣданіи, 8 іюня, конференція вернулась къ уже разсматривавшемуся вопросу о «постоянномъ комитетѣ» (см. выше), предложенномъ метрополіей, въ замѣну резолюцій Новой Зеландіи и Ю. Африки. Мы уже указывали главную цѣль, которую преслѣдовала метрополія въ данномъ случаѣ, желая установить въ работѣ имперскихъ конференцій нѣкоторую послѣдовательность и связь и, если возможно, непрерывность; министръ колоній вновь подчеркнулъ при этомъ, что компетенція комитета будетъ чисто совѣщательная и въ помощь министру колоній, а что о высокихъ комисарахъ, въ виду уже проявившагося отношенія конференціи, онъ болѣе не говоритъ въ своемъ проектѣ; колоніи могутъ, если желаютъ, назначать ихъ или другихъ представителей членами комитета.

Лоріе сразу энергично запротестовалъ, считая весь проектъ непріемлемымъ для Канады. Наоборотъ, Новая Зеландія и Австралія поддержали его; Фишеръ, кромѣ того, высказался за желательность болѣе короткихъ сроковъ созыва имперскихъ конференцій. Бота и Моррисъ присоединились къ протесту Лоріе; послѣдній затѣмъ заявилъ, что не считаетъ возможнымъ согласиться на учрежденіе *какого-либо* органа, который сталъ бы между конференціями и колоніями. Въ виду столь яркой оппозиціи, министръ колоній взялъ свой проектъ обратно; благодаря этому же оказались отвергнутыми и указанныя выше резолюціи Новой Зеландіи и Южной Африки.

Поклонниковъ болѣе тѣснаго имперскаго единенія этотъ результатъ преній сильно огорчилъ и, думается, вполнѣ справедливо; автономіи колоній подобный комитетъ могъ быть только полезенъ и, конечно, не былъ опасенъ; можно только пожалѣть, что Лоріе выказалъ такое упрямство въ этомъ случаѣ, которое можно объяснить лишь его уже очень преклоннымъ возрастомъ; не мало имѣется въ наши дни канадцевъ, даже среди либераловъ, т. е. партіи Лоріе, которые считаютъ, что

старикъ не находится болѣе au courant современныхъ политическихъ теченій.

5.

Слѣдующимъ вопросомъ, разсматривавшимся конференціей, была резолюція Новой Зеландіи, касательно обмѣна гражданскими чиновниками между колоніями и метрополіей, по примѣру уже существующаго обмѣна офицерами, установленному согласно пожеланію предшествовавшей конференціи.

Гаркортъ заявилъ, что вполнѣ симпатизируетъ этому предложенію, но находитъ, что неофиціальный обмѣнъ былъ бы болѣе успѣшнымъ; уже въ настояшее время онъ прикомандировываетъ къ различнымъ генералъ-губернаторамъ своихъ молодыхъ чиновниковъ, расчитывая воспользоваться ихъ совѣтами и опытомъ по возвращеніи ихъ домой; подобную систему можно было бы впредь расширить. Уардъ предложилъ тогда замѣнить слово «обмѣнъ» словомъ «посѣщеніе» (visit), послѣ чего резолюція эта была принята единогласно (№ 6).

Засѣданіе 9 іюня началось съ разсмотрѣнія предложенія Австраліи касательно эмиграціи; она желала, чтобы конференція подтвердила аналогичную резолюцію конференціи 1907 г., согласно которой предпочтеніе должно было быть отдаваемо британскимъ эмигрантамъ, а среди послѣднихъ—наиболѣе подходящимъ элементамъ; кромѣ того, Австралія теперь просила, чтобы правительство назначило въ эмиграціонный комитетъ (Committee of Emigrants Information Office) представителей автономныхъ колоній. Прочіе премьеры поддержали Фишера, со стороны же метрополіи выступилъ Джонъ Бернсъ (President of the Local Government Board), заявивъ, что цѣль резолюціи конференціи 1907 г. была во многомъ уже достигнута, такъ какъ въ настоящее время среди эмигрантовъ, уходящихъ въ колоніи, до 80% принадлежали британцамъ, тогда какъ прежде ихъ было не болѣе 33%; дальнѣйшее увеличеніе процента было врядъ ли возможно, такъ какъ Англія уже и безъ того сильно страдала отъ эмиграціи ея лучшихъ

сыновъ; лучше всего было бы довѣриться въ этомъ отношеніи метрополіи, которая не забудетъ интересовъ своихъ взрослыхъ дочерей. Австралія и Новая Зеландія однако старались настаивать на возможномъ усиленіи британской эмиграціи. Тогда Гаркортъ предложилъ замѣнить резолюцію Австраліи другой резолюціей, согласно которой выражалось бы одобреніе политики метрополіи, но указывалось бы на желательность поддержки интересовъ колоній въ дѣлѣ эмиграціи. Резолюція эта была принята конференціей единогласно и безъ дальнѣйшихъ преній (№ 7).

Затѣмъ конференція перешла къ разсмотрѣнію резолюціи Новой Зеландіи касательно защиты женъ и дѣтей отъ оставленія ихъ мужьями и отцами, посредствомъ объединенныхъ имперскихъ законовъ; въ настоящее время, говорилъ представитель Новой Зеландіи, мужъ, напр., могъ уѣхать изъ Лондона въ Новую Зеландію, оставивъ въ Англіи жену и дѣтей безъ какихъ-бы то ни было средствъ существованія, и Ново-Зеландскіе суды не могли его принудить оказывать семьѣ какую, либо поддержку; взаимное соглашеніе было поэтому настоятельно необходимо.

Но Лоріе вновь запротестовалъ и на этотъ разъ совершенно уже непонятно по какимъ соображеніямъ, такъ какъ Новая Зеландія предлагала лишь соглашеніе, т. е. регулированіе вопроса мѣстнымъ законодательствомъ, нисколько не нарушая и даже не касаясь существующихъ гарантій автономіи; своихъ соображеній Лоріе къ тому-же не высказалъ, ограничившись простымъ отказомъ.

Гаркортъ тогда предложилъ новую резолюцію, согласно которой высказывалась желательность принятія колоніями такихъ законовъ, которые обезпечивали-бы защиту женъ и дѣтей во всѣхъ частяхъ имперіи. Резолюція эта была принята единогласно и безъ преній (№ 8).

На слѣдующемъ засѣданіи, 12 іюня, разсматривался чрезвычайно интересный вопросъ объ «имперскомъ апелляціонномъ судѣ», возбужденный резолюціями Австраліи и Новой Зеландіи. Оба высшіе суда метро-

поліи, палата лордовъ и судебный комитетъ тайнаго совѣта, давно уже не удовлетворяютъ автономной колоніи; къ тому-же по составу своему они почти покрываютъ другъ друга; присутствовавшій на засѣданіи лордъ канцлеръ далъ подробныя разъясненія касательно дѣйствующаго порядка [1]), поставивъ колоніямъ въ заключеніе своей рѣчи цѣлый рядъ вопросовъ; ему казалось достаточнымъ прибавить къ составу этихъ судовъ двухъ англійскихъ судей, установить quorum въ пять судей и опредѣлить, что впредь палата лордовъ будетъ высшей апелляціонной инстанціей для метрополіи, а судебный комитетъ такой-же инстанціей для колоній. Колоніямъ, по указанію ихъ представителей, важно было, чтобы ихъ колоніальные судебные споры разсматривались колоніальными судьями, но, по заявленію Новой Зеландіи, было скорѣе безразлично, будетъ-ли африканскій судья разсматривать Ново-Зеландскія дѣла или vice versa [2]); Уардъ, кромѣ того, спросилъ, не будетъ-ли возможно слить эти два высшіе суда воедино. Лордъ канцлеръ отвѣтилъ, что симпатизировалъ-бы такой реформѣ въ принципѣ, но метрополія желала сохранить исторически сложившіеся институты. Изъ дальнѣйшихъ преній выяснилось, что Канада противилась какой бы то ни было реформѣ, Новая же Зеландія уступила, согласившись на сохраненіе двухъ судовъ, но предлагала включить въ ихъ составъ постоянныхъ колоніальныхъ судей, по одному отъ каждой автономной колоніи; такая реформа, по мнѣнію Новой Зеландіи, явилась-бы огромнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ объединенія имперіи. Канада и присоединившіеся къ ней Нью-Фоундлендъ и Ю. Африка, продолжали однако протестовать; послѣднія двѣ даже на отрѣзъ отказались назначать своихъ судей въ составъ судовъ метрополіи. Асквитъ поддерживалъ предложеніе лорда канцлера практическими соображеніями; метрополіи, говорилъ онъ,

---

[1]) Подробнѣе см. мою брошюру: Государственный строй Канады стр. 40 и 47 (Москва, 1911).

[2]) Подобное начало не логично, такъ какъ африканскій судья столь-же мало знаетъ Ново-Зеландское право и право маори, какъ и судья метрополіи.

очень важно имѣть спеціалистовъ по мѣстному колоніальному праву; въ томъ-же направленіи высказался лордъ Халденъ, приведя въ подтвержденіе необходимости реформы нѣсколько практическихъ примѣровъ изъ дѣятельности судебнаго комитета. Лордъ канцлеръ резюмировалъ реформу, соглашаясь на учрежденіе единаго суда съ двумя отдѣленіями: одно соотвѣтствовало-бы теперешнему судебному составу палаты лордовъ и разсматривало-бы апелляціи, восходящія изъ метрополіи, другое-же—судебному комитету, компетенціи коего принадлежали-бы колоніальныя апелляціи. Въ заключеніе преній Австралія предложила замѣнить представленныя по этому вопросу резолюціи одной общей резолюціей, согласно которой конференція просила-бы метрополію выработать соотвѣтствующій проектъ реформы и затѣмъ разослать его на заключеніе всѣмъ автономнымъ колоніямъ. Конференція приняла эту резолюцію единогласно (№ 9).

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что правительство метрополіи уже успѣло сдѣлать очень важный шагъ къ осуществленію подобной реформы; въ концѣ іюля имъ внесенъ былъ въ парламентъ проектъ билля, касательно реформы «имперскаго апелляціоннаго суда» (Imperial Appeal Court); проектъ былъ прочтенъ палатой лордовъ второй разъ уже въ первыхъ числахъ августа; согласно нему должны были быть назначены еще два лорда-судьи (ср. выше съ предложеніемъ, сдѣланнымъ лордомъ-канцлеромъ); далѣе, проектъ предлагалъ организовать единый высшій апелляціонный судъ для всей имперіи, но засѣдающій въ двухъ отдѣленіяхъ или, какъ выразился лордъ Халденъ въ палатѣ лордовъ, «въ двухъ формахъ», въ видѣ апелляціоннаго суда палаты лордовъ или въ видѣ судебнаго комитета тайнаго совѣта; въ настоящее время, заявляло правительство, число лордовъ-судей было слишкомъ мало, для составленія необходимаго кворума въ пять судей, для обоихъ отдѣленій; требовалось, слѣдовательно, созданіе двухъ новыхъ должностей [1]). Во-вторыхъ, необходимо

---

[1]) Теперь существуетъ всего 4 должности Lords of Appeal in Ordinary.

было устранить впредь одновременныя засѣданія обоихъ отдѣленій, дабы тѣмъ обезпечить членамъ возможность участія какъ въ палатѣ, такъ и въ комитетѣ [1]). Въ-третьихъ, правительственный билль предлагалъ повысить и уравнять жалованье всѣмъ членамъ имперскаго суда, доведя его до 5000 фунтовъ въ годъ, но примѣняя такое повышеніе лишь къ будушимъ назначеніямъ. Этой реформой правительство надѣялось, съ одной стороны, осуществить нѣкоторый шагъ по пути достиженія принциповъ, выставленныхъ имперской конференціей, съ другой же, усилить значеніе судебнаго комитета, вліяніе и положеніе коего всѣми сознается въ наши дни недостаточнымъ. Оппозиція въ палатѣ лордовъ въ общемъ встрѣтила билль симпатично, указавъ лишь, что одновременно слѣдовало бы обратить вниманіе и на реформу судопроизводства высшаго суда; съ этимъ указаніемъ нельзя не согласиться, но правительство очевидно отложило этотъ второй вопросъ впредь до завершенія обшей реформы палаты лордовъ.

Исторія указаннаго билля свидѣтельствуетъ намъ, сколь щепетильно-бережно относится правительство метрополіи къ пожеланіямъ, высказаннымъ на конференціи 1911 г.; не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ оно уже приступило къ осуществленію одной изъ самыхъ важныхъ резолюцій, касательно реформы имперскаго суда.

Вернемся, однако, къ нашему повѣствованію.

Засѣданіе конференціи 13 іюня началось съ разсмотрѣнія вопроса о натурализаціи, которому посвящены были резолюціи Австраліи, Новой Зеландіи и Южной Африки. Общимъ принципомъ, на которомъ стояли колоніи, было сохраненіе нынѣ существующаго порядка, т. е. полной ихъ самостоятельности въ этомъ вопросѣ; желательное и даже необходимое объединеніе принциповъ колоніальнаго законодательства, по ихъ справедливому мнѣнію, могло быть достигнуто лишь путемъ параллельнаго законодательства. На этотъ разъ Канада вы-

---

[1]) Какъ извѣстно, очень много судебныхъ лордовъ состоитъ членами одновременно обоихъ органовъ.

ступила съ энергичной поддержкой реформы, подчеркивая, однако, мысль, что изданіе законовъ, касающихся натурализаціи, составляло исключительную компетенцію колоніальныхъ органовъ.

Метрополія въ лицѣ Черчилля стала на ту же точку зрѣнія; она также считала недопустимымъ изданіе «имперскаго» акта; какая-либо реформа въ этой области могла быть проведена лишь съ согласія самихъ колоній, сколь ни желательно было бы объединеніе имперскаго законодательства. Что же касается условій, которыя метрополія считала бы необходимыми для натурализаціи, то, по заявленію Черчилля, таковымъ былъ главнымъ образомъ пятилѣтній срокъ жительства. Онъ предложилъ конференціи резолюцію, въ которой устанавливались-бы слѣдующіе пять принциповъ, на коихъ колоніи должны были-бы основывать законы, касающіеся натурализаціи: 1) имперское подданство должно быть объединено, но каждая колонія свободна издавать законы, касающіеся этого вопроса; 2) метрополія требуетъ для натурализаціи пятилѣтняго жительства въ предѣлахъ имперіи (гдѣ-бы то ни было); 3) принятіе въ подданство всегда является дискреціонной властью; 4) такой имперскій актъ не распространяется на колоніи, если послѣднія не примутъ его самостоятельно; и 5) реформа не можетъ отмѣнить нынѣ дѣйствующихъ законовъ, касательно колоніальной эмиграціи. Представитель метрополіи заявилъ, что послѣдняя готова измѣнить въ этомъ направленіи свое собственное законодательство. Послѣ небольшихъ преній, Черчилль измѣнилъ редакцію 4 пункта такимъ образомъ: 4) имперскій актъ долженъ имѣть такую редакцію, которая была-бы пріемлема всѣмъ автономнымъ коконіямъ; послѣ этого конференція приняла его предложеніе единогласно, въ замѣну первоначальныхъ резолюцій (№ 10).

Уардъ затѣмъ предложилъ резолюцію, касательно объединенія законодательства въ вопросѣ вознагражденія за несчастные случаи; члены конференціи согласились ее принять, указывая, однако, что въ Канадѣ и Австраліи вопросъ сей принадлежалъ компетенціи провинціальныхъ, а не федеральныхъ органовъ (№ 11).

Въ заключенiе засѣданiя Черчилль предложилъ резолюцiю, согласно которой объединялся-бы порядокъ высылки нежелательныхъ иностранцевъ; резолюцiя эта, съ незначительнымъ измѣненiемъ редакцiи, была принята конференцiей (№ 12).

6.

Засѣданiе 15 iюня было посвящено вопросамъ кабелей, телеграфа и почты. Новая Зеландiя считала желательной удешевленiе платы за кабельныя телеграммы; вопросъ этотъ касается главнымъ образомъ, конечно, Новой Зеландiи и Австралiи, которыя получаютъ всѣ свои сообщенiя путемъ кабеля, какъ для правительства, такъ и для общества, прессы и т. д. Послѣ заявленiя метрополiи, что многое уже достигнуто въ этомъ направленiи, резолюцiя Новой Зеландiи была принята (№ 13). Австралiя, затѣмъ, возбудила вопросъ о нацiонализацiи кабелей и была энергично поддержана Новой Зеландiей; метрополiя предложила иную редакцiю, согласно которой устанавливалась желательность, въ случаѣ недостиженiя пониженiя платы за телеграммы, проложенiя новаго правительственнаго кабеля между Англiей и Канадой; резолюцiя эта была также принята единогласно (№ 14). Далѣе, Новая Зеландiя предложила резолюцiю, имѣвшую въ виду расширенiе сѣти станцiй безпроволочнаго телеграфа въ предѣлахъ имперiи, что конференцiей было также принято (№ 15). Параллельно съ этимъ обсуждалась вторая резолюцiя Новой Зеландiи, согласно которой предлагалось метрополiи возбудить на слѣдующемъ международномъ конгрессѣ всемiрнаго почтоваго союза вопросъ о единообразной почтовой платѣ въ одну пенни; метрополiя заявила на это, что такое общее пониженiе отозвалось-бы главнымъ образомъ на ея казначействѣ и что расходы по почтовому вѣдомству и такъ уже были очень велики, но что она была готова просить о нѣкоторомъ сокращенiи платы. Конференцiя приняла резолюцiю съ соотвѣтстующимъ редакцiоннымъ измѣненiемъ (№ 16). Наконецъ, метрополiя прдложила признанiе на пространствѣ всей

имперіи денежныхъ переводовъ посредствомъ почтовыхъ чековъ, каковая система уже дѣйствовала въ нѣкоторыхъ колоніяхъ (напр. въ 22 городахъ Канады), но не была еще принята Австраліей. Конференція приняла и эту резолюцію единогласно (№ 17).

На засѣданіи 16 іюня вопросъ вновь зашелъ о международныхъ договорахъ. На сей разъ Канада внесла проектъ резолюціи, согласно которому конференція просила-бы метрополію открыть переговоры съ нѣкоторыми державами въ цѣляхъ предоставленія колоніямъ права отказаться отъ нѣкоторыхъ договоровъ, безъ нарушенія дѣйствія послѣднихъ для прочихъ частей имперіи; въ настоящее время, говорилъ Лоріе, при заключеніи новыхъ договоровъ метрополія запрашиваетъ мнѣніе автономныхъ колоній и предоставляетъ имъ свободу отказа отъ договора или присоединенія къ нему; но существуетъ 12 старыхъ договоровъ, относительно которыхъ колоніи этого права не имѣютъ. Прочіе члены поддерживали Лоріе, представитель-же метрополіи, сэръ Эд. Грей, сказалъ, что принципъ резолюціи вполнѣ согласенъ съ видами правительства и что онъ понимаетъ, что нѣкоторые изъ упомянутыхъ договоровъ нежелательны колоніямъ, въ виду чего онъ готовъ былъ начать предложенные переговоры. Резолюція Канады была принята, со вставленіемъ слова «комерческіе» передъ словомъ «договоры» (№ 18).

Австралія затѣмъ просила содѣйствія въ дѣлѣ британскаго торговаго мореплаванія, Канада-же предложила замѣнить резолюцію новой, согласно которой конференція просила-бы метрополію назначить королевскую комиссію для изслѣдованія всего вопроса наиболѣе широкимъ и общимъ образомъ; послѣ небольшихъ преній и съ нѣкоторой вставкой, предложенной метрополіей, резолюція Канады была принята (№ 19); вставка-же касалась обезпеченія колоніямъ и метрополіи самостоятельности въ веденіи ихъ фискальной политики.

Новая Зеландія и Нью-Фоундлендъ предложили резолюцію на поддержку почтовыхъ пароходныхъ линій имперіи, такъ называемаго общаго краснаго пути имперіи

(All red Mail Route); Канада присоединилась къ нимъ, но Австралія энергично протестовала, предпочитая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ путь черезъ Суэцъ, а не черезъ Канаду. Новая Зеландія тогда измѣнила редакцію резолюціи, не указывая пути соединенія колоній съ метрополіей, каковая резолюція и была принята (№ 20).

Далѣе разсматривались резолюціи Новой Зеландіи и Южной Африки, согласно которымъ уничтожалось взиманіе въ колоніяхъ подоходнаго налога метрополіи; метрополія однако запротестовала и резолюція была взята обратно. Такая-же судьба постигла резолюцію Австраліи касательно реформы монеты. Большій успѣхъ имѣла резолюція Южной Африки относительно охраны мореплаванія отъ пароходныхъ трестовъ; резолюція эта была принята съ добавленіемъ предложеннымъ метрополіей, согласно которому только вредные для торговли тресты будутъ преслѣдоваться правительствомъ (№ 21).

Засѣданіе 19 іюня посвящено было законамъ, касательно мореплаванія. Новая Зеландія возбудила вопросъ о предоставленіи автономнымъ колоніямъ большей самостоятельности въ этой области. Какъ мы уже указывали, это единственная въ настоящее время область, въ которомъ метрополія настаиваетъ на необходимости имперскаго законодательства, все еще навязывая колоніямъ актъ 1894 г. По поводу этого предложенія статсъ-секретарь по индійскимъ дѣламъ произнесъ длинную рѣчь, подчеркивая затрудненія, въ коихъ находится метрополія, главнымъ образомъ по отношенію къ своимъ индійскимъ подданнымъ; вопросъ заключался въ данномъ случаѣ не столько въ конкуренціи рабочихъ рукъ, сколько въ расовой ненависти. Однако Новая Зеландія и Канада отвѣтили на это, что для нихъ именно вопросъ конкуренціи являлся единственно важнымъ и что необходимо было предпринять что либо въ обезпеченіе семей британскихъ моряковъ; противъ индійцевъ, какъ расы, онѣ ровно ничего не имѣли. Наоборотъ для Южной Африки расовый вопросъ былъ наиболѣе важнымъ. Резолюція Новой Зеландіи, благодаря ея общности, была во всякомъ случаѣ непріемлема для метрополіи; послѣдняя указывала, что во

многомъ колоніи уже добились самостоятельности, напр. касательно береговой торговли и территоріальнаго дѣйствія законовъ; метрополія соглашалась, что-бы у себя дома онѣ были независимыми; но теперь, повидимому, колоніи хотѣли большаго, т. е. признанія принципа, согласно которому ихъ мѣстные законы слѣдовали-бы за ихъ судами на пространствѣ всей имперіи; этого принципа метрополія принять не могла, такъ какъ сіе подорвало-бы ея собственную морскую торговлю за границами имперіи. Канада указала, что метрополія не протестовала, когда она проводила законы во измѣненіе акта 1894 г., между тѣмъ Австраліи сіе не разрѣшалось.

Новая Зеландія, не смотря на сопротивленіе метрополіи, продолжала однако отстаивать свою резолюцію, вслѣдствіе чего ее пришлось голосовать и впервые голоса на конференціи подѣлились; за резолюцію (№ 22) высказались Канада и Новая Зеландія; Великобританія-же, Австралія, Южная Африка и Нью-Фоундлендъ воздержались.

Предложенныя затѣмъ резолюціи: (№ 23) касательно объединенія законодательства въ вопросѣ иммиграціи и (№ 24) исполненія на пространствѣ всей имперіи судебныхъ приговоровъ и приказовъ, были приняты безъ преній. Также единогласно была принята резолюція Австраліи (№ 25) относительно желательности пониженія Суэцкихъ пошлинъ.

На засѣданіи 20 іюня конференція постановила опубликовать свои протоколы въ возможно непродолжительномъ времени [1]) и затѣмъ приняла и утвердила докладъ комитета обороны (№ 26) [2]). Названный комитетъ, въ своихъ работахъ остановился главнымъ образомъ на организаціи и дѣятельности «Имперскаго генеральнаго штаба», учрежденнаго два года тому назадъ, но уже успѣвшаго заслужить полное довѣріе колоній;

---

[1]) Они опубликованы въ синихъ книгахъ: «Précis of the Proceedings of the Imperial Conference, 1911»; Cd. 5741; «Minutes of Proceedings of the Imperial Conference, 1911»; Cd. 5745 (july 1911). Доклады, представленные конференціи, опубликованы въ синей книгѣ «Papers laid before the Conference (Imperial Conference, 1911)»; Cd. 5746.—1; july 1911.

[2]) Опубл. въ бѣлой книгѣ: «Naval and Military Defence (Imperial Conference [illegible])»; Cd. 5746. 2; july 19[illegible].

по свидѣтельству спеціалистовъ, колоніи очень охотно пользовались услугами и совѣтами генераловъ метрополіи; этимъ достигалось объединеніе имперской системы и средствъ обороны; колоніи могли быть постоянно освѣдомлены о военной политикѣ метрополіи, ея вооруженіи, военной системѣ, и т. д.; кромѣ того, комитетъ предложилъ колоніямъ, посылать съ ихъ согласія генераловъ инспектировать постановку у нихъ военнаго дѣла и давать имъ совѣты, направленные къ объединенію военнаго дѣла всей имперіи; территорія имперіи была раздѣлена на нѣсколько секцій, каждая изъ коихъ находилась въ завѣдываніи особаго генерала генеральнаго штаба; въ общемъ, по мнѣнію комитета, уже очень многое было достигнуто въ данной области и колоніи шли очень охотно навстрѣчу дѣлу объединенія военной защиты имперіи.

Въ заключеніе этого послѣдняго засѣданія Фишеръ предложилъ резолюцію, которою, во-первыхъ, министры метрополіи и колоній приглашались посѣтить колоніи, а, во-вторыхъ, метрополія приглашалась созвать слѣдующую конференцію въ одной изъ колоній, вмѣсто Лондона. Колоніальные премьеры энергично поддержали это предложеніе. Асквитъ однако возражалъ; первую часть онъ принялъ съ благодарностью, сказавъ, что при случаѣ министры конечно воспользуются столь любезнымъ приглашеніемъ; относительно-же второго пункта онъ заявилъ протестъ, считая засѣданія въ Лондонѣ, какъ центрѣ имперіи, единственно возможными; онъ допускалъ однако возможность засѣданія въ колоніяхъ подготовительныхъ конференцій или созыва въ колоніи членовъ конференціи на одно какое-либо засѣданіе. Согласно послѣднему предложенію измѣнена была вторая часть резолюціи Фишера, послѣ чего обѣ части были приняты конференціей (№ 27).

7.

Заключеніе.

Резюмируемъ теперь тѣ результаты, къ которымъ пришла конференція 1911 г. Положительные итоги были

подведены въ заключительныхъ рѣчахъ; къ нимъ мы вернемся немного ниже; отрицательные-же выводы были отмѣчены повременной печатью; въ особенности въ лагерѣ консерваторовъ можно найти крупное недовольство работами конференціи и въ частности политикой Канады, которой несомнѣнно принадлежала главная тормазящая роль въ этомъ отношеніи; всѣми силами и, надо сознаться, весьма успѣшно сопротивлялась она какимъ-либо нововведеніямъ, особенно учрежденію новыхъ «имперскихъ» органовъ; между тѣмъ, всѣ надежды консерваторовъ направлены именно въ эту точку, т. е. къ созданію настоящей государственно-правовой единицы, Великобританской имперіи, не только посредствомъ укрѣпленія уже существующихъ связей, «но и созданіемъ спеціальныхъ общихъ «имперскихъ» органовъ; такова, напр., была давнишняя мечта Чемберлена и имперской лиги. Но колоніи идутъ на этотъ путь весьма туго; одна Новая Зеландія составляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи; нельзя однако забывать, что она самая маленькая и самая обезпеченная отъ вмѣшательства метрополіи автономная дочь; она рискуетъ менѣе другихъ при подобной «имперской» комбинаціи.

Ожиданія были чрезвычайно велики, въ особенности среди консерваторовъ; многое впрочемъ было искуственно дуто, въ видѣ политическаго орудія противъ либераловъ и ихъ тактики; какъ-бы то ни было, но большинство надеждъ въ этомъ отношеніи рушилось. Въ нѣкоторомъ смыслѣ и мы не можемъ оправдать подозрительности колоній, особенно Канады и ея премьера; трудно понять, чѣмъ могли-бы быть опасными напр. постоянный комитетъ, предложенный метрополіей, или объединенное законодательство въ защиту женъ и дѣтей, противъ которыхъ такъ энергично протестовалъ Лоріе. Такъ оказались отвергнутыми главнѣйшія предложенія Новой Зеландіи и важныя реформы, проектированныя метрополіей.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ повидимому одно важное слѣдствіе: имперія не будетъ развиваться по пути *государственнаго* единенія, по крайней мѣрѣ, не въ ближайшемъ будущемъ; новаго единаго государства

въ этой области наше поколѣніе не увидитъ; это можно утверждать съ увѣренностью; колоніи слишкомъ часто и съ нескрываемою увѣренностью подчеркивали, что онѣ являются «отдѣльными и самостоятельными націями» и никоимъ образомъ не желаютъ отъ этого отказываться; съ другой стороны, метрополія была менѣе всего склонной противиться этому или принуждать ихъ къ иной точкѣ зрѣнія, другими словами, *принимая государственную ихъ обособленность какъ fait accompli*. Таковъ главнѣйшій результатъ преній конференціи.

Обратимся теперь къ положительнымъ итогамъ. Наилучшее ихъ освѣщеніе можно найти въ заключительной рѣчи Асквита, въ которой со всегдашней свойственностью премьера, ярко и выпукло обрисованы важнѣйшіе контуры достигнутаго. Онъ, во-первыхъ, подчеркнулъ «имперское» значеніе конференціи, въ отличіе отъ предшествовавшихъ, направленное на свободное, но постепенное развитіе институтовъ уже существующихъ, посредствомъ свободнаго-же и откровеннаго обмѣна мнѣній премьеровъ. Въ этой мысли можно справедливо видѣть фундаментъ дальнѣйшему развитію имперіи; не столько путемъ учрежденія новыхъ органовъ будетъ она прогрессировать въ ближайшемъ будущемъ, сколько развитіемъ своихъ исторически слагавшихся институтовъ; здѣсь сказался тотъ здоровый англійскій консерватизмъ, на которомъ построено зданіе Великобританской конституціи и зиждется весь правовый строй англо-саксовъ вообще.

Конференція, говорилъ Асквитъ, во-вторыхъ, очистила воздухъ, расчистила почву для лучшаго взаимнаго пониманія другъ друга, мѣстныхъ и общихъ интересовъ различныхъ частей имперіи; благодаря этому, получилась болѣе ясная перспектива политическихъ возможностей; направленіе-же ихъ мы только что указали. Впервые, по счастливому выраженію Фишера, колоніи были допущены въ святую святыхъ политики метрополіи, такъ сказать въ arcana Imperii, и при этомъ, искренно, безъ утаекъ, безъ резервацій; на одномъ изъ засѣданій комитета обороны, сэръ Эд. Грей посвятилъ колоніальныхъ премьеровъ въ самые сокровенные тайники междуна-

родной политики метрополіи, откровенно изложивъ имъ всѣ домашніе секреты, всѣ существующія затрудненія, всѣ имѣющіяся надежды на будущее. Благодаря этому, премьеры колоній впервые могли получить ясное представленіе о возможной роли ихъ народовъ въ международной жизни міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о тѣхъ требованіяхъ, которыя могли возникнуть въ военное время.

Неменьшій, а по нашему даже гораздо большій результатъ былъ достигнутъ конференціей въ вопросѣ международныхъ договоровъ; колоніямъ теперь обезпечено активное участіе во всѣхъ международныхъ вопросахъ, ихъ касающихся; *метрополія торжественно обѣщала имъ не обязывать ихъ какими-бы то ни было международными соглашеніями, безъ ихъ согласія;* а такія обѣщанія никогда не могутъ быть взяты обратно при современномъ верховенствѣ права надъ силой; касательно-же торговыхъ договоровъ, колоніямъ впредь будетъ обезпечена полная возможность присоединяться къ подобнымъ соглашеніямъ метрополіи или отказываться отъ нихъ по желанію. Трудно себѣ представить большую самостоятельность въ международныхъ сношеніяхъ, т. е. въ той области, которая еще предшествовавшему поколѣнію казалась принадлежащей священно и исключительно одной метрополіи; даже великій либералъ Гладстонъ не допускалъ вмѣшательства колоній въ свою международную политику, предпочитая ихъ совершенное отпаденіе.

Далѣе, третьимъ важнымъ шагомъ впередъ слѣдуетъ считать, хотя и не полное еще разрѣшеніе вопроса объ имперскомъ апелляціонномъ судѣ; недостатки современнаго положенія, по свидѣтельству Асквита, слишкомъ очевидны, чтобы возможно было ихъ дальнѣйшее сохраненіе. Пожеланія метрополіи въ этомъ вопросѣ, принятыя конференціей, будутъ въ ближайшемъ времени осуществлены правительствомъ, какъ относительно состава, такъ и касательно производства высшаго суда имперіи.

Четвертымъ важнымъ результатомъ слѣдуетъ считать принятіе конференціей принципа объединенія за-

конодательства въ вопросѣ натурализаціи. Благодаря этому въ ближайшемъ будущемъ создано будетъ новое, неизвѣстное доселѣ *понятіе обще-британскаго подданства*. Особенно важно въ этомъ случаѣ торжественное признаніе и подтвержденіе метрополіей принципа самостоятельности колоніальной законодательной власти въ данной области; только колоніальные парламенты, по справедливому указанію Черчилля, могутъ разрѣшить этотъ вопросъ. Это новое доказательство государственной автономіи колоніи, автономіи, которую метрополія не только не отрицала, но наоборотъ подтвердила.

Наконецъ многое достигнуто конференціей въ болѣе мелкихъ вопросахъ, какъ, напр., исполненія судебныхъ приговоровъ, мореплаванія, назначенія королевской комиссіи для изслѣдованія имперской торговли, кабелей, почты, объединенія защиты патентовъ, авторскаго права и др.

Такимъ образомъ можно съ увѣренностью сказать, что положительные результаты сильно перевѣшиваютъ тѣ отрицательные выводы, которые дѣлаютъ относительно конференціи англійскіе консерваторы. Къ тому-же слѣдуетъ отмѣтить то единогласіе, которое господствовало на конференціи; только одна резолюція (№ 22) не была принята большинствомъ, а отъ принятія другой (№ 2) воздержалась одна Австралія и то скорѣе по частнымъ, чѣмъ принципіальнымъ соображеніямъ. Подобное единогласіе является лучшимъ доказательствомъ возможности дальнѣйшихъ соглашеній.

Правъ былъ Асквитъ, когда онъ закончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что колоніи теперь лучше понимаютъ гдѣ лежитъ центръ тяжести взаимныхъ обязанностей, яснѣе сознаютъ необходимость довѣрія и болѣе довѣряютъ другъ другу и искренно преисполнены желаніемъ взаимно помогать другъ другу и метрополіи въ совмѣстной работѣ на обезпеченіе счастья и благополучія подданныхъ Георга V. Въ этомъ заключается лучшій залогъ дальнѣйшаго единства и дружбы Великобританской имперіи.

Извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ.

Г. Г. Тельберга.

I.

Извѣтъ, какъ публично-правовая обязанность.

Извѣтъ въ политическомъ преступленіи или извѣтъ «въ государевомъ дѣлѣ» представляетъ собой такой институтъ московскаго права, который по своему политическому и процессуальному значенію заслуживаетъ самаго внимательнаго изслѣдованія. Порожденный всей совокупностью культурныхъ и политическихъ условій до-Петровской Россіи, онъ впиталъ въ себя такое богатство колоритныхъ и своеобразныхъ чертъ, что изучить его даже со стороны его юридическихъ особенностей (не затрогивая его разнообразнаго бытового значенія) значитъ все-таки прочитать небезынтересную страницу въ безконечной книгѣ родной старины.

Извѣтъ, по Уложенію, есть необходимое начало всякаго государева дѣла, настолько необходимое, что законодатель даже не предусматриваетъ иного способа возбужденія политическихъ обвиненій; разъ заявленный органу власти, извѣтъ необходимо ведетъ къ производству сыска: скрытіе извѣта должностнымъ лицомъ разсматривается, какъ тяжкое преступленіе по службѣ; извѣтомъ, далѣе, опредѣляется и направляется сыскъ, и извѣтчикъ есть необходимый участникъ и активный дятель въ теченіе всей процедуры политическаго суда. Такое процессуальное значеніе извѣта мыслимо было, лишь благодаря тому, что по смыслу московскаго законодательства, по духу судебной практики и по всѣмъ

политическимъ традиціямъ московскаго государства извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ былъ не актомъ свободнаго усмотрѣнія частныхъ лицъ, не проявленіемъ случайнаго усердія обывателя къ интересамъ государя и государства, а *публично-правовой обязанностью* первостепеннаго значенія, неисполненіе которой разсматривалось, какъ нарушеніе вѣрноподданническаго долга, и вызывало тягчайшія кары. *Въ историческомъ пути*, которымъ слагалось такое значеніе московскаго политическаго извѣта, можно различить три основныхъ момента.

а) Впервые обязанность политическаго извѣта упоминается въ тѣхъ крестоцѣловальныхъ записяхъ, которыми московскіе государи, охваченные неутомимой заботой объ укрѣпленіи за собой служилыхъ силъ, опутывали отъѣзжавшихъ къ нимъ или уже служившихъ имъ князей и бояръ, политическая вѣрность которыхъ вызывала въ нихъ болѣе или менѣе серьезныя подозрѣнія. Древнѣйшія изъ дошедщихъ до насъ записей этого типа относятся къ исходу XV вѣка и затѣмъ тянутся сплошной цѣпью черезъ весь почти XVI вѣкъ. Среди обѣщаній «служить великому князю до живота своего», не отъѣзжать отъ него ни къ кому и «не ссылаться ни съ кѣмъ на его лихо» выступаетъ и обязанность извѣщать въ правду, если какое лихо или измѣну свѣдаетъ присягающій противъ своего сюзерена. «А кто мнѣ учнетъ говорити какія рѣчи на государьское лихо и мнѣ ко государьскому лиходѣю не пристать никоторыми дѣлы, никоторою хитростью; а которыя рѣчи учнетъ мнѣ говорити, и мнѣ рѣчи его сказати своему государю великому князю и его дѣтемъ въ правду; или гдѣ котораго лиходѣя государя своего взвѣдаю или услышу на государя своего лихо или отъ кого ни буди, что взвѣдаю или услышу, и мнѣ то сказати своему государю великому князю безъ всякіе хитрости по сей укрѣпленной грамотѣ» — такія обѣщанія повторяются чуть не съ буквальной точностью въ клятвенныхъ записяхъ служилой вѣрности, даваемыхъ отдѣльными князьями и боярами до послѣдней четверти XVI вѣка (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 402, 414, 429 и другія). Въ этой первичной своей

формѣ извѣтъ выступаетъ, какъ обязанность индивидуальная, источникомъ которой является индивидуальное же обязательство—договоръ личной службы; средствами обезпеченія этого обязательства были крестное цѣлованіе и личное и денежное поручительство духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Такимъ образомъ, все юридическое отношеніе, изъ котораго возникаетъ обязанность извѣта, носитъ рѣзко выраженный частно-правовой характеръ. На этой стадіи извѣтъ имѣетъ значеніе не судебно-процессуальное, а исключительно политическое: объектомъ его являются враждебные московскому государю замыслы внѣшнихъ враговъ, а отчасти—нарушеніе личной служебной вѣрности другими обязавшимися [1]).

б) Когда традиціи вольной службы и свободнаго отъѣзда, послѣ упорной борьбы съ ними московскихъ государей, оказались схороненными навсегда, индивидуальныя записи на служебную вѣрность обратились въ общую формулу вѣрноподданнической присяги, на которой крестъ цѣловали всѣ люди московскаго государства. Въ эту формулу перешла и обязанность извѣщать объ измѣнѣ и лихѣ, но здѣсь она выступаетъ съ чертами принципіальнаго различія сравнительно съ древнѣйшей своей формой: тамъ она была обязанностью индивидуальной, здѣсь она становится общей обязанностью всѣхъ подданныхъ московскаго государства; тамъ основаніемъ ея служилъ договоръ о личной службѣ, здѣсь она основывается на внѣ-договорной обязанности общаго вѣрноподданническаго долга. Вообще—перейдя въ крестоцѣловальныя записи XVII вѣка, политическій извѣтъ утратилъ свою частно-правовую оболочку, усвоивъ всѣ черты обязанности публично-правовой.

в) Наконецъ, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича дополнило эту обязанность какъ-разъ тѣмъ существеннымъ элементомъ, котораго ей не хватало—уголовной

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ записяхъ обязанность «сказывать» распространяется не только на «лихо», но и на «добро»: «гдѣ взвѣдаю или услышу о государѣ великомъ князѣ и о великой княгинѣ и о ихъ дѣтяхъ и о земляхъ о какомъ добрѣ и лихѣ, и мнѣ про то сказати» (Запись князя Василія Шуйскаго).

угрозой за неисполненіе ея. Установивъ во второй главѣ, что каждый обязанъ извѣщать государю и государевымъ думнымъ и приказнымъ людямъ о всякомъ зломъ умыслѣ на царское величество (II, 18), Уложеніе въ слѣдующей за этимъ статьѣ формулируетъ карательную угрозу: «А будетъ кто свѣдавъ или услыша на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыслъ, а государю и его государевымъ боярамъ и ближнимъ людямъ и въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людямъ про то не извѣститъ... и его за то казнити смертію безо всякія пощады» (II, 19). Слѣдуетъ отмѣтить, что Уложеніе, подкрѣпивъ обязанность извѣта суровой карательной угрозой, измѣнило отчасти и основаніе, на которое эта обязанность опиралась: если раньше она основывалась исключительно на «государевомъ крестномъ цѣлованіи» и подкрестной записи, вкладывавшей въ это цѣлованье опредѣленныя обязательства, — то теперь основаніе обязанности извѣта осложнилось прямымъ требованіемъ закона, такъ какъ Уложеніе въ отдѣльной статьѣ провозгласило сначала обязанность «извѣщать» (II, 18), а потомъ уже формулировало карательную угрозу за неисполненіе этой обязанности (II, 19). Но въ сознаніи населенія, среди котораго крестоцѣловальныя записи были, разумѣется, болѣе популярны, чѣмъ текстъ Уложенія,—источникомъ этой обязанности попрежнему оставалось государево крестное цѣлованіе, и извѣтчики въ государевыхъ дѣлахъ, обращаясь къ власти съ извѣтными челобитными, ссылались постоянно на то, что не могутъ «умолчать о такомъ государевомъ дѣлѣ, памятуя и исполняя твое государево крестное цѣлованье» (Акты московскаго государства, III, 527, извѣтъ въ бунтовскихъ словахъ; также въ дополненіяхъ къ актамъ историческимъ, XII, 153; оба извѣта относятся къ эпохѣ послѣ Уложенія). Впрочемъ, въ эту же эпоху встрѣчаемся и съ третьимъ основаніемъ обязанности извѣта: присоединяя пять за пядью къ владѣніямъ московскаго государства громадныя земли въ Сибири, правительство московское облекало эти присоединенія въ форму договоровъ съ племенами, населявшими эти

земли, и провидя опасность измѣнныхъ умысловъ среди новыхъ своихъ подданныхъ, включало иногда въ эти договоры обязательство «объявлять» государевымъ воеводамъ объ измѣнѣ и «скопѣ» (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 598; договоръ о подданствѣ табунуцкихъ сайтовъ).

Итакъ въ эпоху Уложенія политическій извѣтъ усвоилъ всѣ черты публично-правовой обязанности. Чтобы охарактеризовать эту обязанность съ большей опредѣленностью и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнить ея практическую важность, нужно разсмотрѣть два главнѣйшихъ вопроса: какіе разряды лицъ являются носителями этой обязанности и на какой кругъ преступленій она простирается. Это будутъ ея предѣлы въ субъективномъ и объективномъ отношеніи.

Такъ какъ первичнымъ основаніемъ обязанности политическаго извѣта является вѣрноподданническій долгъ, подкрѣпленный «государевымъ крестнымъ цѣлованіемъ», то обязанность эта должна падать *только на подданныхъ* московскаго государя. Такимъ именно кругомъ лицъ ограничиваетъ ее и Уложеніе, требуя, чтобы про злой умыселъ на царское величество извѣщали «московскаго государства всякихъ чиновъ люди»; слѣдовательно, на иностранцевъ, пребывающихъ въ Москвѣ, обязанность политическаго извѣта не простирается. Этотъ выводъ, основанный на текстѣ Уложенія, подтверждается также свидѣтельствомъ другихъ источниковъ: въ присягѣ, которую потребовали въ 1682 году отъ иноземныхъ купцовъ, торговавшихъ съ Россіей, не содержится ни присущаго московскимъ крестоцѣловальнымъ записямъ перечисленія противогосударственныхъ умысловъ, ни обязанности извѣщать о нихъ государю (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 441); даже въ крестоприводной записи иностранцевъ, поступавшихъ на временную службу въ московскомъ государствѣ, не упоминается объ обязанности извѣта. Неизвѣстно, въ какой степени московское правительство руководилось тутъ политико-юридическими соображеніями о не-подданствѣ; вѣрнѣе думать, что оно просто сознавало полную непрактичность этой

мѣры въ отношенiи иностранцевъ, которые, оставаясь чужими людьми въ московскомъ государствѣ, не имѣли здѣсь и прочныхъ связей, плохо вникали въ духъ и строй московской жизни, а потомъ едва-ли могли съ пользой для власти осуществлять обязанность политическаго извѣта относительно измѣнныхъ умысловъ московскихъ всякаго чину людей; а въ сферѣ наблюденiя другъ за другомъ правительство ставило ихъ (иногда) подъ дѣйствiе средства болѣе сильнаго—круговой поруки за взаимную благонадежность и вѣрную службу (Дополненiе къ актамъ историческимъ, V, 315: утвержденная грамота сержантовъ, урядниковъ и рядовыхъ солдатъ). И среди богатой и разнообразной практики «государевыхъ дѣлъ» намъ не приходилось встрѣчать указанiй на извѣтъ, сдѣланный иноземцемъ. Въ крестоцѣловальной записи, по которой присягала Малороссiя московскому государю, также не упоминается объ обязанности политическаго извѣта, хотя все «войско»—отъ гетмана до рядового казака—называло себя «подданными царскаго величества»; это можно объяснить тѣмъ, что Малороссiя присягала по своей исторически сложившейся формѣ крестнаго цѣлованiя, въ которой, вѣроятно, не упоминалось объ извѣтѣ; едва-ли, впрочемъ, можно допустить, чтобы обязанность эта не признавалась «войсковымъ правомъ».

Итакъ, только на «людяхъ московскаго государства» лежала обязанность извѣщать о лихѣ и измѣнѣ царскому величеству; на за то въ этихъ границахъ московскiй законодатель не допускалъ никакихъ исключенiй. Уложенiе въ самыхъ категорическихъ словахъ постановляетъ, что «*всякаго чину* люди» обязаны извѣщать о зломъ умыслѣ на царское величество. а кто не извѣститъ, того казнить смертью (II, 18); это общее постановленiе дополняется и разъясняется въ другихъ статьяхъ той же главы, изъ которыхъ видно, что предъ лицомъ этой обязанности разрушаются всѣ степени и всѣ виды зависимыхъ отношенiй: помѣщики и вотчинники обязаны «извѣщать и приводить» своихъ людей и крестьянъ (VI, 6); а люди и крестьяне обязаны извѣщать на своихъ господъ и помѣщиковъ; только для

исполненія этой обязанности имъ и открывается право челобитья на господъ (II, 13), по всѣмъ же остальнымъ дѣламъ законодатель запрещаетъ «такимъ извѣтчикамъ вѣрить». Родственныя, семейныя и супружескія связи также не избавляютъ отъ обязанности политическаго извѣта: «а жены будетъ и дѣти измѣнниковъ про тое ихъ измѣну вѣдали, и ихъ по тому же казнити смертью (II, 6); а будетъ кто измѣнитъ, а послѣ его въ московскомъ государствѣ останутся отецъ или мати, или братья, родные или не родные, или дядья или иной кто въ роду, а жилъ онъ съ ними вмѣстѣ и животы и вотчины у нихъ были вопчѣ,—и про такого измѣнника сыскивать всякими сыски накрѣпко, отецъ и мати и родъ его про ту его измѣну вѣдали ли; да будетъ сыщется допряма, что они про измѣну вѣдали, и ихъ казнити смертію и вотчины ихъ и помѣстья и животы взяти на государя» (II, 9). Изъ этихъ постановленій слѣдуетъ, что а) родственники—въ самой близкой и отдаленной степени—связаны были обязанностью взаимнаго извѣта; б) что отецъ и мать должны были извѣщать про измѣнные умыслы дѣтей своихъ; в) что дѣти, которыя, подобно холопамъ, лишены были по всѣмъ дѣламъ права челобитья противъ родителей, по государевымъ великимъ дѣламъ не только могли, но и обязаны были бить на нихъ челомъ. При этомъ возрастъ, съ котораго начинается эта обязанность дѣтей, не вызываетъ со стороны законодателя никакихъ опредѣленій; въ Литовскомъ статутѣ, гдѣ встрѣчаемъ аналогичную же статью, содержится прямое указаніе на «совершеннолѣтіе» дѣтей, какъ на условіе ихъ отвѣтственности за недонесеніе (Статутъ, I, 3, § 6). Можно предполагать, что московская практика руководилась въ этомъ вопросѣ не какими-либо возрастными нормами и даже не изслѣдованіемъ степени дѣтскаго разумѣнія, а представленіемъ о возможности пособничества: отвѣтственность за неисполненіе обязанности извѣта начиналась — можно думать—съ такого возраста, когда съ ихъ стороны мыслимо было сознательное и дѣятельное пособничество измѣннымъ умысламъ отца; во всякомъ случаѣ законодатель возлагаетъ обязанность извѣта какъ на дѣтей,

живущихъ въ «роздѣлѣ» съ отцомъ (II, 8), такъ и на дѣтей, еще не покинувшихъ отцовскій домъ. Изъ разсмотрѣнныхъ выше статей Уложенія также усматривается, что сыновья и дочери несли одинаковую обязанность извѣта на родителей («дѣти») въ противоположность Литовскому статуту, гдѣ обязанность эта лежала только на сыновьяхъ (Статутъ, тамъ же).

Эти суровыя постановленія московскаго кодекса вызвали не менѣе суровую оцѣнку со стороны изслѣдователей, останавливавшихъ свое вниманіе на второй главѣ Уложенія. Любопытно отмѣтить, что объектомъ этой оцѣнки является исключительно обязанность извѣта дѣтей противъ родителей, а обратная обязанность, косвенно вытекающая изъ ст. 8, 11,—обязанность *родителей* извѣщать на дѣтей ускользнула, по видимому, отъ вниманія русскихъ изслѣдователей. Къ московскому законодателю адресуются съ суровымъ упрекомъ, что «для истребленія и открытія измѣнниковъ онъ не останавливается ни передъ чѣмъ»; что узаконяя доносъ, какъ обязанность, не знающую исключеній онъ «не обращаетъ вниманія на узы семейства, брака» (Неклюдовъ, Примѣчанія къ переводу учебника Бернера, 212). Эти слова бросаютъ какъ-бы тѣнь исключительной суровости на нашъ отечественный кодексъ XVII вѣка. Для правильной оцѣнки такого взгляда нужно принять во вниманіе слѣдующее. а) Во-первыхъ, столь-же суровыми постановленіями пестрятъ и западно-европейскіе кодексы соотвѣтствующей эпохи: за недонесеніе по государственнымъ преступленіямъ *всѣмъ* угрожаетъ смертная казнь; отъ этой угрозы «во всей Европѣ не были изъяты дѣти противъ родителей и обратно, супруги и ближайшіе родственники» (Кистяковскій, О смертной казни, 164). Само Уложеніе Алексѣя Михайловича, давая суровыя постановленія насчетъ обязанности родственнаго извѣта, отнюдь не вводило какойлибо существенной новизны, а узаконяло порядки, намѣчавшіеся еще въ предшествующемъ вѣкѣ: обязанность извѣщать на родныхъ братьевъ (объ ихъ умыслѣ на отъѣздъ и ссылку съ государевымъ недругомъ) встрѣчается въ древнѣйшихъ записяхъ на служебную

вѣрность [1]), а царь Иванъ Васильевичъ Грозный возложилъ на своего двоюроднаго брата, на князя Владимира Андреевича обязанность «пересказывать» царю рѣчи матери князя княгини Евфросиніи, если она станетъ подучать сына своего на царя и царевича или станетъ сама на нихъ умышлять какое-нибудь зло [2]). б) Во-вторыхъ, узаконяя обязанность извѣта, правительство московское ставило себя въ необходимость производить каждый разъ «сыскъ» насчетъ того, «вѣдали» или «не вѣдали» родственники политическаго преступника про его умыселъ; тотъ, кому удавалось доказать свое невѣдѣніе, долженъ былъ, естественно, избавляться отъ суровой отвѣтственности; слѣдовательно, узаконеніе обязанности извѣта оказывается въ тѣсной связи съ ограниченіемъ произвольной расправы надъ родственниками политическаго осужденнаго, расправы, которая безудержно практиковалась въ долгіе годы царствованія Грознаго и противъ которой настойчиво протестовало русское общество въ ограничительныхъ записяхъ смутнаго времени; такимъ образомъ, какъ ни печально вторженіе суровой обязанности извѣта въ святая-святыхъ семьи, оно было все-таки шагомъ впередъ на пути къ закономѣрному политическому суду и къ установленію индивидуальной отвѣтственности: наказаніе, обрушивавшееся раньше за одну *принадлежность* къ роду измѣнника, теперь требовало установленія «вѣдѣнія». в) Отсюда слѣдуетъ, что взваливая на семейныхъ и родственниковъ обязанность политическаго

---

[1]) «А учнутъ мнѣ говорити братья моя князь Дмитрей и Семенъ о литовскомъ съѣздѣ или о вестехъ чтобъ въ Литву вестьми держати и ссылатися, или на государя моего великаго князя Васильево каково лихо учнутъ думати,—и мнѣ того никакъ не утаити, сказати то все своему государю великому князю въ правду безо всякія хитрости (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 424).

[2]) Въ 1554 году князь Владимиръ Андреевичъ долженъ былъ дать на себя такую запись: «Если мать моя княгиня Евфросинья станетъ подучать меня противъ сына твоего, царевича Ивана, или противъ его матери, то мнѣ матери своей не слушать, а пересказать ея рѣчи сыну твоему царевичу Ивану и его матери въ правду безъ хитрости; если, узнаю, что мать моя, не говоря мнѣ, сама станетъ умышлять какое нибудь зло надъ сыномъ твоимъ царевичемъ Иваномъ, надъ его матерью, надъ его боярами и дьяками, то мнѣ объявить объ этомъ сыну твоему безъ хитрости, не утаить мнѣ этого никакъ по крестному цѣлованію» (Соловьевъ, исторія, VI, 203).

извѣта, московскій законодатель не столько расчитывалъ отъ нихъ на услугу правительству, на дѣйствительное выполненіе обязанности извѣта, сколько стремился обезпечить за правительствомъ возможность законной расправы съ семьей и родомъ его политическаго врага; слѣдовательно, въ суровыхъ нормахъ второй главы содержалось, въ сущности, не столько подстрекательство родственниковъ къ извѣту, сколько напоминаніе имъ объ ихъ общей отвѣтственности; но, разумѣется, эти нормы не оставались все-таки безъ вліянія на укладъ московскихъ родственныхъ отношеній (особенно, въ семьѣ служилаго человѣка). г) Наконецъ, ставя родственниковъ политическаго преступника подъ угрозу смертной казни за недонесеніе, правительство на самомъ дѣлѣ карало ихъ за предполагаемое пособничество: если дѣти вѣдали про измѣнный умыселъ отца и не извѣстили, значитъ они ему сочувствовали и помогали, и обратно—родители, вѣдающіе о преступномъ умыслѣ дѣтей и имъ не воспрепятствовавшіе, вызывали противъ себя подозрѣнія въ согласіи, въ потворствѣ и пособничествѣ; такъ разсуждало московское правительство, и нужно признать, что выводы его подкрѣплялись для той эпохи весьма солидными основаніями: за справедливость ихъ говорили и остатки родовыхъ традицій и бо́льшая прочность семейныхъ связей и бо́льшая общность семейныхъ настроеній.

Въ практикѣ государевыхъ дѣлъ встрѣчаемъ извѣтъ близкихъ родныхъ — извѣтъ братьевъ, извѣтъ жены, даже извѣтъ матери противъ сына. (Архивъ, столбцы приказнаго стола № 60, 77, 88). Разумѣется, въ этихъ извѣтахъ нельзя отрицать вліянія обязанности, провозглашенной въ законѣ; но натыкаемся и на такіе случаи родственнаго извѣта, когда они являются не плодомъ сознанія обязанности, а результатомъ весьма разнообразныхъ житейскихъ соображеній: напримѣръ, пусторжевецъ Романъ Карамышевъ извѣщалъ воеводѣ, что сынъ его хочетъ государю измѣнить, съѣхать въ Литву, а потомъ онъ же подалъ челобитную, что онъ такое слово сказалъ, чтобы помѣшать браку сына своего на литовской дѣвкѣ полонянкѣ (Архивъ, столбецъ нов-

городскаго стола № 60, листъ 175). Если случаи подобные этому, были рѣдкимъ исключеніемъ, такъ какъ слишкомъ суровыя послѣдсвія могли подъ часъ возникнутъ даже изъ вздорныхъ и легкомысленныхъ извѣтовъ, то въ подавляющемъ большинствѣ родственный извѣтъ вызывался все-таки не сознаніемъ обязанности, а страхомъ общей отвѣтственности. Поэтому извѣтъ родныхъ принимаетъ иногда слѣдующую своеобразную форму: били царю челомъ братья родные и двоюродные Левашовы на брата своего Микифора, что «бражничаетъ онъ и зернью играетъ, а насъ, братьевъ, не слушаетъ; продалъ вотчину свою и деньги проигралъ и сверхъ того многой долгъ на себя наигралъ и, проигрався, будетъ пропадетъ куды безвѣстно, и намъ бы отъ государя въ опалѣ не быть»; по этимъ соображеніямъ челобитчики просили, чтобы государь Микифора «отъ зерни смирилъ»; но государь пошелъ дальше ихъ челобитья и велѣлъ Микифора Левашева сыскать и поставить въ разрядѣ и дать его на поруку въ измѣнѣ и во всякомъ воровствѣ» (Русская историческая библіотека, X, 204). Такимъ образомъ извѣтъ братьевъ пріурочивался не къ преступленію и даже не къ умыслу на преступленіе, а только къ отдаленной возможности преступнаго умысла, и результатомъ такого извѣта является не сыскъ, а предупредительная мѣра...

Итакъ, обязанность политическаго извѣта захватывала *всѣхъ* подданныхъ царскаго величества. Ни различіе общественныхъ положеній ни разнаго рода зависимыя отношенія, ни даже семейныя и брачныя узы не избавляли отъ обязанности извѣта.

Кругъ преступленій, охватываемыхъ обязанностью извѣта, не одинаковъ въ уложеніи и въ крестоцѣловальныхъ записяхъ XVII вѣка. И въ послѣднихъ онъ имѣетъ различные варіанты: а) въ записи на вѣрность Шуйскому упоминается вообще о «лихѣ на государя», а въ записи Владиславу говорится только объ измѣнѣ (Памятники исторіи смутнаго времени, 19; Акты Западной Россіи, IV, 318); б) послѣ 1613 г. въ крестоцѣловальныхъ записяхъ встрѣчаемъ указаніе на «скопъ и заговоръ» (Собраніе государственныхъ грамотъ и

договоровъ, III, 440, 421, 15); въ этомъ сказался, очевидно, опытъ смутнаго времени, когда всѣ части московскаго государства сдѣлались ареной большихъ и малыхъ «скоповъ и заговоровъ»; в) наконецъ, въ записяхъ сибирскихъ инородцевъ и въ шертныхъ записяхъ мусульманъ обязанность извѣта распространяется и на «шатосъ» (Памятники сибирской исторіи, I, 24). По свойству объектовъ, противъ которыхъ направлены преступные умыслы, предупреждаемые обязанностью извѣта, записи также неодинаковы: въ однихъ обязанность извѣта распространяется только на умыселъ противъ государя, въ другихъ—и на умыселъ противъ «матери его государевой» и даже противъ «дѣтей, которыхъ ему государю Богъ дастъ»; а въ записи, на которой присягнули новгородцы шведскому королю, содержится обязательство «извѣщать о всякомъ лихѣ на государя короля и на его государевыхъ бояръ и воеводъ» (Дополненія къ актамъ историческимъ, II, 76).

Уложеніе остановилось на варіантѣ, содержащемся въ подкрестной записи 1645 года на вѣрность Алексѣю Михайловичу, но преобразовало его въ согласіи съ той системой государственныхъ преступленій, которую оно построило во второй главѣ. Такъ какъ послѣдняя не упоминаетъ о преступленіяхъ противъ членовъ государевой семьи, то и обязанность извѣта Уложеніе пріурочиваетъ только къ «злымъ умысламъ на царское величество». Въ этомъ отношеніи законодатель остается настолько послѣдовательнымъ, что исключаетъ изъ круга преступленій, охватываемыхъ обязанностью извѣта, предусматриваемый имъ скопъ и заговоръ на государевыхъ думныхъ и приказныхъ людей, ограничивая эту обязанность лишь «скопомъ и заговоромъ, направленнымъ противъ «царскаго величества»: «кто свѣдаетъ на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыселъ, и имъ про то извѣщати» (II, 18). Подъ «инымъ умысломъ» остается разумѣть два другихъ тяжкихъ преступленія, предусмотрѣнныхъ во второй же главѣ: 1) измѣну и 2) посягательство на государево здоровье. Можно-ли понимать подъ этими словами и указаніе на преступленіе «непригожихъ

словъ»? Я думаю, что нѣтъ; статья, устанавливающая обязанность извѣта, можетъ относиться лишь къ преступнымъ дѣяніямъ, исчисленнымъ въ предшествующихъ статьяхъ той же главы, а среди нихъ, какъ мы знаемъ, не предусмотрѣно преступленіе непригожихъ словъ; устанавливая обязаность извѣта, Уложеніе пріурочиваетъ ее къ умыслу, а эта стадія совершенно неуловима въ преступленіи непригожихъ словъ, и слѣдовательно, не можетъ служить предметомъ «извѣта; наконецъ, за неисполненіе обязанности извѣта вторая глава угрожаетъ смертной казнью, а «непристойныя слова»—сами по себѣ—наказываются не суровѣе, чѣмъ ссылкой и урѣзаніемъ языка. Такимъ образомъ, въ намѣренія законодателя, насколько они отразились во второй главѣ Уложенія, не должно было входить распространеніе обязанности политическаго извѣта на преступленіе, выражающееся въ «непристойныхъ словахъ»—за вычетомъ, впрочемъ, той ихъ группы, которую практика московская склонна была разсматривать, какъ нереализированный умыселъ къ болѣе тяжкому политическому преступленію—измѣнѣ, бунту и посягательству на государево здоровье; на этотъ видъ «непристойныхъ» или «неподобныхъ словъ» обязанность извѣта, по точному смыслу ст. 18, II Уложенія, должна была распространяться. Вотъ два относящихся сюда примѣра изъ практики политическихъ процессовъ: въ 1689 г. единомышленниковъ Шакловитаго великіе государи указали и бояре приговорили бить кнутомъ и сослать въ ссылку за то, что они, слыша воровскія непристойныя слова и къ смутѣ затѣйныя, государя про то не извѣстили (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. IV, 613); въ 1648 г. стольникъ князь Юсуповъ былъ присужденъ къ конфискаціи помѣстій, вотчинъ и животовъ и къ ссылкѣ въ дальніе сибирскіе городы за то, что услышавъ отъ своего человѣка непристойное слово, будто царь Алексѣй Михайловичъ—не прямой государь, таилъ то четыре мѣсяца, невѣдомо для какой причины (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1890, III, 192). Въ обоихъ случаяхъ недоносители, какъ видимъ, не были наказаны смертной казнью:

единомышленникамъ Шакловитаго приговоръ былъ смягченъ «милостью великихъ государей», а дѣло князя Юсупова разбиралось тогда, когда надъ недоносителями не висѣла еще суровая угроза Уложенія; къ тому же князь Юсуповъ въ концѣ концовъ выполнилъ свою обязанность извѣта (съ опозданіемъ на четыре мѣсяца), правда, въ формѣ не совсѣмъ обычной: онъ явился въ приказъ къ боярину князю Черкасскому и объявилъ, что «человѣкъ его Любимко хочетъ на него извѣщать государево дѣло, а онъ за собой никакого государева дѣла не знаетъ, и потому государь бы велѣлъ про то сыскать». Но можно вообще предположить, что практика смягчала суровую угрозу Уложенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ неизвѣщеніи было съ очевидностью доказано отсутствіе элементовъ пособничества. Устрашить всякаго чину людей страхомъ смертной казни (иногда даже «непрощаемой»), а на практикѣ систематически замѣнять эту казнь менѣе суровыми и не столь рѣшительными карами—было почти правительственнымъ обычаемъ въ московскомъ государствѣ

Таковъ кругъ преступныхъ дѣяній или вѣрнѣе преступныхъ умысловъ, на которыя распространяется обязанность извѣта подъ страхомъ смертной казни. Говоря о «преступныхъ умыслахъ», мы тѣмъ самымъ отмѣтаемъ отъ нашего изслѣдованія ту разновидность московскаго политическаго извѣта, которая характеризуется перенесеніемъ обязанности извѣщать съ преступныхъ умысловъ, предусматриваемыхъ въ кодексѣ, какъ наказуемыя противогосударственныя посягательства, — на враждебные московскому государству *замыслы внѣшнихъ враговъ*, государевыхъ недруговъ. Такъ гетманъ запорожскій по крестной записи принималъ на себя обязанность извѣщать царскому величеству насчетъ «собранья и умысла противъ Москвы со стороны сосѣднихъ государствъ (Полное собраніе законовъ, I, 508); на сибирскихъ инородцевъ возлагалась иногда обязанность «извѣщать воеводамъ» о походѣ воинскихъ людей на государевы города. Но такой извѣтъ, хотя и выступаетъ подъ флагомъ обязанности, лишенъ, однако же всякаго судебно-процессуальнаго значенія—это есть политиче-

ское средство для предупрежденія внѣшней опасности.— Съ другой стороны, московская практика политическихъ дѣлъ пестритъ извѣтами по самымъ разнообразнымъ государевымъ дѣламъ, до подписки государева именованья включительно; стало-быть, на практикѣ извѣтъ выводитъ за предѣлы, очерченные выше; но это уже есть осуществленіе права извѣта или злоупотребленіе правомъ, а не выполненіе обязанности [1]). Извѣтъ, какъ обязанность, подкрѣпленная, къ тому же, страхомъ суроваго наказанія, замыкается кругомъ трехъ «великихъ государевыхъ дѣлъ»: измѣной, скопомъ и заговоромъ и умысломъ на государево здоровье [2]).

Существовала ли *обязанность извѣта въ сферѣ преступленій не-политическихъ?* Въ подкрестныхъ записяхъ о ней не упоминается, въ Уложеніи также; единственная статья, устанавливающая обязанность извѣта, помѣщена во второй главѣ Уложенія и формулирована такъ, что распространеніе ея на умыслы не-политическіе представляется рѣшительно невозможнымъ. Даже главы, посвященныя такимъ посягательствамъ, которыя по составу своему близко подходятъ къ характеру политическихъ, — не только не узаконяютъ обязанности извѣта, но совершенно игнорируетъ его, какъ способъ возбужденія дѣла: ни въ главѣ «о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ», ни въ главѣ «о чести государева двора» и о подлогѣ государевыхъ грамотъ и печатей не содержится даже упоминанія объ извѣтѣ. Законодатель, очевидно, считаетъ извѣтъ по этимъ преступнымъ дѣяніямъ явленіемъ настолько случайнымъ

---

[1]) Изъ установленной въ Уложеніи обязанности извѣта практика сдѣлала одинъ важный и логически неоспоримый выводъ: такъ какъ неисполненіе обязанности извѣта, въ виду суровой угрозы законодателя, само по себѣ должно было разсматриваться, какъ тяжкое политическое преступленіе, то практика усвоила особую форму извѣта—извѣта въ недоносительствѣ, извѣтъ въ томъ, что такой то знаетъ противъ третьяго лица государево дѣло или слово, а самъ на него не извѣщаетъ. Эта форма извѣта намѣчена и въ Уложеніи: «кто свѣдаетъ на царское величество злой умыселъ, а про то не извѣститъ, а государю вѣдомо будетъ, что онъ зналъ, а не извѣстилъ»..., т. е., вѣдомо будетъ отъ другого отвѣтчика. Но эта форма извѣта не имѣетъ самостоятельнаго значенія и не характеризуется существенными юридическими особенностями.

[2]) Въ указѣ 1730 года «великимъ государевымъ дѣломъ» называется «умыселъ противъ персоны нашей, измѣна, возмущеніе и бунтъ» (Полное собраніе законовъ, № 5528).

и непостояннымъ, что не рискуетъ ставить его въ основу уголовнаго преслѣдованія. Въ наиболѣе подробной и содержательной главѣ Уложенія, посвященной къ тому же самымъ тяжкимъ уголовнымъ преступленіямъ—разбою, татьбѣ и душегубствѣ (глава XXI),—мы также встрѣчаемся съ совершеннымъ игнорированіемъ извѣта; въ главѣ этой законодатель предусматриваетъ различные способы возбужденія уголовныхъ обвиненій: поличное, язычную молку, челобитье потерпѣвшаго, облихованіе на обыскѣ, захватъ на мѣстѣ преступленія,—но не предусматриваетъ извѣта [1]). Такое игнорированіе можно объяснить только тѣмъ, что въ законодательствѣ той эпохи не была установлена обязанность извѣта по общимъ уголовнымъ преступленіямъ, ибо тамъ, гдѣ извѣтъ узаконенъ, какъ обязанность, законодатель предвидитъ въ немъ самаго частаго и зауряднаго возбудителя обвиненій и всюду это подчеркиваетъ (напр., во второй главѣ). Косвенныя указанія, которыя можно выловить изъ Уложенія, также не мирятся съ узаконенной обязанностью извѣта. Если въ чьемъ дому поличное вынули, а жена и дѣти про то поличное вѣдали, на нихъ—говоритъ Уложеніе—«имать выть по указу» (XXI, 88), но наказанію никакому они не подвергаются; значитъ, на членахъ семьи уголовнаго преступника безусловно не лежала обязанность извѣта. Въ этой же главѣ законодатель предусматриваетъ укрывательство воровъ, которые, ходя по улицамъ, людей рѣжутъ и грабятъ, укрывательство завѣдомыхъ разбойниковъ «съ рѣзанными ушами» и укрывательство подозрѣваемыхъ въ разбоѣ «тутошними людьми» въ мѣстѣ ихъ постояннаго жительства (XXI, 15, 19, 20, 62),—и всѣ эти правонарушенія облагаются денежной пеней отъ полтины до десяти рублей. При такой мѣрѣ взысканій, для простого неизвѣщенія, свободнаго отъ этихъ отягчающихъ элементовъ, не остается, въ

---

[1]) Только въ одномъ случаѣ упоминаетъ XXI глава объ извѣтѣ, какъ поводѣ для начала розыскного процесса: «которые дворяне и приказные люди и дѣти боярскіе приведутъ людей своихъ или крестьянъ или дворниковъ своихъ и скажутъ на нихъ разбой или татьбу или подводъ имянно, а языки на нихъ въ томъ не говорятъ,—и тѣхъ людей по приводу распрашивати и безъ обыску пытати и указъ чинити до чего доведется» (XXI, 48).

сущности, такой кары, которая могла бы служить сколько-нибудь серьезной санкціей обязанности извѣта.— Въ главѣ X предусматривается такой случай, когда кѣмъ-либо взятъ посулъ на судью и по судьину велѣнью (X, 7), и по тому посулу судья неправедно вершилъ дѣло; за такое преступленіе судья наказывается отнятіемъ чести и торговой казнью, а о наказаніи взявшаго посулъ статья не упоминаетъ, хотя онъ виновенъ не только въ неизвѣщеніи о замышляемомъ преступленіи, но и въ прямомъ и дѣятельномъ пособничествѣ.

Такимъ образомъ, извѣтъ, какъ обязанность, подкрѣпляемая самой суровой санкціей, составлялъ въ эпоху Уложенія исключительную черту посягательствъ противогосударственныхъ. Наше представленіе объ извѣтѣ, какъ публично-правовой обязанности, оставалось бы неполнымъ, если бы мы не попытались разъяснить, какія основанія заставили московскаго законодателя ограничить эту обязанность такими опредѣленными предѣлами и по какимъ соображеніямъ онъ мирился съ отсутствіемъ ея въ кругу преступленій не-политическихъ. Ближайшій отвѣтъ на это заключается въ указаніи историческаго пути, по которому обязанность эта дошла до московскаго законодателя половины XVII вѣка: обязанность «извѣщать» содержалась, какъ мы знаемъ, въ подкрестныхъ записяхъ, предшествовавшихъ Уложенію, и оттуда перешла въ Уложеніе, если не путемъ прямого позаимствованія, то въ видѣ вліяній, испытанныхъ кодификаторомъ; а въ подкрестныхъ записяхъ ея границы очерчивались кругомъ преступныхъ умысловъ на государя, и въ этихъ же границахъ восприняло ее и Уложеніе. Но помимо этого историческаго объясненія, можно указать еще глубокія практическія основанія, по которымъ кодификаторы Уложенія сочли возможнымъ замкнуть обязанность извѣта кругомъ преступленій политическихъ, а не разспространили ее на остальныя. Вчитываясь въ постановленія второй главы Уложенія, мы замѣчаемъ, что законодатель предусматриваетъ въ нихъ собственно не преступныя дѣянія, уже законченныя, а преступные

«умыслы» и подготовительныя дѣйствія, и въ этихъ случаяхъ онъ непремѣнно упоминаетъ объ «извѣтѣ» (II, 1, 2); если же онъ предусматриваетъ посягательство въ фазисѣ его успѣшнаго осуществленія, то «извѣтъ» въ статьѣ не фигурируетъ (II, 3, 4); слѣдовательно, извѣтъ въ представленіи московскаго законодателя есть главнымъ образомъ предупредительное средство къ заблаговременному раскрытію противогосударственныхъ посягательствъ. Поэтому, когда Уложеніе описываетъ преступныя дѣянія, въ которыхъ приготовительныя дѣйствія почти отсутствуютъ, а обнаруженіе умысла совпадаетъ съ его реализаціей,—извѣтъ утрачиваетъ въ глазахъ московскаго законодателя львиную долю своего значенія, и упраздняется необходимость возводить его на степень сурово-охраняемой обязанности. Таковы, напр., преступленія, предусмотрѣнныя въ главѣ I Уложенія: возложеніе хулы на Господа Бога, на честный крестъ, и на святыхъ угодниковъ (I, 1); непристойныя рѣчи священнослужителямъ во время литургіи (I, 3); челобитье царю и патріарху въ церкви во время церковнаго цѣнія (I, 8–9).

Но это объясненіе не затрогиваетъ всей остальной массы преступленій не-политическихъ, и остается непонятнымъ, посему для измѣны, напримѣръ, и для скопа и заговора обязанность извѣта казалась законодателю настолько неотвратимой, настолько насущной, что онъ узаконилъ ее подъ страхомъ смертной казни, а для преступленій не менѣе тяжкихъ, какъ разбой, поджогъ, татьба и душегубство, онъ обошелся безъ такихъ сильныхъ средствъ. Разгадка этого кроется, прежде всего, въ слабости полицейско-розыскной организаціи тогдашняго государства, въ недостаточности органовъ, въ несовершенствѣ пріемовъ, въ трудностяхъ полицейскаго надзора. А слабостью этой обусловливается то, что въ дѣлѣ предупрежденія преступленій, въ дѣлѣ розысканія и преслѣдованія преступниковъ государственная власть той эпохи не могла обходиться безъ содѣйствія частныхъ лицъ. Въ сферѣ преступленій общеуголовныхъ такое содѣйствіе, даже при отсутствіи прямыхъ требованій закона, повелительно диктовалось

московскому обывателю живымъ пониманіемъ своихъ собственныхъ интересовъ: прежде всего непосредственно потерпѣвшій былъ естественнымъ пособникомъ власти, добровольнымъ, но бдительнымъ и постояннымъ извѣтчикомъ,—а за нимъ и тотъ общественный мірокъ, безопасности и спокойствію котораго угрожали преступные умыслы и преступная дѣятельность «лихихъ людей» [1]). Между тѣмъ, въ кругу преступныхъ умысловъ, направленныхъ противъ государства и власти, не было на лицо ни посредственно потерпѣвшихъ ни близко-заинтересованныхъ; отвлеченная идея государства не могла, разумѣется, служить надежнымъ и постояннымъ возбудителемъ извѣта и содѣйствія: только въ минуты роковыхъ государственныхъ бѣдствій она захватываетъ душу народа и превращаетъ отвлеченный образъ государства въ прямой и насущный интересъ, который нужно защищать всѣми силами и средствами. Въ эпохи спокойнаго теченія политической жизни государственный интересъ заслоняется отъ обывателя тысячью житейскихъ нуждъ, безконечнымъ разнообразіемъ мелкихъ и крупныхъ интересовъ, изъ которыхъ соткана жизнь. Поэтому въ сферѣ преступленій политическихъ, угрожающихъ только государственному, а не личному интересу, нельзя основать «извѣтъ», какъ восполняющее слабость власти средство къ предупрежденію и раскрытію преступныхъ умысловъ, на добровольныхъ услугахъ населенія. Предъ московскимъ законодателемъ оставалось, стало быть, два пути: обезпечить за собой насущную для власти помощь «извѣта» соблазномъ «государева жалованья» или взвалить ее на плечи московскаго обывателя, какъ суровую и непреложную обязанность. Подъ прямымъ воздѣйствіемъ крестоцѣловальныхъ записей Уложеніе избрало послѣдній путь.

---

[1]) Въ гл. III (о чести государева двора) Уложеніе описываетъ преступленія противъ частныхъ лицъ, квалифицируя ихъ по мѣсту ихъ совершенія; здѣсь на лицо потерпѣвшій, и объ извѣтѣ здѣсь не упоминается; такія же посягательства содержатся отчасти и въ I главѣ (ст. 4—7).

II.

Извѣтная челобитная и ея особенности.

Извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ, заявленный органамъ власти, облекался въ форму извѣтной челобитной; извѣтъ, сдѣланный устно, тотчасъ же записывался и, слѣдовательно, также принималъ форму извѣтнаго челобитья. Это правило неупустительно соблюдалось московской практикой по двумъ соображеніямъ: 1) извѣтная челобитная вычитывалась обвиняемому по пунктамъ, «противъ извѣтной челобитной» онъ допрашивался; стало-быть, содержаніемъ ея опредѣлялся его отвѣтъ и возраженія (примѣры въ Актахъ московскаго государства, I, 178, II, 275); 2) при опредѣленныхъ условіяхъ извѣтъ могъ превратиться изъ выполненія обязанности въ сурово наказуемое дѣяніе—напримѣръ, когда онъ оказался ложнымъ; въ такихъ случаяхъ извѣтная челобитная пріобрѣтала значеніе самаго полнаго и неоспоримаго доказательства виновности извѣтчика.

I. По содержанію своему извѣтная челобитная въ государевомъ дѣлѣ характеризовалась слѣдующими чертами. Въ ней должно было заключаться точное указаніе на *личность извѣтчика*. Къ чести Уложенія нужно отмѣтить, что оно совершенно не предусматриваетъ извѣта анонимнаго; да и весь строй политическаго процесса, какъ онъ намѣченъ во второй главѣ, никакъ ни мирится съ анонимностью извѣтчика: извѣтъ есть выполненіе публично-правовой обязанности; извѣтчикъ долженъ быть поставленъ на очную ставку съ жертвой извѣта; да и до очной ставки имя и личность извѣтчика не держится въ тайнѣ отъ обвиняемаго [1]) (Акты московскаго государства, II, 167). Тѣмъ не менѣе въ московскую практику государевыхъ дѣлъ проникла все-таки и анонимная форма извѣта въ видѣ такъ называемыхъ

[1]) Въ нѣкоторыхъ воеводскихъ наказахъ встрѣчаемъ такое наставленіе: «по явнымъ подлиннымъ извѣтамъ, кто на кого извѣститъ измѣну и шатость, посылать дворянъ знающихъ и безкорыстныхъ и велѣть тѣхъ людей приводить, и ихъ про шатость и измѣну распрашивать и сыскивать» (Полное собрніе законовъ, III, 286); стало-быть, извѣтъ не-явный, т. е. анонимный, не имѣлъ силы возбуждать розыскное производство.

«подметныхъ писемъ». Пріютомъ ихъ служили чаще всего различныя помѣщенія дворца; тотъ, кто нашелъ такое письмо, обязанъ былъ передать его органамъ власти: скрытіе подметнаго письма разсматривалось, какъ недоносительство въ государственномъ преступленіи (Гурляндъ. Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ, 93). Такимъ путемъ анонимный извѣтъ становился законнымъ поводомъ къ возбужденію дѣла; а въ государевыхъ грамотахъ по такимъ дѣламъ вмѣсто обычной ссылки на извѣтъ употреблялось неопредѣленное указаніе: «вѣдомо намъ, великому государю, учинилось». Иногда подметному письму усваивалось даже значеніе вещественнаго доказательства противъ обвиняемаго; такъ въ приговорѣ князю Хованскому отъ 1682 года говорилось: «да сентября во второмъ числѣ, на дворцѣ у переднихъ воротъ письмо явися, и твои воровскія дѣла и измѣна твоя съ тѣмъ письмомъ сходны и злохитрый твой вымыселъ на державу государеву обличился, и противъ того письма въ тѣхъ дѣлахъ ты означился и во всѣмъ измѣна твоя стала явна» (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 459). Но вообще московское правительство относилось къ подметному письму неодобрительно. Вслѣдъ за нахожденіемъ письма начинался сыскъ, цѣлью котораго было обнаружить его автора. Желаніе извѣтчика остаться неизвѣстнымъ всегда вызывало подозрѣнія, не затѣялъ ли онъ такое дѣло «напрасно», для учиненія «смуты». Между тѣмъ у извѣтчиковъ московской эпохи были очень серьезныя соображенія въ пользу того, чтобы оставаться неизвѣстными; положеніе извѣтчика въ государевомъ дѣлѣ было тяжелое и даже опасное: на протяженіи судебнаго разбирательства ему грозило и личное задержаніе и пытка и очная ставка, а въ результатѣ, можетъ быть, и суровое наказаніе. Въ одномъ подметномъ письмѣ царствованія Алексѣя Михайловича неизвѣстный авторъ такъ и объясняетъ царю, что «извѣщать тебѣ твоихъ великаго государя дѣлъ не мочно, потому что многіе за такіе истинные извѣты и нынѣ напрасно стражютъ» (Записки отдѣленія русской и славянской археологіи,

Императорскаго археологическаго общества, 1861, II, 183).

Въ просительномъ пунктѣ извѣтной челобитной обнаруживается ея особенная природа сравнительно съ челобитными иного содержанія. Авторы извѣтнаго челобитья, сообщая о какомъ лихѣ на царское величество, просятъ только о томъ, чтобы велѣлъ государь то ихъ челобитье принять и по извѣту розыскать; иногда сюда присоединяется просьба—«вели, государь, доложить о томъ себя, государя» (Акты московскаго государства, III, 527). Между тѣмъ въ челобитныхъ по другимъ судебнымъ дѣламъ челобитчики добиваются всегда возстановленія своего права, присужденія убытковъ, платежа безчестья, наказанія виноватыхъ; однимъ словомъ, просятъ «учинить имъ управу» или «дать имъ судъ»; а въ челобитныхъ не-судебныхъ просительный пунктъ разнообразится до безконечности, смотря по предмету самаго челобитья и по цѣли, которую преслѣдуетъ челобитчикъ.

Наконецъ, характерную черту извѣтной челобитной по ея содержанію составляетъ допускаемое *отсутствіе въ ней всякихъ ссылокъ на доказательства.* Это объясняется двумя соображеніями: а) вслѣдъ за принятіемъ извѣстной челобитной московская практика непремѣнно требуетъ «распроса» извѣтчика, а въ распросѣ извѣтчикъ могъ привести и доказательства; б) но и извѣтъ, совершенно не сопровождаемый доказательствами, вызывалъ все-таки нѣкоторую упрощенную судебную процедуру, на основаніи ст. 12, II Уложенія, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ «указъ по разсмотрѣнію». Что Уложеніе допускаетъ и считается съ извѣтомъ въ полной мѣрѣ бездоказательнымъ, это отчетливо проглядываетъ въ послѣдней статьѣ главы шестой; помѣщики и вотчинники, едва только «*почаютъ*» въ своихъ людяхъ и крестьянахъ какое дурно или измѣну, обязаны на нихъ «извѣщать воеводамъ». Узаконяя извѣтъ, какъ обязанность, подъ страхомъ суроваго наказанія, Уложеніе, разумѣется, не могло воспретить принятіе извѣтныхъ челобитенъ, даже совершенно бездоказательныхъ.

II. Въ порядкѣ своего принятія, движенія и подачи извѣстная челобитная также представляетъ существенныя особенности сравнительно съ челобитными по всѣмъ инымъ дѣламъ. Для послѣднихъ Уложеніе устанавливаетъ такой порядокъ: «а которымъ людемъ доведется о судныхъ своихъ и о иныхъ какихъ дѣлахъ бити челомъ государю, и тѣмъ людемъ о тѣхъ своихъ дѣлехъ челобитныя свои подавати въ приказѣхъ, кто въ которомъ приказѣ вѣдомъ; а будетъ кто учнетъ челобитныя подавати государю, въ приказѣ не бивъ челомъ, и такимъ челобитчикомъ за то чинити наказаніе» (X, 20). Однако, это постановленіе не должно быть относимо къ челобитнымъ, содержащимъ политическій извѣтъ, такъ какъ: а) статья говоритъ о челобитныхъ по «своимъ» дѣламъ, а извѣтъ политическій относится къ дѣламъ государевымъ; б) статья имѣетъ въ виду дѣла, подвѣдомственныя приказамъ, а дѣла политическія выходятъ изъ компетенціи приказовъ [1]). Такое толкованіе подтверждается и текстомъ ст. 18 въ главѣ второй Уложенія: кто свѣдаетъ о скопѣ и заговорѣ и объ иномъ зломъ умыслѣ на царское величество, тому «*извѣстити про то государю* или государевымъ думнымъ людямъ». Наконецъ, въ указѣ 1699 г. опредѣленно подчеркивается исключительность этой черты извѣтныхъ въ государевомъ дѣлѣ челобитенъ: «опричь великихъ государственныхъ дѣлъ ни съ какимъ челобитьемъ къ самому великому государю никто не ходили бы, чтобы въ томъ бездѣльной докуки не было» (Полное собраніе законовъ, III, 654). Въ практикѣ государевыхъ дѣлъ извѣтъ, принесенный непосредственно царю, какъ устный, такъ и письменный, былъ самымъ зауряднымъ явленіемъ; извѣтчики въ государевомъ дѣлѣ смотрѣли на такой порядокъ, какъ на свое неотъемлемое право, и иногда

---

[1]) Такимъ толкованіемъ ст. 20, X, удовлетворительно объясняется почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ челобитчики, подававшіе свои челобитныя непосредственно царю, не наказывались. Нѣтъ нужды прибѣгать къ объясненію, данному Гурляндомъ (Приказъ тайныхъ дѣлъ, 112), что запрещеніе, формулированное въ этой статьѣ, имѣло «весьма условный смыслъ: если дѣло не заслуживало вниманія, могли вспомнить о запрещеніи; если дѣло, наоборотъ, заинтересовывало царя, могли не дѣлать изъ этого запрещенія никакого вопроса».

настойчиво добивались его осуществленія. «Есть за мной государево дѣло, а какое дѣло, про то скажу на Москвѣ государю самому или кому онъ укажетъ» — такой отвѣтъ нерѣдко давали извѣтчики въ распросѣ передъ воеводой (Архивъ, столбцы новгородскаго стола № 12, 61, 96). Эта черта политическаго извѣта стоитъ въ теснѣйшей связи съ тѣмъ широкимъ и рѣшающимъ участіемъ, которое принимала верховная власть въ производствѣ политическихъ дѣлъ.

Кромѣ государя, къ принятію политическаго извѣта уполномачиваются, по ст. 18, II, слѣдующіе разряды лицъ: а) государевы бояре и ближніе люди и б) воеводы и приказные люди. Любопытно отмѣтить, что въ этомъ перечисленіи не указаны ни губные старосты ни другіе выборные органы земскаго самоуправленія. Такимъ же кругомъ лицъ ограничивается право принятія извѣта и въ подкрестныхъ записяхъ XVII вѣка. Только въ одной изъ нихъ, крестоцѣловальной записи бѣлозерцевъ отъ 1613 года, содержится указаніе на «земскихъ старостъ и лутчихъ людей», которымъ нужно извѣщать о всякомъ лихѣ на государя въ волостяхъ и селахъ (Дополненія къ актамъ историческимъ, II, 1). Въ этой черточкѣ оказался характеръ эпохи: охрана законной власти и государственнаго порядка, въ конецъ потрясеннаго смутой, переходила въ руки земскихъ силъ и оставалась за ними до тѣхъ поръ, пока окрѣпшая правительственная организація, на вершинѣ которой стояла новая династія, не вернула себѣ утраченной силы и прежней увѣренности. Этотъ процессъ благополучно завершился къ половинѣ XVII вѣка, и Уложеніе, безсознательно, можетъ-быть, учитывая его результаты, сочло нужнымъ вычеркнуть земскихъ людей изъ списка органовъ, уполномоченныхъ къ принятію извѣта въ государственномъ преступленіи. Такимъ образомъ, губные старосты въ эпоху Уложенія не имѣютъ права принимать политическій извѣтъ; такъ какъ они не уполномочены, къ тому же, ни къ какимъ сыскнымъ дѣйствіямъ по производству политическихъ дѣлъ, то человѣка, объявившаго за собой государево слово или дѣло, губной староста долженъ былъ тотъ же часъ направить къ

воеводѣ. Только въ одномъ случаѣ Уложеніе уполномачиваетъ губного старосту къ «распросу» извѣтчика: «а котораго татя или разбойника приведутъ въ которомъ городѣ въ губу и доведется того вора пытать, а тотъ воръ, избывая пытки, скажетъ за собой государево великое дѣло,—и ему не вѣрить и пытать его въ разбоѣ или въ татьбѣ вскорѣ; а что за собою скажетъ государево дѣло, и его про то распрашивати послѣ того, какъ будетъ пытанъ въ татьбѣ или разбоѣ» (XXI, 103). Но роль губного старосты ограничивалась во всякомъ случаѣ только передачей распросныхъ рѣчей воеводѣ. «Молвилъ тюремный сидѣлецъ губному старостѣ на другого тюремнаго сидѣльца, что тотъ про государя сказалъ неподобное слово: жалованьемъ-де государя лежу я теперь въ покрытѣ сытъ и пьянъ»; по извѣту губного старосты воевода началъ объ этомъ слѣдствіе (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 18, листъ 363). Вообще, воевода былъ главнымъ органомъ по принятію политическихъ извѣтовъ; на немъ же лежали обязанности по производству первоначальныхъ сыскныхъ дѣйствій въ государевыхъ дѣлахъ. Извѣты были въ большинствѣ случаевъ устные и приносились въ съѣзжей избѣ, воеводѣ или товарищу воеводы [1]). «Приходилъ ко мнѣ въ съѣзжую избу и извѣщалъ государево дѣло словесно» такъ начинаются обычно воеводскія отписки по государевымъ дѣламъ.

III. Такъ какъ извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ составлялъ общую политическую обязанность московскихъ «всякаго чину» людей, то право подавать извѣтныя челобитныя распространялось и на такіе разряды населенія, которые по всѣмъ остальнымъ дѣламъ, или, по крайней мѣрѣ, по всѣмъ дѣламъ уголовнымъ не могли выступать съ челобитьями а) Отъ *холоповъ и крестьянъ*, какъ мы знаемъ, Уложеніе разрѣшаетъ принимать извѣты съ политическими обвиненіями противъ ихъ помѣщиковъ и господъ и тутъ же оговариваетъ совер-

---

[1]) Встрѣчаемъ еще «приказную избу» и «съѣзжую палату». По словамъ Дмитріева (Сочиненія, I, 306), это названіе усваивалось съѣзжимъ избамъ въ главныхъ городахъ. Извѣтъ государю приносился иногда на «государевомъ станѣ».

шенную исключительность этого права: «а опричь тѣхъ великихъ дѣлъ ни въ какихъ дѣлехъ такимъ извѣтчикамъ не вѣрить» (II, 13). Единственное уклоненіе отъ этого суроваго правила допускается Уложеніемъ по поводу «беззаконія», т. е. внѣбрачнаго сожительства господина съ рабой: жонка или дѣвка, прижившая съ господиномъ дѣтей, можетъ бить на него челомъ, и челобитье ея принимается къ разбору духовнымъ судомъ (XX, 80). Нужно замѣтить, впрочемъ, что московскій законодатель, провозгласивъ запретъ «людямъ и крестьянамъ» бить челомъ на помѣщиковъ и господъ, не подкрѣпилъ этого запрета никакой карательной угрозой. б) *На дѣтяхъ*, какъ намъ извѣстно, также лежала обязанность политическаго извѣта въ случаѣ измѣнныхъ умысловъ ихъ отцовъ и матерей; обязанности этой соотвѣтствовало, разумѣется, право подавать извѣтныя челобитныя на родителей. Между тѣмъ, внѣ круга государственныхъ преступленій Уложеніе не только не узаконяетъ обязанности извѣта дѣтей (XXI, 88), но въ двухъ послѣдовательныхъ статьяхъ отнимаетъ у нихъ право челобитья на родителей и по уголовнымъ и по гражданскимъ дѣламъ: «будетъ который сынъ или дочь у отца или у матери животы пограбятъ насильствомъ или не почитаючи отца и матерь и избываючи ихъ, учнутъ на нихъ извѣщати какія злыя дѣла,—и такимъ дѣтемъ за такія ихъ дѣла чинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ нещадно и приказать имъ быти у отца и у матери во всякомъ послушаніи, а извѣту ихъ не вѣрить» (XXII, 5); «а будетъ который сынъ или дочь учнутъ бити челомъ о судѣ на отца или матерь, и имъ на отца и на матерь ни въ чемъ *суда не давать* да ихъ же за такое челобитье бить кнутомъ и отдати ихъ отцу и матери» (XXII, 6). Послѣдняя статья относится къ челобитьямъ объ управѣ, къ челобитнымъ по гражданскимъ дѣламъ, а первая опредѣленно формулируетъ запретъ челобитенъ извѣтныхъ; въ обоихъ случаяхъ, какъ это видно изъ текста статей, законодатель имѣетъ въ виду дѣтей совершеннолѣтнихъ [1]) (по московскимъ воззрѣніямъ).

---

[1]) На совершеннолѣтіе указываютъ такія выраженія: «животы пограбятъ насильствомъ, отца и матерь при старости кормить не учнутъ».

Такъ какъ челобитье дѣтей разсматривается законодателемъ, какъ признакъ непочтительности къ родителямъ, какъ ослушаніе родительской власти, то къ дѣтямъ-челобитчикамъ Уложеніе относится суровѣе, чѣмъ къ рабамъ: послѣдніе за подачу челобитной на господъ не наказываются, а первымъ угрожаетъ наказаніе кнутомъ. в) Наконецъ, отъ вѣдомыхъ лихихъ людей, разбойниковъ и татей, Уложеніе разрѣшаетъ принимать извѣтъ въ государевомъ дѣлѣ (XXI, 103), и извѣтъ всякихъ тюремныхъ сидѣльцевъ есть самая заурядная черта московскихъ политическихъ дѣлъ. А въ сферѣ преступленій общеуголовныхъ мы встрѣчаемся съ рѣшительной тенденціей законодателя ограничить эти разряды лицъ въ пользованіи правомъ извѣта: будетъ кого доведется казнить, а они, идучи на казнь, станутъ сговаривать съ тѣхъ, на кого раньше говорили (значитъ, будутъ извѣщать на другихъ),—и тому ихъ сговору не вѣрить (XXI, 93); а которые люди приведутъ въ губу татя или разбойника, а тѣ разбойники или тати учнутъ на тѣхъ людей и на ихъ дворовыхъ людей и крестьянъ, которые ихъ въ губу приведутъ, говорити разбой или татьбу или иное воровство,—и тому не вѣрить, для того, чтобы всякимъ людямъ безстрашно было воровъ имая въ губу приводить (XXI, 8); наконецъ, тюремные сидѣльцы, просидѣвшіе въ тюрьмѣ полгода и больше, совсѣмъ утрачиваютъ право выступать съ извѣстными челобитными по общимъ уголовнымъ преступленіямъ: «которые воры, тати и разбойники учнутъ сидѣти въ тюрьмѣ до полугода и учнутъ говорити, затѣвая воровствомъ, какую татиную и разбойную молку на иныхъ людей, а сперва въ распросѣ и съ пытокъ на нихъ не говорили,—и тѣмъ ихъ язычнымъ молкамъ не вѣрити, чтобъ въ томъ неповиннымъ людямъ тягости и убытка не чинилось» (XXI, 33). Между тѣмъ, въ практикѣ политическихъ дѣлъ именно такіе тюремные сидѣльцы, истомившись долгимъ заключеніемъ, выступали зачастую съ плохо обоснованными или прямо затѣйными извѣтами въ государевомъ дѣлѣ, и извѣты ихъ выслушивались, записывались и вели къ продолжительному и трудному сыску.

Только однажды за гесь XVII вѣкъ мы встрѣтили, какъ случайную мѣру, запретъ принимать даже политическіе извѣты отъ тюремныхъ сидѣльцевъ: ссыльныхъ, которые присланы въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь подъ началъ — говорится въ государевой грамотѣ 1663 г. — «если будутъ они сказывать за собой наши великаго государя дѣла, чтобы отъ начала свободиться, не слушать и въ дѣло того не ставить, потому что какъ велимъ ихъ для распросу взять къ Москвѣ, и они въ тѣхъ затѣйныхъ словахъ подаютъ намъ повинныя челобитныя» (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, IV, 1885).

III.

Извѣтчикъ въ сыскѣ.

Подачей извѣтной челобитной роль извѣтчика въ государевомъ дѣлѣ не кончается... Насчетъ дальнѣйшаго его участія въ производствѣ политическаго дѣла Уложеніе даетъ такія общія указанія: извѣтчика ставить съ обвиняемымъ на очную ставку, а если обвиняемаго во время извѣта не окажется въ лицахъ, его сыскать и все-таки поставить съ очей на очи; «сыскъ» и «распросъ» обвиняемаго производится «противъ извѣту» или противъ извѣтной челобитной; кто на кого учнетъ извѣщати государево великое дѣло, долженъ «поставить свидѣтелей» на тотъ свой извѣтъ и всячески «уличать»; извѣтчикъ «доводитъ» на обвиняемаго, а если не «доведетъ», ему быть въ казни или въ наказаньи (Уложеніе, II, 12, 16, 17; VI, 1, 6). Въ наказахъ воеводамъ конца XVII вѣка законодатель также подчеркиваетъ, что извѣтчикъ въ государевомъ дѣлѣ «доводитъ прямо» и «уличаетъ» (Полное собраніе законовъ, III, 535). Смыслъ этихъ общихъ указаній рязъясняется московской практикой, изъ которой шагъ за шагомъ вырисовывается дѣятельная и подчасъ прямо руководящая роль извѣтчика въ производствѣ государева дѣла.

Вслѣдъ за принятіемъ челобитной извѣтчикъ подвергается «распросу»; на этои стадіи онъ остается еще въ пассивномъ положеніи: воевода его «распрашиваетъ»

и распросныя рѣчи записываетъ для отсылки въ Москву. Но уже въ распросѣ, если это не сдѣлано еще раньше — въ извѣтной челобитной, извѣтчикъ указываетъ свидѣтелей, шлется на нихъ поименно и проситъ ихъ «распросить» (Акты московскаго государства, II, 274). На очной ставкѣ съ обвиняемымъ извѣтчикъ «уличаетъ» его, т. е. повторяетъ свой извѣтъ въ конкретныхъ и точныхъ указаніяхъ, а на отвѣтъ обвиняемаго представляетъ свои возраженія. Впрочемъ, требованіе очной ставки, изложенное въ Уложеніи лишь относительно обвиняемаго, перерабатывается практикой въ очную ставку извѣтчика съ каждымъ изъ свидѣтелей, вызванныхъ имъ, но отрицающихъ его извѣтъ (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887, II; 1890, III, 150 и 159). Извѣтчикъ указываетъ вещественныя доказательства и даже самъ ихъ представляетъ органамъ розыскной власти: на подъячаго Перфильева былъ извѣтъ воеводѣ въ припискѣ государева именованія, и «*положилъ извѣтчикъ предъ воеводою* тѣ письма, гдѣ прописка» (Акты московскаго государства, III, 331). Извѣтчикъ возбуждаетъ ходатайство о повальномъ обыскѣ и самъ указываетъ способы его производства: «сыскать про то сторонними людьми» — проситъ одинъ извѣтчикъ, а другой добивается, чтобы по извѣту его сыскали «короткимъ сыскомъ» (тамъ же, II, 274; III, 527). «Для полнаго обличенія» обвиняемаго одинъ извѣтчикъ, опасавшійся дурного для себя исхода процесса, устанавливаетъ условія, при которыхъ можно захватить обвиняемаго на мѣстѣ преступленія, и самъ принимаетъ участіе въ этой процедурѣ (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 199, листъ 58). Отъ извѣтчика же иногда исходитъ ходатайство о пыткѣ въ политическомъ розыскѣ: либо онъ бьетъ челомъ, чтобы обвиняемаго и свидѣтелей, опровергающихъ его извѣтъ, поднять на пытку, либо же самъ «дается на пытку», заявляетъ желаніе «раздѣлаться кровью въ своемъ извѣтѣ», съ обвиняемымъ «смѣняться кожей на кожу» (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1890, III, 148).

Пытка извѣтчика была вообще не рѣдкостью въ московскомъ политическомъ процессѣ. Добивались ея,

кажется, всѣ участники политическаго дѣла: свидѣтели, не поддерживавшіе его извѣта, хотѣли съ нимъ «разсдѣлаться кровью»; обвиняемый, упорно стоявшій на воей невиновности, «слался на его спину» и хотѣлъ «его кожей правъ быть»; наконецъ, при опредѣленныхъ условіяхъ органы розыскной власти по собственной иниціативѣ ставили извѣтчика на пытку. Олеарій даже считаетъ пытку извѣтчика постоянной и необходимой чертой розыскного процесса: по его словамъ, «чтобы искоренить ложные доносы, правительство приказало, чтобы челобитчики въ уголовныхъ дѣлахъ для подтвержденія истины своихъ доносовъ подвергались пыткѣ; если доносчикъ выносилъ пытку, оставаясь при своихъ показаніяхъ, то обвиненный въ такомъ случаѣ, а также, когда дѣло было ясно, подвергался наказанію безъ слѣдствія и процесса» (Архивъ Калачова, 1859, III, 31). Тутъ же Олеарій приводитъ и случай, подтверждающій общность такого порядка: «Конюхъ Его Величества былъ обвиненъ своей женой въ намѣреніи отравить лошадей великаго князя, а при удобномъ случаѣ и его самого; жена была предана пыткѣ, и, когда выдержала всѣ мученія, оставаясь неизмѣнной въ своемъ показаніи, то мужъ ея былъ сосланъ въ Сибирь» (тамъ же). Но случай этотъ, если онъ правильно переданъ иностранцемъ-наблюдателемъ, можно объяснить тѣмъ, что извѣтчица сама «далась на пытку», т. е. пыткой захотѣла подтвердить истину своего, повидимому, бездоказательнаго извѣта. Уложеніе ничего не говоритъ о пыткѣ извѣтчика, такъ какъ оно вообще не упоминаетъ о пыткѣ въ политическомъ судѣ. Но примѣрами изъ московской практики въ эпоху Уложенія можно опровергнуть утвержденіе Олеарія, что пытка извѣтчика была первымъ же и необходимымъ розыскнымъ дѣйствіемъ въ политическомъ судѣ. Она, правда, была не исключеніемъ, она была чертой заурядной въ практикѣ государевыхъ дѣлъ; про нее именно писалъ авторъ подметнаго письма, цитированнаго выше,—что «въ розыскахъ неповинная кровь многая проливается, и великихъ государевыхъ дѣлъ извѣщать тебѣ, государю, потому не мочно» (Записки отдѣленія русской и сла-

вянской археологіи императорскаго археологическаго общества, 1861, II, 683); она была серьезной угрозой для политическаго извѣтчика и внушала ему осторожность и опасливость въ исполненіи обязанности извѣта; «есть за мной великое государево дѣло»—говорилъ воеводѣ одинъ извѣтчикъ—«а сказать не смѣю, такъ какъ свидѣтелей нѣтъ, а меня за то пытать будутъ; и воевода его обнадеживалъ, чтобъ онъ сказалъ, не бояся» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 199, листы 58—64). Тѣмъ не менѣе, пытка извѣтчика не была постоянной и необходимой чертой политическаго процесса: много государевыхъ дѣлъ протекало безъ этого сильнаго средства; да и не въ интересахъ правительства было расточать его слишкомъ щедро, такъ какъ этимъ подрывалось бы значеніе извѣта, какъ обязанности. Насколько можно уловить изъ отрывочныхъ слѣдовъ московской практики государевыхъ дѣлъ, пытка извѣтчика допускалась и примѣнялась въ слѣдующихъ процессуальныхъ положеніяхъ: 1) если извѣтчикъ, объявивъ за собой государево дѣло или слово «имянно», т. е. съ точнымъ указаніемъ на лицо и фактъ, въ распросѣ передъ воеводой не поддерживалъ своего извѣта, ссылаясь ли на то, что пьянъ былъ, или приводя другое объясненіе;—но при этомъ онъ не сознавался все-таки, что «затѣялъ напрасно»; тогда его пытали, чтобъ онъ «государева слова не таилъ», а сказалъ въ правду (Веретенниковъ, Исторія тайной канцеляріи, 4; Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 121, листъ 111. Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина, 2—3); 2) если извѣтчикъ въ разпросѣ или позднѣе—на очной ставкѣ—самъ опровергнулъ свой извѣтъ, повинившись, что затѣялъ напрасно; такъ какъ затѣйный извѣтъ есть тяжкое преступленіе, то самъ извѣтчикъ превращался такимъ образомъ въ обвиняемаго, противъ котораго, при томъ же, были неоспоримыя доказательства (текстъ извѣтной челобитной, признаніе); въ этомъ случаѣ его пытали, чтобы онъ сказалъ, кто его на такое дѣло научилъ или не по засылкѣ ли сговариваетъ (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, III, 195); 3) когда свидѣтели, вызванные самимъ извѣтчикомъ,

опровергли его извѣтъ и на очной съ нимъ ставкѣ поддержали свое опроверженіе; впрочемъ, въ такихъ случаяхъ дѣло ограничивалось чаще только угрозами пытки, такъ какъ извѣтчикъ, предъ неминуемой пыткой, спѣшилъ принести повинную, или въ случаяхъ маловажныхъ дѣло рѣшалось безъ дальнѣйшаго розыска (Акты московскаго государства, I, 178; Чтенія, тамъ же); 4) когда извѣтъ исходилъ отъ тюремнаго сидѣльца, тогда пытка извѣтчика могла быть первымъ же сыскнымъ дѣйствіемъ, примѣнявшимся ранѣе пытки обвиняемаго (полное собраніе законовъ I, 592); 5) такое же правило примѣнялось и къ извѣтчикамъ анонимнымъ, т. е. людямъ, изобличеннымъ въ составленіи или разбрасываніи подметныхъ писемъ [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ улавливается одно общее основаніе, по которому московская практика склонялась къ примѣненію пытки извѣтчика: извѣтъ утрачивалъ свою достовѣрность и вѣроятность и пріобрѣталъ, наоборотъ, признаки ложности и затѣйности. Справедливость этого вывода вполнѣ понятна для первыхъ трехъ случаевъ—когда извѣтчикъ отмалчивается отъ своего извѣта, когда онъ самъ удостовѣряетъ его затѣйность или когда свидѣтели наводятъ на такую мысль. Но и въ двухъ послѣднихъ случаяхъ извѣты характеризируются симптомами подозрительности и недостовѣрности: относительно извѣтовъ тюремныхъ сидѣльцевъ московской практикѣ слишкомъ часто приходилось констатировать ихъ ложность и вздорность, а извѣтчикъ анонимный, авторъ подметнаго письма, уже потому вызывалъ противъ себя подозрѣнія, что, прибѣгая къ такому потаенному способу извѣщенія, обнаруживалъ явное желаніе обезпечить себѣ неизвѣстность и безнаказанность. Такимъ образомъ, извѣтчикъ въ политическомъ процессѣ подвергался пыткѣ тогда, когда онъ изъ обвиняющаго и уличающаго превращался въ подозрѣваемаго или прямо въ подсудимаго.

---

[1]) Кузнецъ Васька и человѣкъ Артамона Матвѣева обвинялись въ составленіи воровского подметнаго письма и въ томъ, что они говорили, что дѣвка Матвѣева взята на верхъ, но ей царицей не бывать; «и великій государь указалъ бояромъ распрашивать ихъ у пытки, а буде изъ нихъ кто доведется, то и пытать» (Веретенниковъ, Тайная канцелярія, 15).

Положеніемъ извѣтчика въ сыскѣ опредѣляются принимаемыя противъ него мѣры пресѣченія. Такъ какъ, смотря по ходу розыска, извѣтчикъ въ любую минуту могъ превратиться изъ обвинителя въ обвиняемаго, такъ какъ и безъ такой перспективы одна угроза пытки могла спугнуть слабаго духомъ извѣтчика, и—самое главное—такъ какъ извѣтчикъ въ каждый моментъ движенія процесса былъ нуженъ органамъ розыска, какъ дѣятельный обличитель и неутомимый, хотя и подневольный собиратель доказательствъ,—задержаніе его составляло одну изъ первыхъ задачъ розыскной власти. Оно ничуть не обусловливалось какимъ-либо особеннымъ, неблагопріятнымъ для извѣтчика ходомъ процесса, а было заурядной чертой въ его обычномъ и нормальномъ теченіи. Задержаніемъ извѣтчика воевода распоряжался прежде всякаго другого сыскного дѣйствія: прежде распроса свидѣтелей, прежде очной ставки, прежде задержанія обвиняемаго (Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 208; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1887, II); даже распросу самого извѣтчика, т. е. выясненію сущности его извѣта, предшествовало заключеніе его подъ стражу (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 12, листъ 99); такимъ образомъ, человѣкъ, только объявившій за собой государево слово или дѣло, уже ставился подъ охрану власти, такъ какъ подлежалъ задержанію. Это приказное обыкновеніе отразилось однимъ любопытнымъ штрихомъ въ бытовой обстановкѣ московскаго извѣта: человѣкъ, объявлявшій государево дѣло, начиналъ иногда съ того, что кричалъ «караулъ», т. е. требовалъ, чтобы его задержали. Задержаніе извѣтчика принимало обыкновенно форму одиночнаго тюремнаго заключенія, притомъ въ очень строгихъ условіяхъ: «держать за крѣпкими сторожи, держать на-единѣ, никого не припускать, разговаривать съ нимъ никому не велѣть»—такими наставленіями пестрятъ государевы грамоты въ политическихъ дѣлахъ (Акты московскаго государства, II, 167; Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 208); однажды даже встрѣчаемъ извѣтчика, ведомаго на мѣсто сыска «въ цѣпи». Тюрьма была наиболѣе частой формой

лишенія свободы извѣтчика; иногда фигурируетъ содержаніе подъ началомъ въ монастырѣ, когда въ роли извѣтчика выступаетъ чернецъ; иногда извѣтчикъ отдается «за приставы до указу». Наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ мѣрой пресѣченія избирается отдача на поруки: «билъ намъ челомъ дорогобужскій подъячій Матвѣевъ на стольника Ѳефилатьева, что онъ мимо государева указу ѣздилъ по пиромъ къ шляхтѣ, и вы бы противъ того челобитья Ѳефилатьева велѣли распросить и съ подъячимъ учинить очную ставку, а послѣ распросу и очной ставки стольника Ѳефилатьева отпустить къ Москву, а подъячаго выслать туда же за поруками» (Дополненія къ актамъ историческимъ, V, 85). Этотъ примѣръ иллюстрируетъ намъ еще одну черточку въ положеніи московскаго извѣтчика: его «высылаютъ» въ Москву за поруками, а обвиняемаго туда же «отпускаютъ», стало быть, безъ всякой мѣры пресѣченія. Такая разница едва-ли обусловливается различіемъ служебнаго и общественнаго положенія извѣтчика и обвиняемаго, такъ какъ предъ нами есть другой случай, когда въ условіяхъ приблизительной одинаковости служебнаго положенія былъ примѣненъ, однако такой же порядокъ: извѣтчикъ-стрѣлецъ былъ взятъ «за караулъ», а цѣловальникъ кружечнаго двора, на кого онъ извѣщалъ, оставленъ при своей должности (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 463, листъ 94). Скорѣе нужно думать, что эта разница обусловливалась степенью достовѣрности извѣта Если извѣтчикъ былъ оставленъ на свободѣ въ началѣ розыска, то первая же неявка его къ распросу вызываетъ его задержаніе: «побранясь на пирушкѣ, сказалъ за собой сынъ боярской государево великое дѣло, а на допросъ къ воеводѣ не пошелъ, учинился силенъ; на отписку воеводы пришла государева грамота—послать по него пушкарей, взять въ съѣзжую и распросить, разпросныя рѣчи прислать къ Москвѣ, а его держать въ тюрьмѣ до указу» (Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 121, листъ III).

Необходимостью имѣть извѣтчика подъ руками, какъ постояннаго обличителя, обусловливались и его

передвиженія: куда направлялось все дѣло, туда отправляли и извѣтчика; если Москва требовала присылки обвиняемаго и свидѣтелей «для подлиннаго сыску», то съ ними посылался и извѣтчикъ, посылался притомъ «съ великимъ береженьемъ» (Акты московскаго государства, III, 41; Гурляндъ, Приказъ тайныхъ дѣлъ, 304; Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина, 5--9),

Такими чертами характеризуется положеніе извѣтчиковъ въ политическомъ розыскѣ. Обобщая всѣ указанія, изложенныя выше, мы приходимъ по этому вопросу къ такимъ заключеніямъ: 1) извѣтчику въ государевомъ дѣлѣ принадлежала активная, дѣятельная и подчасъ руководящая роль въ трудныхъ перипетіяхъ политическаго розыска; активность его выражалась въ томъ, что отъ него именно исходила иниціатива почти всѣхъ розыскныхъ дѣйствій, дѣятельность его заключалась въ собираніи и представленіи доказательствъ, а руководство выражалось въ томъ, что этой его иниціативой и дѣятельностью опредѣлялись задачи и направленіе сыска; 2) благодаря участію извѣтчика, особенно благодаря очной его ставкѣ съ обвиняемымъ, процессъ по государеву дѣлу усваивалъ формы процесса состязательнаго; въ политическій розыскъ вводились элементы «суда»; вотъ почему обязательство Шуйскаго «про доводы сыскивать и ставить съ очей на очи» толковалось въ записи, какъ обѣщаніе «судить судомъ истиннымъ и праведнымъ»; 3) такимъ образомъ, политическій извѣтчикъ въ эпоху Уложенія отнюдь не напоминалъ собой анонимнаго, подъ покровомъ неизвѣстности скрывающагося доносителя позднѣйшихъ временъ, темнаго участника административно-розыскныхъ производствъ; извѣтчикъ московской эпохи похожъ скорѣе на публичнаго обвинителя нашихъ дней; 4) однако, онъ отличался отъ послѣдняго тѣмъ, что наравнѣ съ обвиняемымъ несъ на себѣ всѣ тяготы и опасности политическаго процесса, рисковалъ длительнымъ сидѣніемъ «за крѣпкими сторожи» и подвергался, наконецъ, суровой отвѣтственности за несправедливость своего обвиненія.

Выяснивъ эти характерныя черты въ положеніи московскаго извѣтчика, мы въ состояніи теперь дополнить объясненія, данныя нами выше,—почему московскій законодатель увидѣлъ себя въ необходимости возвести политическій извѣтъ на степень общей и неизбывной обязанности, подкрѣпленной, къ тому же, угрозами тягчайшаго изъ наказаній. Не будь такой обязанности, непріятныя «сыскныя» перспективы, развертывавшіяся передъ извѣтчикомъ (отсылка въ Москву, пытки, тюрьма) могли отпугнуть самаго благонамѣреннаго обывателя отъ добровольнаго содѣйствія власти въ раскрытіи и изобличеніи противогосударственныхъ умысловъ. Не виси надъ московскимъ «всякаго чину человѣкомъ» дамокловъ мечъ угрозы за недонесеніе, онъ не только не докучалъ-бы правительству затѣйными или вздорными извѣтами, но и отъ извѣтовъ правдивыхъ и полезныхъ удерживался-бы изъ боязни томительной судебной процедуры, неудобствъ и опасностей, связанныхъ съ участіемъ въ политическомъ дѣлѣ. «Такихъ великаго государя дѣлъ извѣщать тебѣ, великому государю, не мочно»—пишетъ анонимный извѣтчикъ—«потому что напрасно кровь многая проливается, и многіе въ такихъ дѣлахъ за такіе истинные извѣты и нынѣ напрасно стражютъ, сидятъ въ заключеньѣ многое время и съ домами разорилися»; «знаю я великаго государя дѣло, измѣну»—сообщаетъ воеводѣ другой извѣтчикъ—«а извѣщать боюсь, потому что меня пытать будутъ», и воевода его «обнадеживалъ». Въ 1715 году въ именномъ указѣ правительство также «обнадеживало», что «въ доношеніяхъ по нашимъ дѣламъ нѣтъ никакой опасности» (Полное собраніе законовъ, № 2877). Эти свидѣтельства показываютъ намъ, какъ трудности и опасности въ процессуальномъ положеніи извѣтчика отражались на извѣтной, такъ сказать, службѣ московскаго населенія. Противодѣйствіемъ этихъ задерживающихъ соображеній и являетея представленіе объ обязанности извѣта, подкрѣпляемое ожиданіемъ суровой кары за ея неисполненіе.

Правда, и помимо обязанности, у правительства оставалось еще одно средство подстрекнуть извѣтное

усердіе московскихъ всякаго чину людей—расточать щедрыя награды за политическій извѣтъ; но сопоставленная съ тяжелыми перспективами сыска, награда соблазняла бы только тѣхъ, у кого опасности и тяготы настоящаго положенія затушевывали бы мысль о трудностяхъ, связанныхъ съ положеніемъ извѣтчика, и кто «извѣщалъ» по первому вдохновенію, избывая холопства, казни или тюрьмы. Къ тому же, награда была только однимъ концомъ той палочки-погонялочки, которой московское правительство подхлестывало обвинительное усердіе извѣтчика, а другимъ было наказаніе—суровая кара за извѣтъ, признанный затѣйнымъ...

IV.

Наказаніе и награда за извѣтъ.

Итакъ, награда и наказаніе были заключительными моментами розыскной дѣятельности извѣтчика въ государевомъ дѣлѣ. Но награда была явленіемъ неузаконеннымъ и потому случайнымъ и малоопредѣленнымъ, а угроза наказаніемъ за ложный извѣтъ была провозглашена законодателемъ во всей ея суровой опредѣленности; награда была ненадежнымъ посуломъ, а наказаніе вставало, какъ неминуемая угроза; стало-быть, оно составляетъ болѣе яркую и прочную черту въ характеристикѣ политическаго извѣта; съ него поэтому и начнемъ.

I. Извѣтчикъ подвергается наказанію за ложный извѣтъ. Этотъ принципъ, съ распространеніемъ его и на извѣты политическіе, былъ формулированъ въ государевомъ указѣ и боярскомъ приговорѣ на самомъ закатѣ царствованія Грознаго: «кто назоветъ кого воромъ, а убіевства, кромолы и рокоша на царя государя не доведетъ, и того самого казнити смертью, для того, въ жалобницѣ и въ судѣ не лай» (Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія, III, 36). Такъ какъ смертная казнь была въ тоже время наказаніемъ и за тѣ самыя преступленія, которыя здѣсь упоминаются (убійство, крамола и бунтъ), то въ этомъ приговорѣ мы отга-

дываемъ начало, по которому опредѣляется наказуемость затѣйнаго извѣтчика: это есть начало возмездія. Въ записи Шуйскаго оно развертывается уже въ опредѣленную и ясную форму матеріальнаго тальона: «а кто на кого солжетъ, и сыскавъ, того казнити, смотря по винѣ его — что былъ взвелъ неподѣлно, тѣмъ самъ осудится». Въ оцѣнкѣ этого начала, его относительной старины или новизны, возникло разногласіе между двумя русскими изслѣдователями: по мнѣнію Владимірскаго-Буданова, такая форма наказуемости извѣтчика есть выраженіе «стариннаго принципа», по которому ложный обвинитель подвергается тому же, чему подвергся бы отвѣтчикъ, если бы обвиненіе было доказано (Хрестоматія, II, 123); а Сергѣевскій—наоборотъ—«позволяетъ себѣ усомниться, можетъ ли быть этотъ принципъ названъ стариннымъ для XVI вѣка»; онъ думаетъ, что и въ XVII вѣкѣ такая норма была еще принципомъ для русской жизни новымъ; «при избраніи царя Василія Шуйскаго считали необходимымъ именно упомянуть о такой отвѣтственности лже-доносчиковъ и потребовать ея установленія въ качествѣ общаго правила въ крестоцѣловальной записи, по которой присягалъ новоизбранный царь»; «едва-ли старинный принципъ» — заканчиваетъ свою аргументацію Сергѣевскій— «могъ нуждаться въ такихъ подкрѣпленіяхъ» (Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, 6). Съ справедливостью этихъ разсужденій нельзя не согласиться; тѣмъ не менѣе, они даютъ намъ ключъ не къ тому выводу, который сдѣланъ почтеннымъ криминалистомъ. Принципъ наказанія затѣйнаго извѣтчика, провозглашенный въ записи Шуйскаго, есть не что иное, какъ опредѣленная форма начала возмездія, а это начало составляетъ одну изъ существенныхъ и характерныхъ чертъ древнѣйшей системы русскаго права; встрѣчая слѣды этого начала въ русскомъ правѣ XVI и XVII вѣковъ, мы не имѣемъ основанія видѣть въ нихъ, хотя бы относительной новизны. Такая же именно форма наказуемости лживаго челобитчика формулируется не однажды Уложеніемъ, въ отдѣльныхъ статьяхъ и по различнымъ поводамъ (II, 17; VII, 12 и 31; X, 9, 17, 107, 133, 143, 252);

ею захватывается не только область уголовныхъ правонарушеній, но и сфера неправды гражданской. Едва-ли принципъ, относительно новый и не болѣе полувѣка навязанный власти въ минуту острыхъ политическихъ замѣшательствъ, могъ за короткій срокъ такъ глубоко прорѣзать всю систему народнаго права; поэтому въ мнѣніи историка, называющаго его «стариннымъ принципомъ», скрывается, нужно думать, больше исторической истины, чѣмъ въ «сомнѣніяхъ» криминалиста, который, къ тому же, отвергая старину этой нормы, ни однимъ словомъ не пробуетъ объяснить, откуда же въ исходѣ XVI вѣка зашла она въ русское право.

Но если такой принципъ наказуемости извѣтчика— что взвелъ неподѣльно, тѣмъ осудится самъ—имѣетъ прочные корни въ старинѣ русскаго права, то зачѣмъ понадобилось удостовѣрять его записью и обезпечивать его исполненіе крестнымъ цѣлованіемъ представителя верховной власти? Разгадка этого кроется въ томъ, что историческій смыслъ записи Шуйскаго, какъ нами уже отмѣчено, заключается въ регулированіи политическаго суда; а въ этой именно области старинная норма подвергалась хроническому нарушенію: въ эпоху, когда власть видитъ себя въ окруженіи плотной стѣны измѣнниковъ, и мнимыхъ и дѣйствительныхъ, она для борьбы съ ними не столько ищетъ прямыхъ уликъ и достовѣрныхъ доказательствъ, сколько хватается за формальные поводы безъ внутренней ихъ оцѣнки; извѣтами какъ-разъ они и представляются ей въ изобиліи; при такихъ условіяхъ не въ расчетѣ власти ущемлять извѣтное вдохновеніе и сдерживать практику извѣтныхъ услугъ суровыми наказаніями за извѣтъ неоправданный; поэтому начало, проникающее изстари весь порядокъ суда уголовнаго и гражданскаго, систематически попиралось актами расправы политической. Вотъ почему въ началѣ XVII вѣка, подъ неостывшими еще воспоминаніями о террорѣ Грознаго и Годунова, созрѣла практическая мысль внести въ запись новоизбраннаго царя требованіе соблюдать безъ уклоненій общую и старинную норму въ дѣлѣ наказаній за ложный извѣтъ: «что былъ взвелъ неподѣлно, тѣмъ осудится самъ»; что здѣсь рѣчь идетъ, по

преимуществу, объ извѣтахъ политическихъ, это подчеркивается въ записи словами: «да и доводовъ ложныхъ *мнѣ, государю,* не слушати»; не къ извѣтамъ ли политическимъ склонно съ особенной чуткостью прислушиваться ухо властителя?

Итакъ, внесеніе въ запись этого начала равносильно было упроченію стараго обычая въ такомъ кругу дѣлъ, гдѣ онъ до сихъ поръ нарушался; другими словами— это было опять-таки шагомъ впередъ на пути приближенія расправы политической къ обычаямъ и нормамъ законнаго суда.

Уложеніе Алексѣя Михайловича усвоило принципъ наказуемости за ложный извѣтъ, утвержденный въ записи Шуйскаго, и отводя ему особую статью во второй главѣ, подчеркнуло этимъ и его процессуальное значеніе и его прямое отношеніе къ извѣту политическому: «а будетъ кто на кого доводилъ государево великое дѣло или измѣну, а не довелъ, и сыщется про то допряма, что онъ такое дѣло затѣялъ на кого напрасно,—и тому извѣтчику тоже учинити, чего бъ довелся тотъ, на кого онъ доводилъ» (II, 17). Примѣненіе этой статьи расчитано на два существенныхъ условія: а) извѣтчикъ не только извѣщаетъ, но и «доводитъ», т. е. точно формулируетъ свой извѣтъ съ конкретными указаніями на личность обвиняемаго и на преступный фактъ и въ ближайшихъ розыскныхъ дѣйствіяхъ, послѣдовавшихъ за принятіемъ извѣта, настаиваетъ на правильности этихъ указаній; б) тѣмъ не менѣе при дальнѣйшемъ теченіи розыска «сыскивается допряма», что онъ «затѣялъ напрасно», т. е. извѣтъ, имъ заявленный, оказывается завѣдомо лживымъ. Обращаясь къ слѣдамъ московской практики, иллюстрирующимъ примѣненіе этой статьи, мы можемъ установить, что наказаніе, въ ней предусмотрѣнное, обрушивалось, обыкновенно, на такого извѣтчика, который въ распросѣ, послѣдовавшемъ за объявленіемъ «слова и дѣла», утверждалъ правильность своего извѣта или, по крайней мѣрѣ, не отрекался отъ него, какъ отъ извѣта затѣйнаго, и на очной ставкѣ продолжалъ еще настаивать на томъ же и обыкновенно лишь съ пытки

или чаще подъ угрозой пытки сознавался, наконецъ, что «затѣялъ напрасно» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 2623, листы 115—116; Полное собраніе законовъ, III, 89; Матеріалы для исторіи возмущенія Разина, 2—3; Записки Желябужскаго). Такъ какъ «государево великое дѣло и измѣна», предусматриваемыя въ статьѣ 17 Уложенія, облагались смертной казнью, то этому же наказанію подвергался и затѣйный извѣтчикъ, поднявшій такое обвиненіе [1]). Но изъ начала, установленнаго въ ст. 17, Уложеніе допускаетъ одно знаменательное исключеніе: если воевода изъ города или изъ полка писалъ государю на служилыхъ и на иныхъ чиновъ людей, что приходили они на него скопомъ и заговоромъ и хотѣли его убить, а повальнымъ обыскомъ, произведеннымъ по ходатайству обвиняемыхъ, будетъ установлено, что скопа и заговора не было, а приходили къ воеводѣ немногіе люди для челобитья,— то воеводѣ за ложную отписку государю «чинить жестокое наказаніе, что государь укажетъ» (Уложеніе, II, 22). Подъ этой неопредѣленной формулой скрывается во всякомъ случаѣ не угроза смертной казни, хотя воевода виноватъ въ такомъ затѣйномъ извѣтѣ, предметомъ котораго было обвиненіе въ скопѣ и заговорѣ— въ преступленіи, влекущемъ за собой какъ разъ смертную казнь (II, 21). Основаніемъ этой снисходительности служитъ, нужно думать, предположеніе о добросовѣстномъ заблужденіи воеводы: конкретный фактъ, на который онъ указывалъ въ своемъ извѣтѣ-отпискѣ, что «прихаживали къ нему всякихъ чиновъ люди», подтвердился на повальномъ обыскѣ; но неправильнымъ оказалось толкованіе, данное этому факту воеводой— приходили къ нему вовсе не скопомъ и заговоромъ, а «немногими людьми для челобитья». Правительство московское, только-что переживавшее шумныя сцены скопа и заговора на широкой аренѣ стольнаго города, учитывало психологическую возможность испуга передъ этимъ призракомъ со стороны воеводъ и приказныхъ людей.

---

[1]) Однако, Уложеніе глухо говоритъ: «извѣтчику тоже учинити, чего бъ довелся тотъ, на кого онъ доводилъ» (II, 17).

Впрочемъ, практика, кажется, вообще смягчала наказаніе извѣтчикамъ, осужденнымъ по статьѣ 17. Это происходило или въ порядкѣ помилованія, по челобитью самого осужденнаго, или въ порядкѣ смягченія приговора по собственной иниціативѣ рѣшающей инстанціи; смертная казнь въ такихъ случаяхъ замѣнялась, обыкновенно, ссылкой и кнутомъ.

Но наказуемость за ложный извѣтъ не исчерпывалась нормой, установленной въ ст. 17 Уложенія. Московскій кодексъ половины XVII вѣка подвинулся на этомъ пути впередъ сравнительно съ лаконическимъ опредѣленіемъ записи Шуйскаго; кромѣ извѣта затѣйнаго, завѣдомо-злостнаго, прямо расчитаннаго на то, чтобы погубить опредѣленное лицо, — вторая глава Уложенія предусматриваетъ еще извѣтъ, лишенный злостности и конкретной опредѣленности, извѣтъ по легкомыслію или по пьяному обычаю: «которые всякихъ чиновъ люди учнутъ за собою говорити, что за ними государева слова и дѣла нѣтъ, а сказывали они за собой государево слово или дѣло, избывая отъ кого побои или пьянымъ обычаемъ,— и ихъ за то бить кнутомъ и. бивъ кнутомъ, отдать тому, чей онъ человѣкъ» (II, 14). Эта форма наказуемаго извѣта имѣетъ одну общую черту съ извѣтомъ, предусмотрѣннымъ въ ст. 17: и здѣсь и тамъ законодатель предусматриваетъ извѣтъ, ложность котораго точно установлена. Но извѣтъ, наказуемый по ст. 14, характеризуется слѣдующими особенными признаками: а) извѣтчикъ, заявляя за собой слово или дѣло, не расчитываетъ собственно такимъ дѣйствіемъ погубить или повредить опредѣленному лицу; заявка слова и дѣла сдѣлана имъ или подъ вліяніемъ опьяненія или съ умысломъ избыть побоевъ; такой разсчетъ основывался на томъ, что человѣкъ, заявившій за собой государево слово, дѣлался необходимымъ участникомъ политическаго розыска и, благодаря этому, изымался изъ подъ всякой частной зависимости; онъ правда, заключался въ тюрьму или сажался за пристава, но тѣмъ самымъ ставился подъ охрану государственной власти; б) извѣтъ, въ основѣ котораго лежалъ подобный умыселъ, лишенъ былъ

всякой опредѣленности и конкретности; человѣкъ заявлялъ за собой государево дѣло, но при этомъ оставалось еще неизвѣстнымъ, къ кому пріурочивается это государево дѣло и въ чемъ его сущность; в) такая неизвѣстность сохраняется до самаго конца производства, каковой, впрочемъ, наступаетъ очень скоро; обыкновенно, въ первомъ же распросѣ такой извѣтчикъ приноситъ повинную, что «за нимъ никакова государева слова и дѣла нѣтъ, а сказывалъ онъ за собой государево слово или дѣло, избывая побои или пьянымъ обычаемъ». Такъ какъ извѣтъ, характеризующійся такими чертами, хотя и оказывался ложнымъ, но не угрожалъ, въ сущности, никакому опредѣленному лицу, то къ наказуемости его нельзя было примѣнить начала, установленнаго въ ст. 17. Учитывая неважность такого извѣта, отсутствіе угрожающихъ послѣдствій и наличность смягчающихъ обстоятельствъ (въ видѣ побоевъ или пьянаго обычая), Уложеніе назначаетъ такому извѣтчику наказаніе кнутомъ [1]). Конецъ разбираемой статьи формулированъ такъ, что вызываетъ мысль, не холопа ли только считаетъ законодатель субъектомъ такого ложнаго извѣта: «и бивъ его кнутомъ, отдаютъ тому, чей онъ человѣкъ». Но начало статьи говоритъ о «всякихъ чиновъ людяхъ», а знакомство съ практикой прямо убѣждаетъ насъ въ томъ, что статья эта распространяется и на свободныхъ людей: въ 1684 году монастырскаго старца Никона якутскій воевода приговорилъ—за то, что онъ сказалъ за собой государево дѣло, а потомъ въ распросѣ объявилъ, что «никакова государева дѣла не знаетъ, а сказалъ то пьянскимъ обычаемъ, бить шелепами монастырскими работниками» (Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 34); при этомъ воевода прямо сослался

---

[1]) Если извѣтчикъ объявлялъ за собой государево дѣло съ конкретными указаніями на опредѣленное лицо и опредѣленный фактъ, а на первомъ же распросѣ слался на то, что сказалъ онъ это пьянымъ обычаемъ,—дѣло все-таки могло сложиться такъ, что ему грозило наказаніе по ст. 17; октября во второй день извѣщали стрѣльцы на тюремнаго сидѣльца Янку Поцылова, что онъ изъ тюрьмы кричалъ—голова де Боевъ хочетъ переѣхать къ Стенькѣ Разину; а въ распросѣ Янка сказалъ, что не вѣдаетъ, кричалъ ли или нѣтъ, былъ де пьянъ»; его пытали, добились сознанія, что голову Боева онъ «подклепалъ напрасно», и повѣсили за воровскія затѣйныя слова (Матеріалы для исторіи возмущенія Разина, 2, 73).

на Уложеніе и имено на ст. 14 второй главы. Въ способѣ наказанія, который избралъ воевода, оказалось свободное толкованіе нормы закона примѣнительно къ особенностямъ конкретнаго случая: Уложеніе назначаетъ такому извѣтчику наказаніе кнутомъ, но воевода соображаетъ, что къ монастырскому старцу слѣдуетъ примѣнить и «монастырскій» способъ наказаній, соотвѣтствующій способу свѣтскому, и приговариваетъ его «бить шелепами монастырскими работниками» (Примѣры примѣненія ст. 14: Акты московскаго государства, II, 167; Архивъ, столбецъ новгородскаго стола № 68, листъ 209).

Но Уложеніе знаетъ и такую форму наказуемаго извѣта, въ которой дѣйствующимъ субъектомъ вступаетъ исключительно холопъ или крестьянинъ противъ своего господина и помѣщика: «будетъ учнутъ извѣщати про государьское здоровье или какое измѣнное дѣло чьи люди на тѣхъ, у кого они служатъ, или крестьяне, за кѣмъ они живутъ во крестьянехъ, а въ томъ дѣлѣ ничѣмъ ихъ не уличатъ,—и тому ихъ извѣту не вѣрить и, учиня имъ жестокое наказаніе, бивъ кнутомъ нещадно, отдати тѣмъ, чьи они люди и крестьяне» (II, 13). Примѣненіе этой статьи расчитано на слѣдующую процессуальную обстановку: а) извѣтчикъ, холопъ или крестянинъ, извѣщаетъ государево дѣло на своего помѣщика или боярина, но не подкрѣпляетъ свой извѣтъ ни указаніемъ вещественныхъ доказательствъ ни ссылкой на свидѣтелей; б) въ распросѣ и на очной ставкѣ извѣтчикъ, однако, не отрекается отъ своего извѣта, а продолжаетъ на немъ настаивать; в) обвиняемый же утверждаетъ свою невинность, и на очной ставкѣ извѣтчику не удается его «уличить». Еслибы субъектомъ такого извѣта былъ свободный человѣкъ, то, на основаніи ст. 12, исходъ дѣла рѣшался бы непосредственнымъ усмотрѣніемъ государя—«учинить указъ по разсмотрѣнію, какъ государь укажетъ», а государь могъ бы или распорядиться продолженіемъ сыска въ видѣ пытки извѣтчика или обвиняемаго или наказать перваго или примѣнить карательную мѣру къ послѣднему. Но если въ такомъ процессуальномъ положеніи оказывается

холопъ или крестьянинъ относительно того, кому онъ служитъ или за кѣмъ живетъ во крестьянахъ,—законодатель предписываетъ «извѣтчику не вѣрить»; это значитъ—дальнѣйшій сыскъ не производится, и уголовное преслѣдованіе прекращается, а извѣтчикъ—холопъ, попавшій въ такое положеніе, наказывается кнутомъ нещадно. За какую вину собственно примѣняется къ нему эта карательная мѣра? не за ложность извѣта, очевидно, ибо таковая по сыску не установлена, а скорѣе за проступокъ противъ господской или помѣщичьей власти. Такъ какъ холопъ при такомъ исходѣ дѣла возвращался опять подъ крыло этой власти, то въ приговоръ иногда заключалось увѣщаніе господину—не чинить холопу никакого дурна за извѣтъ (Акты московскаго государства, II, 168) [1]).

Есть, наконецъ, въ Уложеніи туманная, но суровая статья, въ которой, по нашей догадкѣ, также скрывается угроза для затѣйныхъ извѣтчиковъ: «которые воры чинятъ въ людехъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей своимъ воровскимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнить смертью» (XXII, 13). Сквозь неясные и лаконичные обороты законодателя попробуемъ разгадать истинный смыслъ этой суровой статьи. Въ ней идетъ рѣчь о такихъ людяхъ, которые «воровскимъ умышленіемъ затѣваютъ затѣйныя дѣла»; это выраженіе намъ знакомо по второй главѣ Уложенія и, безъ большихъ колебаній, мы можемъ истолковать его, какъ указаніе на ложный извѣтъ. Но если это толкованіе справедливо, то чѣмъ

---

[1]) Котошихинъ разсказываетъ: «который человѣкъ учнетъ на господина своего бить челомъ ложно или затѣетъ на него какое воровское государственное дѣло, не хотя у него служити,—и по сыску бываетъ такому наказаніе кнутомъ, и отдадутъ назадъ въ слуги, не затѣвай на господина ложно» (Котошихинъ, о Россіи, 95). Это утвержденіе Котошихина идетъ въ разрѣзъ съ выводами, изложенными въ текстѣ и основанными на толкованіи ст. 14, II Уложенія: по Котошихину, холопъ послѣ сыска наказывается кнутомъ за то, что затѣялъ напрасно; между тѣмъ, по Уложенію такой затѣйный извѣтъ, опровергнутый сыскомъ, наказывается по принципу, установленному въ ст. 17, II, т. е. чаще всего смертной казнью. Мнѣніе Котошихина сложилось, нужно думать, на почвѣ широкой практики помилованія, примѣнявшаго къ холопьимъ извѣтамъ (можетъ-быть, не безъ воздѣйствія самихъ господъ, не желавшихъ утрачивать экономическую силу, представленную холопомъ).

отличается ложный извѣтъ, здѣсь предусматривамый, отъ наказуемыхъ извѣтовъ второй главы? Вникая въ словесный смыслъ этой статьи, можемъ уловить въ ней два штриха, отвѣчающіе на этотъ вопросъ: 1) преступникъ добивается учиненія «смуты въ людяхъ»; значитъ, преступный умыселъ его направленъ, въ сущности, не противъ опредѣленнаго лица, а противъ государства и общества; своимъ извѣтомъ онъ стремится не столько къ осужденію того лица, противъ котораго извѣтъ сдѣланъ, сколько добивается потрясенія общественнаго и государственнаго порядка; 2) въ связи съ этой цѣлью и извѣтъ его пріурочивается не къ опредѣленному лицу, а ко «многимъ людямъ»; многіе люди могутъ быть объектомъ извѣта не какъ индивидуально-опредѣленныя лица, а какъ родовыя группы безъ индивидуальнаго обозначенія (посадскіе, нижегородцы). Эти выводы, извлеченные изъ словеснаго смысла ст. 13, подвергнемъ провѣркѣ на единственномъ, но зато безспорномъ случаѣ примѣненія этой статьи. Въ 1684 году «писалъ къ великимъ государямъ изо Пскова бояринъ и воевода Шереметьевъ: извѣщалъ ему словесно въ приказной избѣ Герасимъ Станищевъ, что чернецъ Іоасафъ Печорскаго монастыря просилъ его объявить воеводѣ, что за нимъ, Іоасафомъ, есть великихъ государей слово»; въ распросѣ чернецъ разсказалъ великихъ государей слово: приходилъ къ нему стрѣлецъ въ монашескомъ одѣяніи и говорилъ, что хочетъ наговорить стрѣльцовъ и казаковъ побить бояръ и царицу Наталью Кирилловну и царя Петра Алексѣевича; великіе государи, сей выписки слушавъ, указали и бояре приговорили: чернеца растричь за затѣйныя дѣла (Дополненія къ актамъ историческимъ, XI, 208). Извѣтчикъ только разстриженъ, а не наказанъ смертью; тѣмъ не менѣе безспорность этого случая, какъ образца въ примѣненіи разбираемой статьи Уложенія, обусловливается тѣмъ, что въ самомъ приговорѣ великихъ государей содержится прямая ссылка на эту статью (XXII, 13). Пользуясь этимъ дѣломъ, мы можемъ внести одну существенную поправку въ изложенные нами выше выводы изъ буквальнаго текста ст. 13:

оказывается, для примѣненія ея московская практика не требовала доказанной ложности извѣта; затѣйность его изобличалась уже тѣмъ, что онъ принималъ совершенно неопредѣленную форму, не допускающую провѣрки («приходилъ стрѣлецъ въ монашескомъ одѣяніи»). Цѣлью такого извѣта могло быть, дѣйствительно, учиненіе смуты, а отнюдь не обвиненіе како-либо въ политическомъ преступленіи. Оглядываясь на тяжелыя и хроническія смуты, избороздившія весь XVII вѣкъ, невольно приходишь къ выводу, что суровая и всеобъемлющая статья XXII главы имѣла, вѣроятно, въ эту эпоху широкое и дѣятельное примѣненіе. Вотъ два примѣра, которые, правда, не квалифицированы въ источникахъ прямой ссылкой на эту статью, но по существу описаннаго въ нихъ преступленія воспроизводятъ какъ-разъ «извѣтъ для смуты», въ ней предусмотрѣнный. Въ приговорѣ князю Ивану Хованскому отъ 1682 года среди многихъ его преступленій упоминалось слѣдующее: «да ты же, князь Иванъ, извѣщалъ царевнѣ Софьѣ Алексѣвнѣ при боярехъ, что новгородскіе дворяне и всякихъ чиновъ люди, согласясь, хотятъ итти на Москву посѣчь всѣхъ безъ выбора и безъ остатка... и то знатно, что ты на нихъ затѣялъ воровствомъ своимъ, хотя на нихъ навести государской гнѣвъ напрасно.., да ты жъ, выходя изъ великихъ государей палатъ, говаривалъ надворной пѣхотѣ многія смутныя рѣчи и затѣвалъ напрасно» (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 459). А въ самомъ концѣ XVII вѣка производился розыскъ о злоупотребленіяхъ двухъ красноярскихъ воеводъ, и «по розыску явилась ихъ многая ложная на красноярцевъ въ крестномъ цѣлованіи и бунтѣ затѣйка и воровскіе поклепы, которыми они, воеводы, великимъ государямъ доносили,—чтобъ послать на красноярцевъ съ Москвы и съ городовъ для смиренія ратей» (Памятники сибирской исторіи, I, 41). Развѣ эта «ложная затѣйка» красноярскихъ воеводъ на населеніе цѣлаго города не воспроизводитъ цѣликомъ картину «затѣйнаго дѣла на многихъ людей», описаннаго въ 13 статьѣ?

Итакъ, московскій кодексъ и московская практика знаютъ четыре формы наказуемаго извѣта: 1) извѣтъ ложно-затѣйный, завѣдомо-злостный, наказуемый по принципу—что былъ взвелъ неподѣльно, тѣмъ осудится самъ; 2) извѣтъ ложный по легкомыслію или пьянымъ обычаемъ, не направленный противъ опредѣленнаго лица; 3) бездоказательный извѣтъ людей и крестьянъ на того, чьи они люди и крестьяне; 4) извѣтъ для смуты на многихъ людей [1]).

II. О вознаграждаемости извѣта изъ памятниковъ, намъ извѣстныхъ, впервые упоминаетъ наказъ 1625 г. кузнецкому воеводѣ: «кто на кого изъ ясачныхъ людей скажетъ какое воровство или измѣну, и сыщется допряма, и государь тѣхъ людей пожалуетъ, животы ихъ и вотчины подастъ тѣмъ, кто какую измѣну и воровство доведетъ» (Акты историческіе, III, 219). Въ такой же приблизительно формѣ эти обѣщанія тянутся черезъ весь XVII вѣкъ, повторяясь исключительно въ наказахъ окраиннымъ воеводамъ и ограничиваясь кругомъ ясачныхъ людей (Дополненія къ актамъ историческимъ, III, 301, IV, 155, 219, 349, XII, 14; Полное собраніе законовъ, III, 237, 333, 567). Эту черту можно было объяснить политическими условіями, среди которыхъ жили ясачные люди, главнымъ образомъ, сибирскіе инородцы: недавно присоединенные и не вполнѣ еще примирившіеся съ господствомъ Москвы, они хронически переживали смѣну неустойчивыхъ политическихъ настроеній, находились въ состояніи «шатости», какъ характеризовало ихъ московское правительство; а изъ шатости этой неустанно возникали измѣнные умыслы, за которыми зорко приходилось слѣдить господствующей власти, чтобы во-время ихъ предупредить, чтобы своевременными полицейскими мѣрами и суровой расправой

---

[1]) Встрѣчаемъ еще такой случай наказуемости извѣтчика: «лучанину Семену Петрову сыну Прохорову за ево затѣйныя слова, что онъ лучанина жъ Степана Алексѣева называлъ измѣнникомъ, а не довелъ, велѣно учинить наказанье—бить батоги» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 30, листъ 206). Незначительность наказанія идетъ, кажется, въ разрѣзъ со всѣми статьями Уложенія (II, 17, 14, 13); разгадка этого лежитъ въ томъ, что здѣсь предъ нами не извѣтъ заявленный власти, а простая брань: «называлъ измѣнникомъ»; обиженный билъ челомъ о сыскѣ, результатомъ котораго явился такой приговоръ бить батоги.

съ зачинщиками и заводчиками раздавить этотъ умыселъ раньше, чѣмъ онъ созрѣетъ въ открытый бунтъ или въ прямое отложеніе отъ московскаго государства.

Но относительно коренныхъ областей московскаго государства и коренного населенія мы долго не встрѣчаемъ открытыхъ обѣщаній награды за политическій извѣтъ. Въ практикѣ государевыхъ дѣлъ до-уложенной эпохи намъ не пришлось натолкнуться на случай награды за оправданный или «доведенный» извѣтъ. Само Уложеніе, впитавшее въ себя квинтъ-эссенцію предшествующей ему практики, ни словомъ не упоминаетъ о вознагражденіи извѣтчика въ государевомъ дѣлѣ, хотя въ двухъ статьяхъ законодатель близенько подходилъ къ удобнѣйшему поводу поощрить извѣтъ посуломъ государева жалованья: въ ст. 17, гдѣ онъ формулируетъ обязанность «извѣщать», и въ ст. 15, гдѣ онъ устанавливаетъ награду за поимку измѣнника. Молчаніе московскаго кодекса можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ того, что въ эпоху, ему предшествовавшую, награда за извѣтъ не вошла, по крайней мѣрѣ, въ обиходъ московской практики государевыхъ дѣлъ, не сдѣлалась ея заурядной и постоянной чертой. Только отъ второй половины XVII вѣка мы встрѣчаемъ отдѣльные случаи выдачи награды за извѣтъ въ политическомъ дѣлѣ. Въ 1663 году нѣкій «Сенька Пушешниковъ, помня и исполняя государево крестное цѣлованіе, извѣщалъ на Мезенцова въ государевомъ тайномъ дѣлѣ и въ бунтовскихъ словахъ»; Мезенцовъ по сыску сосланъ былъ на вѣчное житье въ Коротоякъ съ урѣзаніемъ языка, а извѣтчику дана половина его помѣстья (Акты московсковскаго государства, III, 527). Въ 1668 году дано по челобитью казака Парфеньева ему государево жалованье за его службу, что онъ о сыску и высылкѣ въ Москву раскольниковъ Кирюшки съ товарищи чинилъ всякое радѣніе, да онъ же писалъ извѣтное письмо; а жалованья ему дано десять рублевъ изъ десятой деньги, что взято съ московскихъ торговыхъ иноземцевъ въ государевомъ посольскомъ приказѣ (Дополненія къ актамъ историческимъ, XII, 268). Источникъ, изъ котораго покрыта награда извѣтчику,

объясняется, нужно думать, тѣмъ, что дѣло по его извѣтному письму производилось въ государевомъ посольскомъ приказѣ. Наконецъ, отъ самаго конца XVII в. (1699 г.) сохранилось общее указаніе, что государево жалованье за политическій извѣтъ стало уже зауряднымъ эпилогомъ государева дѣла: «чего которому воеводѣ за какою тягостью и противностью наказу невозможно безъ указу чинить» — говорится въ именномъ указѣ, данномъ разряду — «и о томъ ему къ великому государю писать въ Москву; а кто кого въ измѣнѣ приведетъ и доведетъ на него тое измѣну прямо, и тѣмъ людямъ давать за то великаго государя жалованье» (Полное собраніе законовъ, III, 535). Но и тутъ какъ видимъ, государево жалованье обѣщается не тому только, кто «доведетъ», а тому, кто «приведетъ и доведетъ»; стало-быть, въ этомъ государевомъ жалованьи трудно разобрать, есть ли оно награда за извѣтъ или награда за поимку, предусмотрѣнная еще Уложеніемъ. Но въ началѣ XVIII вѣка уже прямо говорится о «милости доносителямъ» (Полное собраніе законовъ, № 2877).

Необходимое условіе, съ которымъ связывается право на награду, выражается во всѣхъ этихъ актахъ одинаково: кто «доведетъ свой извѣтъ прямо» или кто «извѣститъ, а по извѣту сыщется допряма»; слѣдовательно, вознаграждается лишь извѣтъ, закончившійся обвиненіемъ того, противъ кого онъ направленъ; извѣтъ, сводящійся къ простому заявленію власти, безъ уличающей и доводящей дѣятельности извѣтчика, не даетъ ему права расчитывать на государево жалованье. Кругъ преступленій, къ которымъ пріурочивается вознаграждаемый извѣтъ очерченъ также одинаково: это, прежде всего, измѣна, а затѣмъ вообще «злой умыселъ на великаго государя и его страну» (Тамъ же, III, 377). Но способы вознагражденія и источники, изъ которыхъ оно покрывается, неодинаковы. Ясачнымъ людямъ сибирскихъ племенъ обѣщается все конфискуемое имущество уличеннаго измѣнника: «вотчины и животы», «животы и земли» [1]); иногда эта щедрая награда до-

[1]) Встрѣчаемъ и обѣщаніе однихъ «животовъ» осужденнаго: «сказать юкагирскимъ князьямъ и улуснымъ людямъ, въ которыхъ будетъ въ своей

полнялась обѣщаніемъ «государева жалованья деньгами и суконами, смотря по службѣ». Внутри Россіи щедрость московскаго правительства ограничивалась, кажется, отпиской помѣстій осужденнаго въ пользу извѣтчика, если послѣдній былъ служилымъ человѣкомъ (Акты московскаго государства, III, 527); вотчины же его отписывались на государя, а животы получали самое разнообразное назначеніе—отъ обезпеченія семьи до раздачи убогимъ. Такая система вознагражденія—изъ имущества осужденнаго — должна была сильно разжигать извѣтное усердіе не только среди полудикихъ инородцевъ, которымъ правительство щедро сулило самые соблазнительные куски—животы и земли,—но и среди московскихъ всякаго чину людей, когда имъ нравственная неразборчивость позволяла тянуться къ чужому помѣстью [1]). Тотъ самый Сенька Пушешниковъ, который удачнымъ извѣтомъ на Мезенцова заработалъ половину его помѣстья, въ томъ же году опять извѣщалъ на него, что онъ изъ ссылки бѣжалъ, былъ у руки государя, скрывъ, что онъ бѣглый, а потомъ будто сказывалъ нѣкоему Воейкову: «я де того дѣла дорого не ставлю, что былъ у государевой руки»; противъ этого извѣта Мезенцовъ въ распросѣ объяснилъ, что онъ изъ ссылки билъ челомъ государю въ солдаты и былъ въ походѣ подъ Ригой, непристойныхъ словъ никогда не говаривалъ; а если Сенька на него затѣялъ, такъ это потому, что онъ хочетъ и остальной половиной его помѣстья завладѣть. Если извѣтчикъ былъ неслужилымъ человѣкомъ или изъ низшихъ служилыхъ чиновъ, то вся награда сводилась для него, обыкновенно, къ денежной подачкѣ. Чтобы оставить за собой свободу въ выборѣ награды за извѣтъ, правительство московское, давая общія обѣщанія награды, прибѣгало иногда къ

братіи почаютъ измѣну, и они бъ про ту измѣну и про злой умыселъ сказывали, и за то великій государь ихъ пожалуетъ тѣхъ измѣнниковъ животами» (Дополненія къ актамъ историческимъ, IV, 219).

[1]) Эта система имѣла, впрочемъ, одну хорошую сторону: благодаря ей могъ поощряться наградой только извѣтъ доказанный, только извѣтъ, закончившійся обвинительнымъ приговоромъ, такъ какъ единственно при такомъ исходѣ дѣла имущество того, на кого сдѣланъ былъ извѣтъ, отнималось у него, переходило въ руки правительства и могло быть по его усмотрѣнію передано третьему лицу, въ данномъ случаѣ—извѣтчику.

весьма неопредѣленнымъ посуламъ: «дать государево жалованье, смотря по службѣ», или «за вѣрную службу милость великаго государя отъемлема не будетъ». Подъ «милостью» можно разумѣть уже не только государево жалованье въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. надѣленіе вотчинами и помѣстьями и денежныя выдачи, но и льготы разнаго рода и вообще благопріятныя послѣдствія, выпадающія на долю извѣтчика, которому удалось «довести свой извѣтъ прямо»; такъ, извѣтъ уголовныхъ преступниковъ, тюремныхъ сидѣльцевъ и вообще лицъ, ожидающихъ суроваго наказанія, вызывался часто надеждой на то, что этимъ актомъ извѣтнаго усердія они могутъ добиться смягченія участи или освобожденія отъ наказанія. По указу великаго государя Петра Алексѣевича, бояре приговорили: «извѣтчика стрѣльца Ѳедьку Горлова за его воровство казнить смертью, что онъ доводилъ государево слово на пятисотеннаго Ивашку Иванова, а въ распросѣ и съ пытки винился, сказалъ, что взвелъ напрасно, чтобы ему отъ наказанія, которое ему велѣно за побѣгъ учинить, избыть» (Архивъ, столбецъ приказнаго стола № 2623, листъ 115—116).

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Кавальери, А. Международный союзъ въ истолкованіи позитивистовъ.

A. Cavalieri, professeur de droit international à l'Institut des sciences sociales de Florence. La conception positive de la société internationale. Revue générale de droit international public. 1911. № 3, mai—juin, p. 259—292.

Въ настоящее время нѣтъ ни одного международника, который бы не признавалъ необходимости пользоваться позитивнымъ методомъ вмѣсто стариннаго естественно-правового метода. Но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе живучести укоренившихся традицій, далеко не всѣ послѣдовательно проводятъ въ дѣйствительности новые методологическіе пріемы научной работы.

Такъ, напримѣръ, всѣ согласны въ томъ, что происхожденіе международно-правовыхъ нормъ коренится въ волѣ государствъ, обнаруживающейся въ трактатахъ и обычаяхъ, и, несмотря на это, большинство интернаціоналистовъ считаетъ источникомъ международнаго права также и науку, хотя ея требованія и лишены санкціи, каковую они могутъ получить лишь отъ государствъ.

Признанію государствъ одни, позитивисты въ собственномъ смыслѣ, придаютъ конститутивную силу, другіе, не освободившіеся отъ метафизическихъ концепцій ученые,—только декларативный характеръ; меньшинство правильно полагаетъ, что признаніе превращаетъ государство изъ фактическаго соединенія людей въ международную личность, надѣленную соотвѣтственными правами и обязанностями, большинство же считаетъ, что этимъ качествомъ государство, какъ естественно-правовое тѣло, обладаетъ до факта признанія и независимо отъ него.

Нѣкоторые, признавая, что нельзя вообразить себѣ такого субъективнаго права, которое бы не покоилось на существующей объективной юридической нормѣ, отрицаютъ существованіе такъ называемыхъ основныхъ правъ государства, которые никогда не были формулированы коллективною волею державъ, тогда какъ большинство международниковъ не рѣшается рѣзко порвать съ теоріей, занимавшей столь видное мѣсто въ прежнихъ системахъ международнаго права, и старается подыскать

этимъ правамъ юридическую формулировку, выводя ихъ изъ обычая или же придавая свойствамъ государствъ характеръ субъективныхъ правъ.

Точно такое же противорѣчіе между требованіями метода и сохраняемыми по традиціи апріорными идеями можно подмѣтить и въ томъ разрѣшеніи, какое дается важному въ систематическомъ отношеніи вопросу о понятіи и составѣ международнаго союза. Если никто не сомнѣвается въ существованіи организованнаго юридическаго общенія государствъ, то далеко не всѣ одинаково истолковываютъ его юридическую природу; все здѣсь зависитъ отъ тѣхъ философскихъ предпосылокъ, изъ которыхъ исходитъ истолкователь международнаго строя.

Если слѣдовать естественно-правовымъ воззрѣніямъ, то придется признать, что международное право, какъ jus naturale, абсолютное, вѣчное, универсальное, не требующее для своего бытія освященія волею державъ и обязательное само по себѣ, независимо отъ внѣшняго предписанія, было всегда обязательно для всякаго государства и будетъ и впредь таковымъ; международное общеніе въ этомъ случаѣ существуетъ между всѣми странами вселенной, являющимися частями единаго общества.

Такая апріорная конструкція не можетъ удовлетворить позитивиста, который, прежде чѣмъ придти къ выводу объ универсальности международнаго права, долженъ предварительно убѣдиться въ томъ, что есть хотя часть международно-правовыхъ нормъ, которая выработана и установлена коллективною волею всѣхъ государствъ міра, или, по крайней мѣрѣ, ими всѣми принята или признана; пока этого не доказано, строгій позитивистъ долженъ относиться къ идеѣ всемірнаго международнаго союза скептически и отрицательно.

Но громадное большинство современныхъ интернаціоналистовъ идетъ не этимъ путемъ; не пріемля традиціонной конструкціи, они однако замѣняютъ ее хотя и новой, но методологически не менѣе ошибочной конструкціей; отвергая идею всемірнаго правопорядка, какъ утопію или какъ простую абстракцію, не имѣющую реальнаго бытія, они ограничиваютъ предѣлы дѣйствія международнаго права цивилизованными народами, стоящими на одинаковой степени культуры и обладающими единымъ правосознаніемъ; идея общенія есть логическій продуктъ общности исторической жизни государствъ, религіозныхъ воззрѣній, соціально-экономическихъ факторовъ, однимъ словомъ общности цивилизаціи; тамъ, гдѣ нѣтъ этой общности, не можетъ быть и международнаго юридическаго общенія.

Эта цивилизація, по толкованію современныхъ ученыхъ, есть европейско-христіанская цивилизація, ея продуктомъ является наше международное право, зародившееся въ Европѣ. Въ международный

союзъ могутъ войти, кромѣ европейскихъ государствъ, изъ государствъ другихъ странъ свѣта только государства, образовавшіяся изъ бывшихъ европейскихъ колоній путемъ отложенія отъ метрополіи или же воспринявшія европейскую культуру; остальнымъ государствамъ доступъ въ международный союзъ закрытъ вовсе, пока они находятся въ состояніи нецивилизованномъ; если же они допускаются къ участію въ международномъ общеніи, то не иначе, какъ на положеніи неправоспособныхъ международныхъ личностей.

Изъ этого ученія дѣлаются выводы, которые имѣютъ тенденціей удовлетворить политическіе и экономическіе интересы европейскихъ державъ, замаскировавъ ихъ внѣшнею видимостью научныхъ формулъ. Характерно раздѣленіе всего человѣчества на три группы сдѣланное Лоримеромъ: кромѣ такъ называемаго европейскаго концерта, т. е. цивилизованныхъ народовъ, на которыхъ международное право распространяетъ свою силу вполнѣ, есть еще народы полуцивилизованные, къ которымъ это право примѣняется лишь отчасти, и народы нецивилизованные, по отношенію къ которымъ обязательны лишь предписанія морали и естественнаго права. Это раздѣленіе ведетъ за собою особыя обязанности для народовъ, стоящихъ на болѣе высокой степени культуры: они должны распространять блага цивилизаціи на весь міръ, просвѣщать некультурныя народности, опекать ихъ, какъ опекаютъ малолѣтнихъ.

Но, чтобы исполнить эту высокую миссію, европейскія государства должны обладать соотвѣтственными правами; эти права суть—право на вмѣшательство въ интересахъ гуманности, культуры и цивилизаціи, какъ исключеніе изъ общаго правила невмѣшательства, оправдываемое низкимъ уровнемъ гражданственности дикихъ народовъ, и право на торговлю, какъ одно изъ основныхъ правъ государства, освящающее мирное проникновеніе цивилизованныхъ государствъ въ чужія владѣнія. Ни то, ни другое право не мирится съ началомъ суверенитета, но о теоретической справедливости не думаютъ, когда есть возможность достичь конструированіемъ новаго права реальныхъ своекорыстныхъ выгодъ цивилизованныхъ народовъ.

Нечего и говорить, что выводы эти остаются простымъ субъективнымъ и произвольнымъ измышленіемъ интернаціоналистовъ; они, подобно естественно-правовымъ положеніямъ, никогда не были одобрены коллективною волею державъ и тѣмъ самымъ не были возведены на степень правовыхъ нормъ.

Что касается самой изложенной теоріи, то съ юридической точки зрѣнія она оказывается ошибочной: задача международнаго права состоитъ въ регуляціи международныхъ отношеній, а не въ содѣйствіи

распространенію цивилизиціи на землѣ; нормы международнаго права устанавливаются для каждаго отдѣльнаго вопроса особою группою заинтересованныхъ государствъ, безотносительно отъ степени ихъ культурности, и предѣлы дѣйствія данной нормы опредѣляются границами тѣхъ государствъ, которыя участвовали въ ея составленіи, а не границами государствъ европейской культуры.

Такимъ образомъ, существуетъ столько соединеній государствъ, сколько имѣется налицо международныхъ соглашеній. Но это не исключаетъ наличности и международнаго союза вообще, обнимающаго собою всѣ участвующія въ международномъ общеніи государства. Этотъ союзъ, по ученію позитивистовъ, покоится на трехъ принципахъ: на взаимномъ признаніи каждымъ изъ государствъ международной личности всякаго другого государства, на юридическомъ равенствѣ всѣхъ суверенныхъ и независимыхъ государствъ и на гарантіи какъ территоріальной неприкосновенности, такъ и свободы дѣйствія каждаго изъ членовъ союза.

Нельзя оспаривать, что эти три основныхъ принципа признаны всѣми государствами европейской культуры, но нельзя ограничивать этими предѣлами сферу дѣйствія этихъ принциповъ. Некультурное государство, заключившее хотя бы одинъ только трактатъ съ какимъ-либо цивилизованнымъ государствомъ, уже тѣмъ самымъ признало юридическую личность этого послѣдняго, такъ какъ безъ этого признанія было бы невозможно самое вступленіе съ нимъ въ соглашеніе, и тѣмъ самымъ получило также признаніе своей международной личности со стороны своего контрагента. И въ отношеніи двухъ другихъ принциповъ некультурное государство поставлено въ такое же положеніе, какъ и всякая цивилизованная держава. Наличность права экстерриторіальности, принадлежащаго подданнымъ цивилизованныхъ государствъ въ некультурныхъ государствахъ и свидѣтельствующаго какъ-будто о приниженномъ, подвластномъ характерѣ послѣднихъ, не противорѣчитъ этому, такъ какъ всѣ ограниченія, принимаемыя на себя некультурнымъ государствомъ, налагаются на него лишь съ его яснаго на то согласія. Пусть трактаты этого рода заключаются подъ давленіемъ европейскихъ державъ, это не мѣняетъ ихъ свободнаго характера; эти трактаты аналогичны договорамъ мира, въ которыхъ побѣдитель диктуетъ свою волю побѣжденному, причемъ однако этотъ послѣдній юридически дѣйствуетъ такъ же свободно и независимо, какъ и болѣе сильная сторона.

Участіе некультурныхъ государствъ въ международномъ общеніи въ области обычнаго международнаго права также не мало, но оно трудно поддается учету за отсутствіемъ кодификаціи обычно-правовыхъ нормъ.

Наконецъ, можно указать на всемірныя уніи, которыя включаютъ въ свой составъ цѣлый рядъ государствъ различной степени культуры; почтовая унія распространяетъ свое дѣйствіе, можно сказать, на всѣ государства міра безъ исключенія.

Такимъ образомъ, мы приходимъ, только другимъ путемъ, къ традиціонной концепціи международнаго союза. Но тогда какъ у представителей школы естественнаго права она была лишь продуктомъ апріорнаго размышленія, у насъ она получила позитивный характеръ, вслѣдствіе доказанности существованія извѣстнаго правопорядка, сообща установленнаго государствами всего земного шара. Такое истолкованіе состава международнаго союза должно отразиться на нѣкоторыхъ отдѣлахъ системы международнаго права: вмѣсто традиціоннаго ученія о предѣлахъ дѣйствія международнаго права сообразно культурнымъ различіямъ народовъ слѣдуетъ дать ученіе о всемірномъ характерѣ международнаго права; вмѣсто ученія о правѣ внѣ-европейскихъ странъ надлежитъ излагать общіе принципы права, распространяющаго свое дѣйствіе на всѣ участвующія въ международномъ общеніи государства; наконецъ, позитивный методъ долженъ повести къ признанію всѣхъ субъективныхъ теорій отдѣльныхъ авторовъ, политическихъ правилъ и воображаемыхъ субъективныхъ правъ, не находящихъ себѣ опоры въ объективномъ правопорядкѣ, юридически ничтожными.

Мы не можемъ также признать справедливымъ воззрѣніе, согласно которому, помимо европейскаго международнаго права, есть таковое же азіатское, африканское и особенно американское; это воззрѣніе основывается на томъ же критеріи разницы въ культурномъ отношеніи народовъ различныхъ странъ свѣта, а также на разницѣ политическихъ и соціальныхъ условій, экономическихъ интересовъ и географическаго положенія и поэтому не удовлетворяетъ требованіямъ юридической методологіи.

Мало того, оно построено на фактахъ случайнаго и временнаго характера. Въ доказательство существованія особаго азіатскаго международнаго права указываютъ на режимъ капитуляцій, на самоуправленіе иностранныхъ поселеній и на сдачу земель въ аренду на Дальнемъ Востокѣ; но здѣсь идетъ дѣло не объ особомъ комплексѣ нормъ для регулированія отношеній азіатскихъ государствъ между собой, а о системѣ отношеній иностранныхъ державъ къ этимъ послѣднимъ. Къ тому же, перечисленные здѣсь институты развиты преимущественно въ Азіи, но существуютъ и въ другихъ странахъ, почему ихъ нельзя считать специфически-азіатскими; въ Азіи они исчезнутъ, едва перестанутъ дѣйствовать причины благопріятствующія ихъ развитію; они

съ удобствомъ привьются во всякой странѣ другого материка, едва тамъ возникнутъ подходящія для нихъ условія.

Родиной капитуляцій является не Азія, а Европа, гдѣ онѣ существовали съ XI вѣка, но вышли изъ употребленія вслѣдствіе измѣненія историческихъ условій. Да и въ Азіи онѣ начинаютъ мало-по-малу уничтожаться. Существуютъ онѣ въ настоящее время въ сѣверной Африкѣ и въ Турціи.

Институтъ settlements'овъ точно также извѣстенъ былъ давно Европѣ и Африкѣ; общеизвѣстно самоуправленіе ганзейскихъ поселеній въ сѣверной Европѣ.

Не является новостью для Европы и сдача въ 1898 году Китаемъ въ аренду своихъ территорій: въ такомъ же положеніи давно уже находится островъ Кипръ и находились Боснія и Герцоговина до австрійской аннексіи въ 1908 году.

Нѣтъ ничего особеннаго африканскаго и въ тѣхъ нормахъ, которыя регулируютъ жизнь Африки вслѣдствіе соглашеній между европейскими державами.

Проблемма особаго американскаго права, усердно защищаемая Альваресомъ, имѣетъ своимъ основаніемъ доктрину Монроэ. Исключеніе европейскихъ державъ изъ американскаго концерта и провозглашеніе начала «Америка для американцевъ» являются двумя политическими лозунгами, на которыхъ объединились нѣкоторыя государства Новаго Свѣта; но американская политическая исторія свидѣтельствуетъ, что многія государства Южной и Центральной Америки поступали вопреки этимъ принципамъ, и вообще нельзя говорить о единодушномъ и единогласномъ ихъ принятіи всѣми американскими республиками.

Н. Голубевъ.

Ж. Боне-Мори. Идея мира у квакеровъ.

G. Bonet-Maury. Les Quakers et l'arbitrage international. Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques, 1910, août, p. 235—244.

Вольтеръ въ своихъ письмахъ изъ Лондона съ обычнымъ остроуміемъ высмѣивалъ квакеровъ, которыхъ онъ имѣлъ случай видѣть. Но поводъ къ насмѣшкамъ давала лишь внѣшняя экцентричность этихъ сектантовъ; Вольтеръ иначе отнесся бы къ квакерамъ, если бы обратилъ вниманіе на сущность ихъ вѣрованій. Дѣйствительно, можетъ показаться

странной небольшая кучка скромно и просто одѣтыхъ людей, тыкающихъ всякаго, съ кѣмъ бы они ни заговорили, не снимающихъ шляпы ни передъ кѣмъ, даже передъ королемъ, пугливо отстраняющихся отъ принесенія присяги передъ судами и разрѣшающихъ женщинамъ проповѣдывать въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, на которыхъ нѣтъ ни клира, ни обрядности, ни видимыхъ символовъ религіознаго культа, и гдѣ все сводится къ импровизированнымъ молитвамъ и поученіямъ, составляемымъ самими же мірянами. Но не надо забывать, что квакеры представляютъ собою наиболѣе сознательную и радикальную группу англійскихъ пуританъ, послѣдовательно и прямолинейно дошедшую до крайняго отрицанія ритуализма и клерикализма англиканской церкви, что отсутствіе священной іерархіи и торжественныхъ богослуженій они возмѣстили съ избыткомъ стремленіемъ къ нравственному самоусовершенствованію и къ улучшенію соціальнаго строя. Твердость убѣжденій квакеровъ въ дѣлахъ вѣры, правдивость въ общежитейскихъ сношеніяхъ, честность и вѣрность данному слову въ торговыхъ оборотахъ стали общепризнанными какъ въ Англіи, такъ и въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ; мало того, общую благодарность заслужила практическая дѣятельность квакеровъ, выступавшихъ въ качествѣ филантроповъ и соціальныхъ реформаторовъ. Такъ квакеръ І. Ланкастеръ ввелъ систему взаимнаго обученія въ школахъ, квакерка Е. Фои вмѣстѣ съ Говардомъ содѣйствовала коренному измѣненію стариннаго тюремнаго режима, квакеры же первые собрали крестовый походъ противъ негроторговли и первые вступили въ организованную борьбу противъ милитаризма съ цѣлью уменьшенія количества войнъ на землѣ.

Основатель «христіанскаго общества друзей», какъ именовали себя англійскіе квакеры, Г. Фоксъ (1624—1690) упорно отказывался вступить въ военную службу, за что былъ нѣсколько разъ заключаемъ на продолжительные сроки въ тюрьму; комиссарамъ парламента, предлагавшимъ ему стать капитаномъ волонтеровъ, онъ отвѣчалъ, что не возьметъ оружія въ руки для отраженія внѣшняго врага по той причинѣ, что всѣ войны вызываются дурными желаніями и страстями людей. Но онъ не возражалъ противъ необходимости существованія арміи самой по себѣ и не отрицалъ права и обязанности государства пользоваться мечемъ для наказанія преступниковъ и для поддержанія существующаго общественнаго и государственнаго строя.

Отвергая войну въ качествѣ средства для разрѣшенія международныхъ споровъ, квакеры мечтали о болѣе совершенныхъ способахъ уложенія несогласій между народами. В. Пеннъ, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ «общества друзей», котораго можно, какъ и другихъ квакеровъ,

по справедливости назвать «другомъ человѣчества», выступилъ съ проповѣдью пасифизма въ своемъ, изданномъ въ 1693 году, сочиненіи «Опытъ настоящаго и будущаго замиренія Европы». Въ отдѣлѣ 4-омъ своей книги онъ высказываетъ мысль о желательности международнаго мира; хорошее правительство должно не вести войны, а позаботиться объ установленіи международной юстиціи. Если государственная власть въ предѣлахъ своей территоріи считаетъ своимъ долгомъ устранять самосудъ и самоуправство гражданъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, то почему же не могутъ князья—главы государствъ согласиться между собою о подчиненіи ихъ споровъ рѣшенію особыхъ трибуналовъ? Они должны это сдѣлать; для бытія международной юрисдикціи достаточно, если назначенные заранѣе князьями делегаты будутъ собираться въ извѣстномъ мѣстѣ каждые два или три года, или же чаще, если въ этомъ обнаружится надобность. Въ этотъ верховный сеймъ, или европейскій парламентъ, должны переноситься всѣ споры, какіе возникнутъ между государствами и какіе не могутъ быть улажены путемъ непосредственныхъ переговоровъ между уполномоченными заинтересованныхъ въ дѣлѣ князей. Въ случаѣ отказа какого-либо государства поручить сейму разрѣшеніе дѣла или исполнить постановленное рѣшеніе и въ случаѣ обращенія къ оружію для оказанія сопротивленія, всѣ остальные союзники соединяютъ свои силы для вооруженнаго отпора государству, уклоняющемуся отъ выполненія принятой на себя обязанности. Въ отдѣлѣ 7-омъ онъ намѣчаетъ составъ сейма, принимая для этого начало пропорціональнаго представительства, соотвѣтственно силѣ и могуществу, величинѣ и населенности государства; сеймъ долженъ состоять изъ 90 лицъ, при чемъ Германія посылаетъ 12 делегатовъ, Франція, Испанія, Россія и Турція по 10, Италія—8, Англія—6, Нидерланды—4. Въ отдѣлѣ 8-омъ онъ касается способа рѣшенія дѣлъ; принимая для законности рѣшеній принципъ большинства, онъ требуетъ наличности трехъ четвертей голосовъ для составленія рѣшенія и допускаетъ, въ случаѣ крайности, простое большинство, которое должно не менѣе, чѣмъ на семь голосовъ, превышать половину всѣхъ вотумовъ. Соотвѣтственно прежнимъ, вышедшимъ нынѣ изъ употребленія, обычаямъ, онъ предлагаетъ, для устраненія споровъ о первенствѣ, построить для засѣданій сейма обширную круглую залу со множествомъ дверей, въ которыя могли бы входить сразу и одновременно всѣ посланныя на сеймъ делегаціи.

Извѣстно въ литературѣ также сочиненіе квакера Дж. Беллерса, опубликованное въ 1710 году подъ заглавіемъ «Нѣсколько соображеній по адресу европейскихъ державъ объ образованіи европейскаго государства черезъ посредство взаимнаго ручательства и ежегоднаго конгресса, для

полюбовнаго улаженія всѣхъ будущихъ споровъ о территоріи и о правахъ князей и государствъ» [1]).

Въ XIX столѣтіи квакеры неоднократно предпринимали попытки осуществленія на дѣлѣ ихъ плановъ переустройства международнаго строя. Для этого они прежде всего обращались къ личнымъ сношеніямъ съ главами государствъ. Такъ въ 1814 году, во время пребыванія императора Александра въ Лондонѣ, знаменитые филантропы-квакеры Греллэ де Мобилье и Алленъ воодушевились мыслью, что надо воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и внушить союзнымъ государямъ, что царство Христа есть царство справедливости и мира. Съ этою цѣлью отправились сначала къ прусскому королю, который принялъ ихъ, похвалилъ квакеровъ, находившихся въ его владѣніяхъ, но высказалъ убѣжденіе, что война необходима для достиженія мира. Императоръ Александръ высказалъ имъ болѣе сочувствія; онъ посѣтилъ квакерскій митингъ и принялъ депутацію. Государь увѣрилъ квакеровъ, что онъ согласенъ съ большею частію ихъ мнѣній и что, хотя, по его исключительному положенію, его образъ дѣйствій долженъ быть иной, однако онъ соединенъ съ ними въ духовномъ поклоненіи Христу. Въ 1818 году оба они прибыли въ Петербургъ, гдѣ имѣли продолжительныя аудіенціи у Государя и молились съ нимъ [2]).

Въ 1850 году, квакеръ I. Стержъ, одинъ изъ иниціаторовъ Лондонскаго конгресса друзей мира, собиравшагося въ 1842 году и положившаго начало послѣдующимъ конгрессамъ, предпринялъ поѣздку въ Копенгагенъ для того, чтобы убѣдить Фридриха IX не начинать войны съ Германіей изъ-за Шлезвига-Гольштейна; въ 1854 году онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ цѣлью предложить Россіи третейскій судъ для разрѣшенія восточнаго вопроса, но, какъ и въ Копенгагенѣ, успѣха не имѣлъ.

Кромѣ того квакеры принимали участіе въ общественномъ движеніи друзей мира, въ агитаціи, которую ведутъ всемірные конгрессы мира и общества мира Англіи и С. Штатовъ для упроченія мира и порядка въ международныхъ сношеніяхъ. Не безъ ихъ настояній была включена статья о добрыхъ услугахъ въ Парижскій трактатъ 1856 года.

Религіозный космополитизмъ квакеровъ, выражавшійся въ признаніи всего міра отечествомъ вѣрующаго и всего человѣчества его соотечественниками, естественно и неудержимо велъ ихъ къ предста-

---

[1]) См. Яценко. Международный федерализмъ. Москва, 1909, стр. 288–289.

[2]) См. Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, Изд. 2-е, томъ IV. Спб. 1905 стр. 131, 132 и 134.

вленію о единствѣ и братствѣ всѣхъ націй міра; между этими послѣдними немыслимы иные, кромѣ допускаемыхъ Христомъ, способы рѣшенія несогласій; царство Божіе на землѣ осуществимо только при условіи отказа государствъ отъ военной расправы и иныхъ насильственныхъ дѣйствій во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ; единственно возможными средствами улаженія несогласій между государствами, одушевленными стремленіемъ къ прогрессу и къ благу человѣчества, могутъ быть лишь одни мирныя средства, состоящія въ сдѣлкѣ сторонъ или въ рѣшеніи третейскаго суда. Такимъ образомъ, у квакеровъ идея вѣчнаго мира и арбитража получила религіозную окраску.

Н. Голубевъ.

В. Кишъ. Гражданско-правовыя послѣдствія бойкота по рѣшеніямъ Германскаго имперскаго суда.

Prof. Dr. W. Kisch. Das Reichsgericht und der Boykott. Deutsche Juristen-Zeitung. № 22, 1 November, 1911.

Со времени изданія Обще-Германскаго Гражданскаго Уложенія высшій имперскій судъ много разъ уже имѣлъ случай высказаться по вопросу, въ какой степени и при какихъ условіяхъ *бойкотъ*, т. е. дѣйствія, причиняющія другому вредъ и направленныя къ отлученію этого лица отъ экономическаго общенія, является гражданско-правнымъ проступкомъ, порождающимъ для потерпѣвшаго право требовать, а для причинившаго вредъ, обязанность возмѣщенія убытковъ, по силѣ правила, выраженнаго въ ст. 826-ой Гражд. Улож: «Кто умышленно причинитъ другому вредъ *способомъ, противнымъ добрымъ нравамъ*, тотъ обязанъ возмѣстить ему вредъ».

Въ текущемъ году (11 февраля) состоялось по тому же вопросу новое рѣшеніе имперскаго суда. Оно, хотя и не выдвигаетъ какихъ-либо новыхъ принциповъ, но, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ вниманія, потому что въ названномъ рѣшеніи имперскій судъ дополняетъ и поясняетъ установленныя имъ въ прежнихъ рѣшеніяхъ положенія о бойкотѣ, какъ гражданско-правномъ проступкѣ.

Обстоятельства дѣла, по которому состоялось рѣшеніе имперскаго суда 11 февраля с. г., заключаются въ слѣдующемъ.

Одно общинное управленіе сдало принадлежащее ему помѣщеніе подъ трактиръ, обязавъ арендатора не предоставлять сданнаго помѣщенія подъ устройство собраній соціалъ-демократической партіи.

Всѣ попытки заставить общинное управленіе снять запретъ оказались тщетными, и тогда соціалъ-демократы рѣшили бойкотировать трактиръ. Въ летучихъ листкахъ, въ афишахъ и въ мѣстныхъ партійныхъ газетахъ соціалъ-демократы усиленно пропагандировали непосѣщеніе трактира. У входа въ трактиръ были учреждены сторожевые посты, затруднявшіе доступъ въ трактиръ, который, благодаря этому, оказался какъ бы въ осадномъ положеніи.

Потерпѣвъ отъ такого рода дѣйствій значительные убытки, трактирщикъ предъявилъ къ виновникамъ этихъ дѣйствій искъ о возмѣщеніи убытковъ. Низшія судебныя инстанціи признали искъ подлежащимъ удовлетворенію. Имперскій судъ, въ который дѣло перешло по жалобѣ отвѣтчиковъ, отмѣнилъ въ части рѣшенія, преподавъ рядъ указаній общаго характера о размѣрахъ отвѣтственности, падающей на лицъ, виновныхъ въ бойкотѣ.

I. Въ основѣ рѣшенія имперскаго суда лежитъ начало, отъ котораго имперскій судъ исходилъ и въ прежнихъ своихъ рѣшеніяхъ по аналогичнымъ дѣламъ.

Считая, что бойкотъ есть средство защиты имущественныхъ и другихъ интересовъ, состоящее въ томъ, что одна сторона оказываетъ давленіе на другую, стараясь причинить ей вредъ и, этимъ путемъ, заставить ее совершить что либо, клонящееся къ выгодѣ самаго бойкотирующаго или другихъ лицъ, въ интересахъ которыхъ дѣйствуетъ бойкотирующій, имперскій судъ находитъ, что бойкотъ самъ по себѣ, хотя и является умышленнымъ причиненіемъ другому вреда, не можетъ быть признанъ дѣйствіемъ неправомѣрнымъ или предосудительнымъ, потому что ни право, ни мораль не возбраняютъ никому защищать свои интересы въ ущербъ интересамъ другого. При современныхъ экономическихъ отношеніяхъ, основанныхъ на принципѣ «свободной борьбы интересовъ», борьба интересовъ, стремленіе побороть противника тѣмъ или инымъ способомъ, не противнымъ закону или добрымъ нравамъ, не можетъ считаться гражданско-правнымъ проступкомъ.

Способъ борьбы, къ которому прибѣгаютъ бойкотирующіе, состоитъ въ отказѣ отъ пользованія услугами какого либо предпріятія и въ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ тому, чтобы склонить другихъ къ такому же воздержанію отъ пользованія. Ни то, ни другое само по себѣ не воспрещено ни закономъ, ни нравственными правилами, признанными въ общежитіи, почему бойкотъ, ни съ точки зрѣнія своей цѣли, ни съ точки зрѣнія средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ обыкновенно бойкотирующіе, не можетъ почитаться дѣйствіемъ недозволеннымъ.

II. Несомнѣнно, однако, что, при наличности извѣстныхъ условій, въ данномъ конкретномъ случаѣ, бойкотъ можетъ оказаться дѣйствіемъ,

противнымъ добрымъ нравамъ и подходящимъ подъ правило ст. 826-ой Гражд. Улож.

Такой характеръ даннаго бойкота можетъ зависѣть или *отъ цѣли* или *отъ средствъ* бойкота.

а) Въ виду своей цѣли бойкотъ долженъ быть признанъ дѣйствіемъ недозволеннымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлью бойкота является, напр., наказаніе противника, месть, дискредитированіе противника въ глазахъ публики, лишеніе его добраго имени и т. п.

Въ цѣломъ рядѣ рѣшеній имперскаго суда содержатся указанія на тѣ цѣли бойкота, которыя *не дѣлаютъ* бойкотъ недозволеннымъ дѣйствіемъ.

Къ числу такихъ цѣлей имперскій судъ относитъ: стремленіе добиться болѣе высокой заработной платы, улучшенія условій труда, болѣе выгоднаго сбыта или пріобрѣтенія товаровъ, признанія извѣстныхъ профессіональныхъ требованій, и т. д. Въ рѣшеніи 11 февраля имперскій судъ впервые указалъ, что уважительнымъ мотивомъ бойкота должно быть признано стремленіе соціалъ-демократической партіи не допускать исключительно неблагопріятнаго къ ней отношенія, по сравненію съ отношеніемъ къ другимъ существующимъ политическимъ партіямъ.

б) На практикѣ всего чаще могутъ встрѣтиться случаи, когда бойкотъ оказывается противнымъ добрымъ нравамъ въ виду предосудительности тѣхъ способовъ и пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ бойкотирующіе для успѣшнаго проведенія бойкота.

Изъ рѣшеній имперскаго суда можно извлечь слѣдующія руководящія указанія по вопросу, какія средства бойкота должны считаться дозволенными и примѣненіе которыхъ не даетъ основанія признать бойкотъ дѣйствіемъ противнымъ добрымъ нравамъ.

Такъ, имперскимъ судомъ разъяснено, что, когда для успѣшнаго проведенія бойкота, бойкоту подвергается другое лицо, не то, которое имѣется въ виду заставить исполнить требуемое бойкотирующими, то бойкотъ не можетъ только по этой причинѣ считаться недозволеннымъ. Такого взгляда держался имперскій судъ въ своихъ рѣшеніяхъ по дѣламъ о такъ наз. пивныхъ бойкотахъ, когда для того, чтобы оказать давленіе на заводчика, бойкоту подвергались содержатели пивныхъ, торгующіе пивомъ даннаго завода. Согласно съ такою практикою, судъ и въ рѣшеніи 11 февраля указалъ, что бойкотированіе трактирщика, хотя не онъ былъ въ данномъ случаѣ повиненъ въ недопущеніи въ помѣщеніи трактира соціалъ-демократическихъ собраній, не можетъ вести къ признанію бойкота дѣйствіемъ недозволеннымъ.

Распространеніе воззваній, летучихъ листковъ, расклейка афишъ, помѣщеніе въ газетахъ статей, призывающихъ публику примкнуть къ бойкоту, бойкотированіе тѣхъ, которые продолжаютъ имѣть общеніе съ бойкотируемымъ или наложеніе дисциплинарныхъ взысканій какимъ-либо союзомъ на своихъ членовъ, не принимающихъ участія въ бойкотѣ, вопреки постановленію союза (партійный терроризмъ), все это, по указаніямъ имперскаго суда, мѣры, не превращающія бойкотъ въ дѣйствіе противное добрымъ нравамъ.

Въ частности, относительно сторожевыхъ постовъ, имперскимъ судомъ разъяснено, что учрежденіе постовъ можетъ считаться дѣйствіемъ недозволеннымъ только тогда, когда оно вызываетъ значительныя неудобства для публики, когда стоящіе на постахъ ведутъ себя непристойно, вступаютъ въ препирательства съ полиціею, охраняющею порядокъ. Въ рѣшеніи 11 февраля эти указанія дополнены указаніемъ, что не можетъ считаться допустимою осада помѣщенія съ цѣлью прекращенія доступа постороннимъ лицамъ.

По усвоенному имперскимъ судомъ взгляду на бойкотъ послѣдній не можетъ считаться дозволеннымъ, когда принимаются, въ цѣляхъ успѣшнаго проведенія бойкота, мѣры, могущія привести къ полному разоренію бойкотируемаго или причиняющія ему вредъ, по своему значенію и размѣрамъ, не соотвѣтствующій значенію интересовъ, въ защиту которыхъ предпринятъ бойкотъ. Равнымъ образомъ, недопустимы такія средства бойкота, которыя направлены къ опозоренію бойкотируемаго, къ возбужденію противъ него народныхъ страстей.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, въ какой степени суду, разбирающему дѣло по существу, открывается широкое поле въ дѣлѣ оцѣнки соотвѣтствія даннаго бойкота добрымъ нравамъ и подведенія его или неподведенія подъ правило ст. 826-й Граж. Улож.

III. Рѣшеніе 11 февраля содержитъ одно весьма важное указаніе въ отступленіе отъ той практики, которой раньше держался имперскій судъ.

Бываютъ случаи, когда бойкотъ не является дѣйствіемъ противнымъ добрымъ нравамъ по своей цѣли и когда для успѣшнаго проведенія бойкота бойкотирующіе не обращаются къ мѣрамъ недозволеннымъ, и только одна какая либо изъ принятыхъ мѣръ имѣетъ противуправный или противунравственный характеръ.

Можетъ ли въ такихъ случаяхъ лицо, пострадавшее отъ бойкота, домогаться отъ виновниковъ бойкота вознагражденія за *всѣ* убытки, причиненные бойкотомъ, или только за убытки, происшедшіе отъ единичной мѣры, признанной судомъ противною добрымъ нравамъ?

На практикѣ, безъ сомнѣнія, только въ исключительныхъ случаяхъ судъ будетъ имѣть возможность установить сумму убытковъ, подлежащихъ

отнесенію на счетъ отдѣльнаго дѣйствія, допущеннаго при бойкотѣ и представляющагося дѣйствіемъ противнымъ добрымъ нравамъ. Но принципіально нельзя не признать правильнымъ содержащагося въ рѣшеніи Имперскаго суда 11 февраля указанія, что противозаконность или предосудительность какого либо одного дѣйствія, совершеннаго въ продолженіи даннаго бойкота и въ связи съ этимъ бойкотомъ, не должны служить основаніемъ для признанія всего бойкота гражданско-правнымъ проступкомъ и для представленія потерпѣвшему отъ бойкота права на возмѣщеніе *всѣхъ*, причиненныхъ ему бойкотомъ, убытковъ.

М. Л.

Хроника.

Пропавшее примѣчаніе.

По всей вѣроятности, многимъ юристамъ-практикамъ приходилось сталкиваться съ вопросомъ: имѣетъ ли ст. 144[1] X т. 1 ч. обратную силу, т. е. можетъ ли быть узаконенъ внѣбрачный ребенокъ, если родители его вступили въ бракъ послѣ его рожденія, но еще до изданія закона 12 марта 1891 г.

Тщетно стали бы мы искать ответа на этотъ вопросъ въ X томѣ. Такъ же безплодна будетъ наша попытка извлечь отвѣтъ изъ *дѣйствующихъ* 1) нормъ XVI т. 1 ч., куда, какъ извѣстно, внесена процессуальная часть закона 12 марта въ видѣ ст. 1460[1—7]. Изъ статей этихъ нашего вопроса ближе всего касается ст. 1460[3]; она гласитъ: «Въ просьбѣ, поданной окружному суду по истеченіи болѣе одного года со дня совершенія брака, служащаго основаніемъ къ узаконенію, должны быть объяснены причины, оправдывающія такое промедленіе». Логическимъ продолженіемъ этой нормы является ст. 1460[4]: «Судъ.. удостовѣрясь... въ уважительности представленныхъ на основаніи предшествующей (1460[3]) статьи объясненій просителей... постановляетъ опредѣленіе объ узаконеніи ребенка».

Другими словами, приведенныя статьи создаютъ возможность въ исключительныхъ случаяхъ узаконять ребенка по истеченіи неопредѣленнаго времени со дня вступленія въ бракъ родителей. Большаго же отсюда извлечь невозможно.

Такимъ образомъ, въ законѣ 12 марта, если оперировать только дѣйствующими (съ точки зрѣнія кодификаторовъ) нормами Свода, ни слова не говорится объ обратной силѣ этого закона. Благодаря этому можетъ возникнуть цѣлый рядъ колебаній и сомнѣній.

Но картина рѣзко измѣнится, если мы обратимся къ *первоначальному* тексту закона 12 марта, въ которомъ ясно говорится: «Указанный въ сей (1460[3]) ст. срокъ исчисляется со дня обнародованія узаконенія 12 марта 1891 г. (собран. узакон. 352), если бракъ совершенъ, *до изданія онаго*».

---

1) «Дѣйствующихъ» — въ смыслѣ *признанныхъ нашими кодификаторами.*

Оговорка эта, внесенная было въ Сводъ Законовъ подъ видомъ примѣчанія къ ст. 1460^3, т. XVI, I ч., затѣмъ по «Продолженію» къ Св. З. 1906 г. была совершенно уничтожена, и на ея мѣстѣ кодификаторами оставлена лаконическая помѣтка: «Примѣчаніе исключено». Вотъ почему мы уже совершенно не находимъ отвѣта на вопросъ относительно обратной силы закона 12 марта во всѣхъ неофиціальныхъ изданіяхъ Устава Гражд. Судопр. (XVI т. I ч.). Съ появленіемъ же въ ближайшемъ будущемъ офиціальнаго изданія, которое объединитъ изданія 1892 г. и «Продолженія» 1906, 1908 и 1909 гг., сотрутся послѣдніе слѣды приведеннаго примѣчанія. Между тѣмъ оно еще не утратило своего значенія: въ связи съ текстомъ ст. 1460^3 и 1460^4 оно даетъ возможность и въ настоящее время при извѣстныхъ условіяхъ узаконять внѣбрачныхъ дѣтей въ томъ случаѣ, если родители ихъ вступили въ бракъ до 1891 года. Невозможно предугадать, сколько еще лѣтъ и даже десятковъ лѣтъ вычеркнутая произвольно изъ свода дѣйствующихъ законовъ норма будетъ сохранять реальное и весьма важное для отдѣльныхъ единицъ значеніе: жизнь изобрѣтательна и прихотлива, и встрѣчаются случаи, когда промедленіе въ ходатайствѣ заинтересованной стороны объ узаконеніи вызвано обстоятельствами вполнѣ уважительными съ точки зрѣнія суда и, слѣдовательно, открывающими путь къ примѣненію «пропавшей грамоты».

Ал. Винаверъ.

Ошибка въ кодификаціи. (Прим. 2-е къ ст. 1032 Уст. Уг. Суд. по продолженію 1906 года).

Въ послѣдующемъ изложеніи я хочу указать на крупную ошибку, которая была допущена при составленіи своднаго продолженія 1906 г. Эта ошибка заключается въ томъ, что коренное и капитальное положеніе закона, относящееся къ выдачѣ преступниковъ (ст. 1. отд. I Высоч. утвержденнаго мнѣнія Госуд. Совѣта 22 марта 1903 года по проекту Угол. Улож.), будучи перенесено въ Уст. Уг. Суд. въ видѣ примѣчанія 2 къ ст. 1032, получило въ силу даннаго ему изложенія совершенно иное содержаніе, чѣмъ оно имѣло въ своемъ первоисточникѣ. Однимъ словомъ—прим. 2-е къ ст. 1032 Уст. Уг. Суд. по прод. 1906 г. представляетъ полное извращеніе ст. 1 отд. I указаннаго Высочайше утвержденнаго мнѣнія Госуд. Совѣта 1903 г.

Ради выясненія этого страннаго явленія нужно прослѣдить законодательные прецеденты прим. 2 къ ст. 1032 Уст. Уг. Суд. Въ раз-

личныхъ редакціяхъ проекта Уг. Улож., начиная съ первоначальнаго проекта 1882 г., имѣлось правило, которому редакціонная комиссія справедливо придавала большое значеніе въ смыслѣ попытки ограниченія начала о невыдачѣ политическихъ преступниковъ. Это правило гласило, что подлежитъ выдачѣ иностранецъ, учинившій преступленіе или проступокъ, хотя бы вызванные политическими побужденіями, или совершенные совмѣстно съ политическимъ преступленіемъ или проступкомъ, или по поводу таковыхъ, а равно иностранецъ, обвиняемый въ посягательствѣ на жизнь или здоровье главы иностраннаго государства, если существуетъ взаимность со стороны требующаго выдачи государства, за исключеніемъ случаевъ, если онъ былъ въ Россіи за то дѣяніе наказанъ, оправданъ или освобожденъ отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ (проектъ Уг. Улож. 1895 г., ст. 10-я ч. 2-я, проектъ Уг. Ул. 1898 г., ст. 11-я ч. 1-я въ связи со ст. 10-й).

Въ проектъ Уг. Улож. Особаго Совѣщанія Госуд. Совѣта 1898 г. ст. 11-ая часть I-ая предшествующаго проекта была пополнена, наряду съ благами жизни и здоровья главы иностраннаго государства, еще указаніемъ на благо свободы, указаніемъ на посягательство на эти блага въ лицѣ членовъ семейства главы иностраннаго государства,—и поставленіемъ на ряду съ условіемъ взаимности—равносильнаго условія договора о выдачѣ.—Въ такомъ видѣ ст. 11-ая ч. I-ая была выдѣлена Особ. Совѣщ. Госуд. Совѣта изъ проекта и помѣщена въ Высоч. утвержд. мнѣніе Государств. Совѣта 22 марта 1903 г., какъ дополненіе къ Уст. Уг. Суд.—Это постановленіе ст. I-ая Отд. I только что указаннаго Высоч. утвержд. Мнѣнія Госуд. Совѣта гласитъ слѣдующимъ образомъ. Иностранецъ, учинившій внѣ предѣловъ Россіи, тяжкое преступленіе или преступленіе, хотя бы вызванное политическими побужденіями или совершенное совмѣстно съ преступнымъ дѣяніемъ, именуемымъ въ международныхъ договорахъ политическимъ, или по поводу такого дѣянія, равно какъ посягнувшій на жизнь, здоровье или свободу главы иностраннаго государства или членовъ его семьи подлежитъ выдачѣ согласно договору, заключенному съ государствомъ, требующимъ выдачи обвиняемаго, или установившейся въ этомъ отношеніи взаимности, если обвиняемый не былъ въ Россіи за учиненное имъ дѣяніе осужденъ, оправданъ или освобожденъ отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ.

Какъ извѣстно, Уголовное Уложеніе 1903 г. до сихъ поръ не введено въ дѣйствіе въ полномъ объемѣ, были введены отдѣльныя главы и статьи.—Первымъ закономъ о частичномъ введеніи въ дѣйствіе Уг. Улож. является Высоч. утв. Мнѣніе Госуд. Сов. 7 іюня 1904 г., по

ст. VII котораго вступаютъ въ силу гл. 3 и 4-ая Угол. Уложенія (о государственныхъ преступленіяхъ), а равно рядъ статей изъ другихъ главъ Уложенія, опредѣляющихъ преступныя дѣянія, имѣющія близкое соотношеніе и связь съ государственными преступленіями,—*а по примѣненію къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ указанными главами и статьями, и глава I-ая Уголов. Уложенія,* а также отдѣлы I и II Высоч. утвержденнаго 22 марта 1903 г. мнѣнія Гос. Сов. по проекту Уг. Улож.

Согласно указанному закону 7 іюня 1904 г. въ Уст. Уг. Суд. въ разд. II книгѣ III, по продолж. 1906 г., появились видоизмѣненныя ст. 1030 и 1031, перечисляющія преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя введенными этимъ же закономъ, а равно позднѣйшимъ закономъ 16 іюня 1905 г. главами и статьями Угол. Улож. и подлежащія производству въ порядкѣ, установленномъ для государственныхъ преступленій. Далѣе, наряду съ этими статьями явилась видоизмѣненная ст. 1032 о подсудности перечисленныхъ въ ст. 1030 и 1031 преступныхъ дѣяній судебной палатѣ и особому присутствію Правительствующаго Сената. Вмѣстѣ съ новой редакціей этой статьи были внесены три новыя примѣчанія къ ст. 1032. Примѣчаніе 1-е опредѣляетъ подсудность окружнымъ судамъ дѣлъ государственныхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 103 ч. 3, 106 ч. 3 и 107 ч. 2 — окружнымъ судамъ въ общемъ порядкѣ производства. Примѣчаніе 3-е воспроизводитъ ст. 2 отдѣла I Высочайше утвержденнаго мнѣнія Госуд. Совѣта 22 марта 1903 г., проекту Уг. Ул. о подсудности мѣстнымъ по жительству просителей окружнымъ судамъ дѣлъ о возстановленіи въ правахъ согласно ст. 31 Уг. Улож. по отношенію къ лицамъ, осужденнымъ за преступныя дѣянія, указанныя въ ст. 1030 и 1031. Наконецъ, прим. 2-е, въ которомъ нашла себѣ мѣсто прискорбная ошибка, которая ниже указывается, должно было воспроизвести ст. 1-ю отд. I вышеуказаннаго Высоч. утвержд. мнѣнія Государ. Совѣта 1903 г., какъ это видно изъ имѣющейся въ немъ детали.

Это примѣчаніе гласитъ слѣдующимъ образомъ.

Иностранецъ, учинившій внѣ предѣловъ Россіи преступное дѣяніе, указанное въ ст. 1030 и 1031, буде таковое составляетъ тяжкое преступленіе или преступленіе (Уг. Улож. ст. 3 ч. ст. 1-ая и 2-ая), подлежитъ выдачѣ, согласно договору, заключенному съ государствомъ, требующимъ выдачи, или установившейся въ этомъ отношеніи съ симъ государствомъ взаимности, если обвиняемый не былъ въ Россіи за учиненное имъ дѣяніе осужденъ, оправданъ или освобожденъ отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ.

Если сравнить содержаніе этого примѣч. 2-го къ ст. 1032 Уст. Уг. Суд. со ст. 1 отд. I Высоч. утв. мнѣнія Госуд. Сов., то приходится сказать, что послѣднее не воспроизведено въ прим. 2, а передѣлано, что оба постановленія не совпадаютъ, какъ это должно было быть, а лежатъ на разныхъ плоскостяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Высоч. утвержденное мнѣніе Госуд. Совѣта говоритъ о преступныхъ дѣяніяхъ общаго права, осложненныхъ политическимъ элементомъ (въ видѣ свойства побужденія, совмѣстнаго учиненія съ политическимъ преступленіемъ или повода), присоединяя къ этой общей характеристикѣ дѣяній, за которыя допускается выдача, еще указаніе на отдѣльный составъ преступнаго дѣянія—посягательство на главу иностраннаго государства и членовъ его семействъ. Напротивъ, примѣч. 2 къ ст. 1032 перечисляетъ преступныя дѣянія строго постатейно (путемъ ссылки на ст. 1030, 1031), при чемъ указанныя въ ст. 1030, наприм., дѣянія суть чисто государственныя преступныя дѣянія, а не общія, осложненныя политическимъ элементомъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы вѣрно воспроизвести ст. 1, отд. I Высоч. утвержд. мнѣніе Государственнаго Совѣта, примѣч. 2-ое въ сущности отмѣняетъ этотъ законъ. При дѣйствіи примѣчанія 2-го въ ст. 1032 Уст. Уг. Суд. eo ipso исключается дѣйствіе ст. 1-ой Отдѣла I Высоч. утв. Мнѣнія Государств. Совѣта 1903 г. Этого обстоятельства совершенно достаточно для признанія примѣч. 2 къ ст. 1032 совершенно неправильнымъ продуктомъ кодификаціонной работы, подлежащимъ исключенію изъ законодательства, но нельзя не сказать, что если бы составители этого примѣчанія отнеслись менѣе механически къ своей работѣ, то они бы сами остановились передъ послѣдствіями, вытекающими изъ принятой ими редакціи и, можетъ быть, отступили отъ нея. Такъ, напр., согласно примѣч. 2 къ ст. 1032 выходитъ, что Россія, имѣя въ рукахъ виновнаго въ бунтѣ или государственной измѣнѣ, совершенныхъ заграницей противъ отечественнаго государственнаго строя, можетъ его выдать для сужденія иностранному государству. Но для такой выдачи нельзя указать ни малѣйшаго основанія въ законѣ или въ практикѣ международныхъ договоровъ.

Какъ же указанная ошибка могла случиться?

Случилось это вслѣдствіе указанія въ ст. VII Высоч. утвержденнаго мнѣнія Госуд. Совѣта, что *по примѣненію* указанныхъ въ немъ вводимыхъ въ дѣйствіе главъ и статей Уг. Улож., вводится глава 1-я Уг. Улож., а равно отдѣлъ 1-й и 2-й Высоч. утвержд. мнѣнія Госуд. Совѣта 1903 г. по проекту Уг. Улож. Вотъ эти-то слова *«по примѣненію»* побудили лицъ, составлявшихъ продолженіе Св. Зак. 1906 г.,

связать *выдачу*, вопреки Высоч. утвержд. мнѣнія 1903 г., съ перечисленными въ ст. 1030 и 1031 Уст. Уг. Суд. по продолж. 1906 г. преступными дѣяніями. Но если кодификаціонное установленіе было поставлено въ затрудненіе этими словами, это не давало ему никакого права замѣнить истинное содержаніе отд. I ст. 1-я Высоч. утвержд. мнѣнія Госуд. Совѣта 1906 г. совершенно инымъ содержаніемъ.

Въ законодательную безурядицу, созданную примѣч. 2 къ ст. 1032 вноситъ исправленіе законопроектъ, внесенный Министерствомъ Юстиціи, о выдачѣ преступниковъ, принятый Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ и ожидающій разрѣшенія нѣкоторыхъ разногласій въ согласительной комиссіи. Если взять проектъ въ редакціи комиссіи законодательныхъ предположеній Госуд. Сов., то оказывается, что ст. 852 законопроекта устанавливаетъ условія выдачи иностранца, учинившаго внѣ предѣловъ Россіи преступное дѣяніе. Такими условіями являются: преступное дѣяніе, влекущее по уголовнымъ законамъ какъ Россіи, такъ и требующаго выдачи государства наказанія не ниже тюрьмы, далѣе наличность договора или установившейся взаимности (ч. 1-ая и 2-ая, ст. 852). 3-я часть этой статьи распространяетъ ся примѣненіе къ случаямъ покушенія и соучастія.

Затѣмъ ст. 852 въ точности воспроизводитъ съ небольшими измѣненіями ст. 1-ую отдѣла I Высоч. утвержд. мнѣнія Госуд. Совѣта. Она гласитъ, что выдача при условіяхъ, указанныхъ въ предшедшей статьѣ допускается и въ случаяхъ, когда преступное дѣяніе было вызвано политическими побужденіями, или было совершено совмѣстно съ преступнымъ дѣяніемъ, именуемымъ въ международныхъ договорахъ, политическимъ, либо по поводу такого дѣянія, равно когда обвиняемый посягалъ на жизнь, здоровье или свободу главы иностраннаго государства, либо членовъ его семьи, а также на честь главы иностраннаго государства. Различіе ст. 852² отъ ст. 1 отд. I Высоч. утв. мнѣнія Госуд. Сов. 1903 г. только въ добавленіи указанія на благо чести.

Можно пожелать, чтобы законопроектъ поскорѣе получилъ силу закона. Очевидно, что примѣч. 2-е къ ст. 1032 Уст. Уг. Суд. въ этомъ случаѣ должно быть отмѣнено. Но если бы законопроектъ и не получилъ силы закона,—это примѣчаніе и въ такомъ случаѣ не можетъ оставаться въ силѣ, а подлежитъ отмѣнѣ, какъ отмѣняющее волю законодателя—выраженную въ отд. I ст. 1-й Высоч. утвержд. мнѣнія Гос. Совѣта.

А. К. Вульфертъ.

Критика.

Исторія Правит. Сената за двѣсти лѣтъ (С.-Петербургъ, 1911 г.).

1.

Это объемистое *оффиціальное* изданіе, выпущенное въ свѣтъ ко дню двухсотлѣтняго юбилея сената, представляетъ собой много интереснаго какъ для историка русскаго права, такъ и для русскаго государствовѣда вообще. Краткое предисловіе даетъ намъ поводъ къ нѣкоторымъ вступительнымъ замѣчаніямъ. На стр. II мы прочли блестящую казенную фразу, что авторы труда «не остановились передъ необходимостью архивныхъ изысканій»! Какъ будто это заслуга, и можно было обойтись и безъ архивныхъ изысканій! Можетъ быть, впрочемъ, это просто обычное чиновничье стремленіе «закруглить фразу» безъ дальнѣйшаго внутренняго смысла; странно только, что ученый редакторъ позволилъ ей появиться на свѣтъ Божій. На стр. V мы находимъ извиненіе ошибкамъ и недочетамъ тѣмъ, что «краткость времени» тому причина; какъ будто не было заранѣе извѣстно, что въ 1911 г. наступитъ сенатскій юбилей; у правительства было за-глаза достаточно времени для подготовки научной исторіи сената, и то, что оно спохватилось слишкомъ поздно, не извиненіе, а прямая ошибка, чтобы не сказать большаго; изслѣдованіе прошлаго такого важнаго въ русской исторіи органа, какимъ является сенатъ, могло бы быть предпринято заблаговременно. На той-же стр. V говорится, что исторія послѣднихъ лѣтъ, 1905—1911 годовъ, оставлена вовсе безъ разсмотрѣнія, такъ какъ не настало еще время ихъ оцѣнивать, что, конечно, правильно; замѣтимъ лишь, что мысль эта повліяла не только на изложеніе событій послѣднихъ шести лѣтъ, но и всего полустолѣтія, начиная съ 60-хъ годовъ, изложеннаго слишкомъ недоговоренно, что уже непростительно; нѣтъ сомнѣнія, что для оцѣнки второй половины XIX вѣка время уже настало; впрочемъ, трудно требовать безпристрастія отъ самой бюрократіи.

Изслѣдованіе двухсотлѣтней исторіи сената раздѣлено на четыре тома, къ которымъ присоединенъ еще небольшой дополнительный пятый томъ. Первое, что бросается въ глаза даже при бѣгломъ чтеніи, это страшная пестрота авторовъ, ихъ мнѣній, убѣжденій, способовъ работы,

метода и т. д. Редакторы совершенно, очевидно, не съумѣли справиться со своей задачей объединить изслѣдованія различныхъ авторовъ, которымъ поручено было изложеніе отдѣльныхъ вопросовъ или періодовъ исторіи сената. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ собой т. I, написанный полностью проф. А. Н. Филипповымъ, и потому носящій на себѣ отпечатокъ цѣльности. Т. II уже гораздо пестрѣе; многое отличаетъ, напр., изложеніе Прѣснякова отъ работы Чечулина; отдѣльныя статьи имѣютъ совершенно различную цѣнность, и редактору, проф. С. Ѳ. Платонову, не удалось этого сгладить. Гораздо хуже обстоитъ дѣло съ том. III и IV; еще въ III томѣ можно найти слѣды научнаго изслѣдованія и критической оцѣнки историческихъ фактовъ, хотя въ весьма различной степени у различныхъ авторовъ; томъ же IV уже не имѣетъ вовсе научнаго метода; это простое изложеніе фактовъ, пестрое, недоговоренное, иногда противорѣчащее другъ другу, напоминающее скорѣе собраніе сырого, необработаннаго матеріала. Благодаря этому основному недостатку всего труда, никогда не оправдается полностью высказанная въ предисловіи надежда, что работа эта «будетъ служить научнымъ пособіемъ» для будущихъ изслѣдователей русскаго права; къ несчастью, только части всего труда могутъ въ будущемъ оказать подобную услугу.

Мы уже указали, что т. I является единственно цѣльной частью всей исторіи сената; онъ посвященъ первой эпохѣ, вопросу учрежденія сената, царствованіямъ Петра Вел. и Анны Ивановны и роли, сыгранной Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ; проф. Филипповъ уже не первый разъ обращаетъ свое вниманіе именно на эти вопросы; его перу принадлежатъ давно извѣстныя цѣнныя изслѣдованія той же области и въ частности именно исторіи сената; ему весьма легко было поэтому справиться со своей задачей, располагая къ тому-же прекраснымъ научнымъ методомъ и открытымъ доступомъ въ архивы. Тѣмъ болѣе странно, что имъ допущены нѣкоторыя важныя недочеты, а именно: остался невыясненнымъ столь коренной вопросъ, до сихъ поръ неразрѣшенный русскими историками, является-ли учрежденіе сената заимствованіемъ изъ Шведскаго права или нѣтъ (гл. I); можно было надѣяться, что авторъ посвятитъ ему главное вниманіе при изслѣдованіи этого періода; вѣдь онъ долженъ былъ-бы, казалось-бы, являться фундаментомъ для исторіи Петровскаго дѣтища. Далѣе, въ гл. II проф. Филипповъ не далъ ясной картины отношеній сената къ низшимъ органамъ управленія, что было-бы необходимо для правильной оцѣнки положенія сената въ имперіи; благодаря этому, не получается желательной полноты изслѣдованія. За то очень хороши отдѣлы, посвященные «устройству», «учрежденіямъ» и «вѣдомству» сената; читатель найдетъ въ нихъ много цѣн-

ныхъ указаній. Также прекрасно описаны отношенія сената къ кабинету; въ особенности намъ понравилась картина безсознательнаго и постепеннаго перехода функцій управленія отъ кабинета къ сенату, благодаря чему послѣдній все болѣе выступалъ на практикѣ на первый планъ; это, пожалуй, лучшая глава I-го тома. Недурно написаны главы, касающіяся царствованія Анны. Въ общемъ, томъ проф. Филиппова несомнѣнно займетъ видное мѣсто въ исторической литературѣ.

Первая статья II тома (Прѣснякова) посвящена царствованію Елисаветы; написана она вполнѣ научно, въ спокойномъ, дѣловитомъ тонѣ, давая объ авторѣ ея понятіе, какъ о серьезномъ историкѣ; особенно удачны заключеніе ея и отдѣлъ, трактующій о дѣлопроизводствѣ; хуже намъ показалась исторія судебныхъ функцій сената, недостаточно рельефно выдвинувшая ихъ роль и значеніе; это обстоятельство, пожалуй, единственный серьезный недостатокъ статьи. Вторая статья (Чечулина) излагаетъ кратко царствованіе Петра III, что объясняется, впрочемъ, безсодержательностью этого непродолжительнаго періода исторіи сената. Бо́льшій интересъ представляетъ собой статья третья [1]) (также Чечулина), уже по одному тому, что царствованіе Екатерины II было столь существенно важной эпохой въ судьбѣ сената; много горькихъ дней пришлось тогда пережить гордымъ сенаторамъ; ожиданія читателя, однако, не вполнѣ оправдываются при чтеніи этой главы; въ первой части помѣщено ужъ слишкомъ много текстовъ указовъ; все это выписанное и перепечатываемое (иногда цѣлыми страницами), могло-бы съ успѣхомъ быть помѣщено въ ссылкахъ или приложеніи; такой ненужный балластъ только затрудняетъ пользованіе этимъ томомъ исторіи сената. Далѣе, мы совершенно не можемъ принять тѣ выводы, къ которымъ приходитъ авторъ на стр. 347 и 348; авторъ статьи полемизируетъ съ «русской литературой, въ коей высказывалось иногда мнѣніе о какомъ то недовѣріи императрицы къ сенату, о какихъ то попыткахъ ея бороться съ политическимъ его значеніемъ и съ его внутренней сплоченностью, благодаря которой сенатъ будто-бы проводилъ иногда свою собственную политику, несогласную съ видами императрицы»; Чечулинъ опровергаетъ это разными абстрактными соображеніями, въ родѣ того, что Екатерина могла назначить въ сенатъ любое число сенаторовъ и что она была имъ стѣснена ничуть не болѣе, чѣмъ графомъ П. А. Румянцевымъ, стоявшимъ во главѣ сильнаго корпуса войскъ за-границей, и т. д.; какъ будто подобные аргументы могутъ

---

[1]) Между этими двумя статьями Чечулина имѣется небольшая вставка въ 10 страницъ, принадлежащая перу проф. М. А. Поліевктова.

что-либо доказать; къ тому-же въ цитированной нами графѣ смѣшаны воедино двѣ различныя идеи, выставленныя нашими историками; съ одной стороны, давно уже установлено въ специальной литературѣ, что Екатерина недовѣряла сенату; это подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ, которыхъ Чечулинъ не опровергъ, и о которыхъ даже не упоминаетъ; съ другой, нельзя отрицать и попытокъ противленія сената императрицѣ, въ общемъ не частыхъ, но все-же имѣвшихъ мѣсто; авторъ былъ-бы правъ, если бы доказалъ свою мысль документально, остановившись и разобравшись въ каждомъ отдѣльномъ фактѣ, приводимомъ «русской литературой»; вопросъ этотъ вовсе не второстепенный; онъ весьма важенъ какъ для характеристики самой императрицы, такъ и для исторіи сената этого періода и обходить его нѣсколькими ничего не доказывающими фразами недопустимо въ серьезномъ научномъ изслѣдованіи. Еще менѣе убѣдительны разсужденія этого автора касательно знаменитаго «секретнѣйшаго наставленія» Вяземскому; самъ-же онъ приводитъ факты, ясно показывающіе, что въ работѣ сената далеко не все обстояло благополучно, что не могло «внушать довѣрія» императрицѣ; недовольство Екатерины сенатомъ было весьма значительно временами, недовѣріе-же проявлялось сплошь и рядомъ; слѣдуетъ пожалѣть, что свою новую мысль Чечулинъ не обосновалъ научной аргументаціей [1]. Авторъ далѣе полемизируетъ съ какимъ то утвержденіемъ, что Екатерина была ограничена въ своей власти сенатомъ; было-бы очень желательно знать, какого автора г. Чечулинъ имѣетъ здѣсь въ виду. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ всѣхъ его статей является полное отсутствіе цитатъ и ссылокъ на литературу; это противорѣчитъ коренным образомъ стремленію придать разбираемой нами исторіи сената значеніе пособія для будущихъ историковъ, во-вторыхъ-же, непринято въ научныхъ работахъ; хотѣлось-бы знать, какія другія партіи, кромѣ политическихъ, авторъ имѣетъ въ виду, когда отрицаетъ также хорошо установленный фактъ политической борьбы противъ Екатерининскаго самодержавія нѣкоторыхъ круговъ русской аристократіи. Очень слабымъ и краткимъ является изложеніе проектовъ реформъ (стр. 356—358). Зато немного лучше написаны отдѣлы II и III, но опять таки нельзя не пожалѣть объ отсутствіи литерат. ссылокъ; только разъ цитируется «Чечулинъ» и въ одномъ мѣстѣ удостоенъ вниманія Градовскій; полемика противъ послѣдняго, впрочемъ, хорошо обоснована

---

[1]) Можно привести примѣры, гдѣ г. Чечулинъ самъ противорѣчитъ своей теоріи, цитируя факты (напр. на стр. 392), свидѣтельствующіе о плохой работѣ сената, которая не могла не подтверждать недовѣрія императрицы.

и вполнѣ пріемлема. Какая разница въ этомъ отношеніи съ коротенькой вставкой, написанной Поліевктовымъ, въ которой имѣются обильныя литературныя указанія! Этотъ яркій контрастъ является однимъ изъ лучшихъ примѣровъ той пестроты всей работы, о которой мы говорили выше. Хорошо изложенъ Чечулинымъ «Очеркъ дѣятельности сената» (гл. V). Зато чрезвычайно слабыми намъ представляются разсужденія о власти надзора и объ идеѣ «Хранилища Законовъ», проявляющія даже неполное знакомство автора съ современными историч. изслѣдованіями; это скорѣе простое позаимствованіе идей Грибовскаго и перечень функцій сената, безъ какихъ-либо обобщеній; о литературѣ вопроса (кромѣ трудовъ Чечулина) мы опять таки не слышимъ ни слова; особенно обильны ссылки автора на самого себя въ отдѣлѣ, посвященномъ финансовой компетенціи сената, что легко объясняется тѣмъ, что авторъ спеціально изслѣдовалъ этотъ вопросъ въ одной изъ предшествовавшихъ своихъ работъ, откуда и взялъ матеріалъ для этого отдѣла. Прямою противоположностью изслѣдованію Чечулина являются главы, написанныя барономъ Нольде (см. въ особенности царствованіе Павла); въ нихъ мы находимъ прекрасныя литературныя указанія, а кромѣ того, и разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, до сихъ поръ остававшихся въ тѣни; въ частности, особенно цѣнными являются отдѣлы, посвященные судебнымъ функціямъ сената и исторіи сенатскихъ ревизій (послѣдняя впервые разрабатывается столь подробно въ нашей исторической литературѣ и даетъ много новаго матеріала) [1]. Такова пестрота второго тома.

Еще хуже въ этомъ отношеніи обстоитъ дѣло съ томомъ III. Первыя страницы передаютъ (если можно такъ сказать) «классическую» точку зрѣнія на исторію сената, но при этомъ авторъ не замѣтилъ, что она во многомъ противорѣчитъ взглядамъ, высказаннымъ въ предшедствовавшемъ изложеніи и въ особенности тому, что написано во II томѣ г. Чечулинымъ. Вторымъ крупнымъ недостаткомъ III тома, а равно и IV, посвященныхъ исторіи XIX столѣтія, слѣдуетъ считать невыдержанность системы или плана изложенія; при этомъ, само раздѣленіе на III и IV томы также произведено безъ всякой системы и свидѣтельствуетъ о какомъ то неразрѣшимомъ затрудненіи, въ которомъ находились авторы и редакторъ; ниже мы увидимъ, чѣмъ это объясняется; исторія личнаго состава и организаціи сената еще кое какъ систематизированы и изложены планомѣрнѣе остальныхъ частей, что объясняется

---

[1]) Нельзя не пожалѣть, что остальные авторы статей II тома не посвятили достаточнаго вниманія подробной разработкѣ исторіи судебныхъ функцій сената.

сравнительной легкостью изложенія этихъ вопросовъ; гораздо хуже обстоитъ дѣло съ исторіей отношеній правительственной власти и верховныхъ органовъ къ сенату, исторіей, которая къ концу періода стушевана авторами на нѣтъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ просто обойдена молчаніемъ; такимъ образомъ, въ IV томъ попала только исторія мѣстныхъ учрежденій, кассаціоннаго сената и второго департамента.

Совершенно очевидно, что авторамъ статей, посвященныхъ исторіи сената XIX столѣтія, представлялись какіе-то подводные камни, не позволявшіе имъ держать прямой, откровенный курсъ; самымъ пагубнымъ слѣдствіемъ этого обстоятельства явились большіе пропуски въ исторіи сената послѣдняго полустолѣтія; наибольшимъ недостаткомъ въ этомъ отношеніи представляется отсутствіе картины положенія перваго департамента, этого органа sui generis нашего государственнаго строя; къ этому вопросу намъ, впрочемъ, придется вернуться немного ниже при разборѣ IV-го тома.

Первая статья III-го тома передаетъ въ удобочитаемой формѣ хорошо извѣстные результаты историческихъ изслѣдованій царствованія Александра I; въ особенности повліяли на автора этой статьи труды Коркунова, Градовскаго и вел. князя Николая Михайловича; читатель не найдетъ здѣсь ничего новаго, но за то добросовѣстную картину уже извѣстнаго; мы не можемъ только согласиться съ нѣкоторыми чертами характеристики Александра, носящими отпечатокъ «офиціальности»; ужъ не такой онъ былъ невинный консерваторъ, какъ то желаетъ выставить авторъ; въ молодости его вообще врядъ-ли можно назвать консерваторомъ, когда онъ еще искренно стремился къ конституціоннымъ идеаламъ, а позднѣе этой характеристикѣ противорѣчитъ его двуличіе Во второй статьѣ (В. А. Гагена) мы находимъ очень хорошій отдѣлъ, посвященный отношеніямъ сената къ коммисіи прошеній и судьбамъ бывшей рекетмейстерской части (стр. 235 и сл.); кромѣ работъ Писарева, до сихъ поръ объ этомъ вопросѣ мало что было извѣстно; работа проф. Гагена является въ этомъ отношеніи цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. Необходимо отмѣтить досадное недоразумѣніе въ 4-ой статьѣ, принадлежащей также перу проф. Гагена; на стр. 293 и 294 исторія упраздненія IV-го департамента изложена такъ запутано, что читатель не знаетъ, когда сіе произошло, въ 1898 или въ 1899 г., или не имѣется-ли простой опечатки на стр. 294. Описывая картину расширенія функцій перваго департамента, въ общемъ совершенно правильно, проф. Гагенъ также не счелъ возможнымъ сдѣлать какія-либо обобщенія или выводы, что значительно понижаетъ цѣну изслѣдованія этой области дѣятельности сената. Съ другой стороны, функціи осталь-

ныхъ департаментовъ просто перечисляются, что дѣлаетъ изложеніе очень скучнымъ и цѣннымъ лишь въ качествѣ сырого матеріала. Почти каждая глава III-го тома написана съ какимъ-то общимъ введеніемъ, благодаря чему получаются безконечныя повторенія; между тѣмъ освѣщеніе и объясненіе однихъ и тѣхъ же фактовъ у различныхъ авторовъ разныя, что создаетъ невозможную путаницу идей; такъ, третья статья (С. К. Гогеля) начинается съ повторенія давно извѣстныхъ всѣмъ фактовъ и общихъ мѣстъ о реформахъ и политическомъ направленіи начала царствованія Александра, которымъ спеціально посвящена первая статья. Этими повтореніями, во-первыхъ, создается совершенно ненужный балластъ изложенія, а во-вторыхъ, что несомнѣнно гораздо хуже, цѣлый рядъ неизбѣжныхъ противорѣчій, которыхъ не въ состояніи изгладить любой редакторъ; что ни авторъ въ третьемъ томѣ, то новое «введеніе», съ повтореніемъ общихъ мѣстъ и хорошо извѣстныхъ фактовъ, но съ прибавленіемъ своихъ собственныхъ разсужденій въ противорѣчіе предшествовавшему автору. Такое «танцованіе отъ печки» сильно вредитъ цѣльности впечатлѣнія, получаемаго отъ чтенія этого тома. Цѣнной въ III томѣ представляется намъ исторія вопроса объ отчетахъ министровъ и о Сперанскомъ (стр. 404 и сл., «надзоръ правит. сената за министерствами до реформъ 60 годовъ»); С. К. Гогель сообщаетъ цѣлый рядъ несомнѣнно новыхъ и важныхъ данныхъ, излагаемыхъ имъ на основаніи спеціальныхъ архивныхъ изысканій; замѣтимъ только, что не слѣдовало-бы смѣшивать воедино (стр. 435) первыхъ министровъ Александра и его молодыхъ сотрудниковъ, членовъ неофиціальнаго комитета; это далеко не одно и то же; съ другой стороны, мы безусловно отрицаемъ «мужественность» сената; такое свойство въ данную эпоху неприложимо къ нему; наконецъ, два примѣра «стариковъ» или представителей прежней эпохи, даваемые авторомъ, въ лицѣ С. В. Воронцова и Д. П. Трощинскаго, очень неудачны; перваго нельзя причислить къ лагерю «стариковъ», такъ какъ онъ былъ скорѣе сторонникомъ реформъ, а второго—только съ большими оговорками; эти неудачные примѣры портятъ въ общемъ очень хорошую главу. Второй отдѣлъ этой статьи посвященъ «обозрѣнію круга вѣдомства сената» и является новымъ повтореніемъ сказаннаго предыдущимъ авторомъ (Гагеномъ)—это опять таки примѣръ отсутствія общей системы и несогласованности работы авторовъ. Въ третьемъ отдѣлѣ высказывается, по нашему, вполнѣ правильная мысль, что иниціатива законовъ имѣлась у сената лишь въ періодъ царствованія Александра I. Гораздо слабѣе написанъ 4-ый отдѣлъ той-же статьи [1]), въ которомъ можно найти больше

[1]) «Сенатъ, какъ хранилище законовъ», стр. 449 и сл.

апломба, чѣмъ фактовъ, а понятіе «хранилища законовъ» такъ и осталось вовсе невыясненнымъ; надзоръ за законностью приклеенъ какъ то искуственно, не будучи связанъ съ остальнымъ изложеніемъ, не смотря на всю важность этого вопроса; послѣдніе отдѣлы статьи С. К. Гогеля опять пестрятъ повтореніями, а отдѣлъ, посвященный судебной власти (VII, стр. 501—503, столь кратокъ, безсодержателенъ, что съ успѣхомъ могъ и вовсе быть опущеннымъ. Судебнымъ функціямъ до-реформеннаго сената какъ-то особенно не везло въ данномъ изданіи.

Слѣдующій авторъ (И. А. Блиновъ) посвящаетъ бо́льшее вниманіе судебнымъ функціямъ сената; но тутъ возникаетъ вопросъ, зачѣмъ редакторъ позволилъ повтореніе этого же отдѣла въ статьѣ Гогеля, если его изслѣдованію отведена была работа Блинова? Мы имѣемъ новый блестящій примѣръ непродуманности плана всей работы касательно XIX-го вѣка.

Статья Блинова объ «отношеніяхъ сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ до реформъ 60-хъ годовъ» (стр. 506 и сл.) страдаетъ тѣмъ-же главнымъ недостаткомъ, какъ и работа Чечулина, — полнымъ отсутствіемъ ссылокъ на литературу, какъ будто ея не существуетъ для автора.

Послѣдняя небольшая статейка (С. К. Гогеля) посвящена сенатскому дѣлопроизводству въ XIX столѣтіи до реформъ 60-хъ годовъ.

2.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію IV-го тома.

Здѣсь пестрота авторовъ, методовъ изложенія, способовъ оцѣнки историческихъ фактовъ и отношенія изслѣдователей къ судьбамъ сената достигаетъ наивысшаго предѣла. О какой-либо единой картинѣ или цѣльномъ впечатлѣніи не можетъ быть и рѣчи. Съ другой стороны, критическій элементъ изслѣдованія исторіи сената постепенно испаряется, и работа, къ концу изданія, сводится къ простому перечисленію сухихъ фактовъ. Противорѣчія во взглядахъ отдѣльныхъ авторовъ также достигаютъ здѣсь кульминаціоннаго пункта; такъ, съ одной стороны, напр., С. К. Гогель высокопарно утверждаетъ, что положеніе сената послѣ реформъ 60-хъ годовъ продолжало (sic!) быть высокимъ и властнымъ, а И. А. Блиновъ говоритъ, что оно было весьма неблестящимъ; лица, знакомыя съ русской исторіей послѣдняго полустолѣтія, легко усмотрятъ, что правъ второй авторъ, а не первый, но зачѣмъ допущены подобныя противорѣчія? Неужели ихъ нельзя было сгладить? Блиновъ выдвигаетъ, по нашему вполнѣ вѣрную, мысль, что, начиная съ 60-хъ годовъ, сенатъ не только охранялъ государственный порядокъ, но начинаетъ охранять и субъективныя публичныя права русскихъ гражданъ; къ сожалѣнію,

авторъ ограничивается довольно краткими разсужденіями, не развивая эту мысль въ необходимой мѣрѣ и только слегка подходя къ самой сути дѣла. Это очень жалко, такъ какъ именно въ данномъ вопросѣ исторія сената чрезвычайно интересна и поучительна.

Въ виду указанныхъ нами неполноты и недоговоренности IV тома, все его значеніе сводится къ исторіи надзора сената за мѣстными учрежденіями. Самъ по себѣ этотъ вопросъ, конечно, очень большой важности какъ для историковъ, такъ и для государственниковъ. Нѣкоторое введеніе къ нему представляетъ собой статья Блинова, помѣщенная въ III-мъ томѣ (стр. 536—615). Авторъ подробно и хорошо анализируетъ исторію власти надзора въ первую половину минувшаго столѣтія; онъ указываетъ, во первыхъ, на личный надзоръ государя, слагавшійся главнымъ образомъ въ видѣ личныхъ впечатлѣній во время путешествій Александра I и Николая I; какъ извѣстно, въ особенности много путешествовалъ первый; во вторыхъ, Блиновъ указываетъ на надзоръ министровъ за мѣстными учрежденіями ввѣренныхъ имъ вѣдомствъ; оба вида надзора сильно сокращали надзоръ сената, подрывая его значеніе; министры, напр., равно и комитетъ министровъ вовсе не желали считаться съ работой сената; въ особенности не стѣснялся министръ юстиціи, который благодаря своей власти надъ сенатомъ, могъ даже непосредственно воздѣйствовать на теченіе въономъ дѣлъ. Другимъ тормазомъ надзору сената являлись генералъ-губернаторы, стоявшіе совершенно внѣ власти сената но сами обладавшіе одновременно функціями надзора: столкновенія между ними и сенатомъ были совершенно заурядымъ и обыденнымъ дѣломъ, разрѣшавшимся однако постоянно въ пользу первыхъ, а не послѣдняго. Указавъ политическую обстановку надзора сената, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію предѣловъ надзора и степени власти сената (стр. 561 и сл.); здѣсь онъ правильно старается изслѣдовать зарожденіе у насъ такъ наз. «дискреціонной» власти админ. органовъ, появляющуюся къ концу царствованія Николая I; что-же касается степени власти, то Блиновымъ отмѣчается ея сокращеніе; «правительство, говоритъ онъ, отнюдь не было склонно содѣйствовать увеличенію самостоятельности сената» (стр. 564); мы вполнѣ присоединяемся къ этой мысли. Затѣмъ имъ подробно разсматриваются средства и послѣдствія надзора и, наконецъ, подводятся итоги въ доказаніе «слабости и малой успѣшности надзора» сената; тутъ мы находимъ и неудовлетворительность личнаго состава, и недостатокъ средствъ надзора, и недостатки дѣлопроизводства сената, и слабость его дисципл. власти и политическаго вліянія и, наконецъ, состояніе русскаго общества первой половины XIX вѣка; только послѣдній факторъ авторомъ не въ мѣру преувеличенъ; нѣтъ

спора, что правовыя понятія той эпохи не были въ достаточной мѣрѣ развиты и крѣпки, но это было неизбѣжное слѣдствіе режима. Въ отдѣльную главу выдѣленъ надзоръ сената за самоуправленіемъ (гл. образомъ сословнымъ) и въ концѣ три страницы (613—615) посвящены «зарожденію админ. юстиціи»; выводы, къ которымъ здѣсь приходитъ авторъ, вполнѣ правильны и точны, хотя нельзя сказать, что послѣднему существенному вопросу отведено должное мѣсто; можно бы посвятить ему и болѣе трехъ страницъ, освѣтивъ, напр., вопросъ о томъ, какъ складывались отношенія сената къ зарождавшимся субъективнымъ публичнымъ правамъ русскихъ гражданъ; не мѣшало-бы также цитировать литературу вопроса; Блиновъ ограничивается одной цитатой Гнейста, да и то по ужасному переводу Фустова.

Интересующій насъ вопросъ начинается въ IV томѣ изложеніемъ «круга вѣдомства» и очеркомъ дѣятельности прав. сената. (С. К. Гогель); уже съ первыхъ строкъ авторъ этой статьи дѣлаетъ крупную ошибку, утверждая, что «къ концу царствованія Императора Николая I сенатъ окончательно потерялъ и власть законодательную и власть исполнительную» (стр. 67); ни то, ни другое не вѣрно; законодательныя и исполнительныя функціи *никогда* не исчезали изъ компетенціи этого органа; о томъ, впрочемъ, свидѣтельствуетъ самъ авторъ нѣсколькими страницами далѣе, перечисляя функціи сената, напр.: обнародованіе законовъ, производство торговъ по питейнымъ откупамъ, и т. д.; въ особенности много административныхъ функцій было въ компетенціи нѣкоторыхъ департаментовъ XIX столѣтія; можно пожалѣть, что ни одинъ изъ авторовъ исторіи сената не потрудился дать исчерпывающаго ихъ перечисленія. Абсолютно непріемлемы и тѣ итоги, которые подводятся Гогелемъ въ его статьѣ: «Компетенція сената, пишетъ онъ, сложившаяся медленно, исторически, рядомъ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ въ своей основѣ ту-же идею Петра Великаго, которая подобно другимъ насажденіямъ Великаго Государя разрослась и выросла до размѣровъ могучаго двухвѣковаго дуба, подъ тѣнью котораго находятъ убѣжище всѣ законныя права безчисленныхъ учрежденій всякаго ранга и отдѣльныхъ личностей многомилліоннаго народа»; какъ напыщенно-невѣрно звучитъ эта витіеватая фраза даже въ сравненіи съ тѣми фактами, которые приводятся сосѣдомъ Гогеля по изданію исторіи сената, Блиновымъ! Статья Гогеля страдаетъ полнымъ отсутствіемъ систематизированнаго перечня функцій сената; его перечисленіе безформенно и безсистемно, да и неполно; идея хранилища законовъ осталось опять таки невыясненной; то же самое слѣдуетъ сказать и объ институтѣ административной юстиціи, оставленномъ

авторомъ совершенно въ сторонѣ. Значеніе сената въ русскомъ государственномъ строѣ не росло, а, наоборотъ, все болѣе падало, за исключеніемъ, можетъ быть, короткаго періода 60-хъ годовъ. Блиновъ вѣрнѣе оцѣнилъ этотъ историческій процессъ и гораздо ближе подошелъ къ истинѣ. Но зато его слѣдующая статья (стр. 108 и сл.) ограничивается разслѣдованіемъ однихъ «отношеній сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ, послѣ реформъ 60-хъ годовъ».

Внѣшній планъ этой статьи тотъ-же, какъ изслѣдованія того-же автора въ III-мъ томѣ. Имѣя въ виду реформы 60-хъ годовъ и временное усиленіе значенія сената, авторъ, пожалуй, правъ, подчеркивая бо́льшую дѣйствительность надзора сената за мѣстнымъ управленіемъ; невѣрна лишь общая концепція этого момента; авторъ не понялъ его временнаго значенія; только нѣсколько лѣтъ, подъ вліяніемъ очень разнообразныхъ политическихъ и соціальныхъ факторовъ, могъ сенатъ съ сравнительно бо́льшимъ успѣхомъ осуществлять свою власть надзора за администраціей; если мы возьмемъ картину исторіи сената всего столѣтія, то увидимъ общее постепенное паденіе его власти, процессъ, лишь временно задержанный въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и затѣмъ вновь развивавшійся съ большей силой въ послѣднія два десятилѣтія минувшаго вѣка; эпоха самостоятельности сенатскаго надзора была лишь счастливымъ исключеніемъ, и факты, изложенные Блиновымъ, только подтверждаютъ это наше мнѣніе, высказанное нами еще въ исторіи русской admин. юстиціи; возьмемъ хотя-бы все разроставшуюся власть генералъ-губернаторовъ, временныхъ и постоянныхъ, съ которыми, по утвержденію самого Блинова, «даже комитетъ министровъ всегда считался» (стр. 115), а комитетъ былъ органомъ съ огромной властью; гдѣ-же было тягаться съ ними сенату? Противорѣчитъ указанному утвержденію автора его-же собственное прекрасное изложеніе процесса усиленія генералъ-губернаторской и губернаторской власти. Въ томъ-же направленіи развивалась «дискреціонная власть» мѣстныхъ органовъ опять таки правильно отмѣченная названнымъ авторомъ. Вмѣсто того, чтобы откровенно признать безсиліе сената въ борьбѣ съ этой системой, въ которой его полномочія административнаго судилища являлись дисгармонирующимъ и обременительнымъ элементомъ, Блиновъ отдѣлывается расплывчатыми фразами, въ родѣ утвержденія, что «практика сената по этому предмету (провѣрки дискрец. распоряженій администраціи) нечужда весьма понятныхъ колебаній, но, въ концѣ концовъ, она неизмѣнно сводилась къ признанію изъятыми отъ его надзора почти исключительно такихъ дѣйствій администраціи, подача жалобъ на которыя категорически воспрещена закономъ»; иногда у сената хватало храбрости на-

стаивать на своихъ правахъ, но случаи эти были весьма и весьма рѣдкими исключеніями; мы не отрицаемъ, что въ эпоху 60-хъ и 70-хъ годовъ, можно найти бо́льшее число подобныхъ примѣровъ, но утверждаемъ, что это являлось временнымъ, короткимъ и счастливымъ исключеніемъ.

На стр. 125 мы находимъ странное обстоятельство: авторъ приписываетъ бо́льшую самостоятельность сенатскаго надзора тремъ факторамъ: а) лучшему составу канцелярій. въ которыхъ стали работать «хорошо подготовленные юристы», б) заимствованію примѣровъ съ Запада, гдѣ развивалась «дѣятельность органовъ административной юстиціи», и в) вліяніемъ «виднѣйшихъ и образованнѣйшихъ сенаторовъ, какъ В. А. Арцимовичъ, Ѳ. М. Дмитріевъ и др.»; но послѣдній факторъ, по словамъ автора, воздѣйствовалъ только «отчасти»; думается, что изъ всѣхъ трехъ именно послѣдній игралъ временами наибольшую роль, такъ какъ состояніе сенатскихъ канцелярій всегда было весьма неблестящимъ; что-же касается вліянія западной административной юстиціи на практику сената, то таковое мы вовсе отрицаемъ; кромѣ того, намъ представляется вполнѣ голословнымъ утвержденіе автора, что будто-бы «наблюдается совершенно опредѣленно стремленіе сената отъ формальнаго и поверхностнаго надзора за дискреціонными распоряженіями администраціи постепенно перейти къ надзору болѣе глубокому и серьезному, который одинаково полезенъ какъ для охраны правъ и интересовъ отдѣльныхъ гражданъ, такъ и для обезпеченія закономѣрной дѣятельности правительственныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ» (стр. 126); такое утвержденіе слѣдовало-бы подкрѣпить фактами, такъ какъ иначе оно противорѣчитъ всему ходу развитія сенатской власти надзора за послѣднее полустолѣтіе.

Съ другой стороны, авторъ правильно отмѣчаетъ нѣкоторыя черты сенатской практики, принесшія пользу дѣлу охраны личныхъ правъ русскихъ гражданъ; сюда, напр., относится выясненіе понятія «благонадежности», которое многимъ обязано именно сенату; но за послѣдніе годы и здѣсь дѣятельность сената замѣтно ослабѣла.

Другой заслугой сената является облегченіе жалобъ на дѣйствія администраціи; начиная съ 60-хъ годовъ граждане несомнѣнно имѣютъ гораздо болѣе легкій и вѣрный путь обжалованія нарушеній ихъ правъ, чѣмъ прежде (стр. 134). Мало, что можно возразить и противъ изложенія авторомъ послѣдствій надзора; небольшая устойчивость сенатской практики вѣрно объясняется, во-первыхъ, страшными недостатками личнаго состава сената и его канцеляріи, а во-вторыхъ, несвязанностью его собственною своею практикой; благодаря этому, одно время царитъ

одно направленіе, другое время—иное направленіе, иныя теоріи, иные принципы (стр. 137—138); видное мѣсто среди послѣдствій надзора за послѣднее полустолѣтіе стала играть отмѣна распоряженій администраціи (стр. 142 и сл.), главнымъ образомъ по формальнымъ основаніямъ, что оказывало несомнѣнное вліяніе на мѣстные органы. Дисциплинарныя взысканія всегда имѣли у насъ весьма второстепенное значеніе. Жаль, что авторъ не остановился подробнѣе на выясненіи внутреннихъ недостатковъ сената, причины коихъ онъ самъ считаетъ «довольно сложными» (стр. 145). Вѣрна въ общемъ и заключительная картина сенатскаго безсилія (стр. 146), хотя непонятно, почему авторъ считаетъ, что еще не наступило время для серьезной научной оцѣнки роли сената за вторую половину XIX вѣка; это можно-бы сказать лишь о послѣднемъ десятилѣтіи. Мы имѣемъ здѣсь нѣкоторое печальное слѣдствіе того, что исторія сената является изданіемъ официальнымъ и къ тому-же выпущеннымъ въ свѣтъ въ моментъ, когда нѣкоторые итоги XIX вѣка могли казаться инымъ весьма непріятными.

Вторая часть статьи г. Блинова посвящены надзору сената за самоуправленіемъ; она даетъ читателю вполнѣ вѣрную и хорошую картину положенія этого дѣла со времени реформъ 60-хъ годовъ. Третья-же часть трактуетъ о сенаторскихъ ревизіяхъ; здѣсь читатель найдетъ много новыхъ и цѣнныхъ фактовъ; авторъ даетъ точную и детальную картину 18-ти ревизій, имѣвшихъ мѣсто за послѣднія четыре десятилѣтія XIX вѣка; бо́льшее ихъ число касалось судебныхъ органовъ; главное-же мѣсто несомнѣнно принадлежитъ ревизіямъ, предпринятымъ въ 1880 г. и повѣдшимъ къ работамъ знаменитой Кахановской комиссіи; матеріалы этой комиссіи составляютъ неизсякаемый источникъ для историка русскаго права второй половины минувшаго столѣтія; все это отмѣчается Блиновымъ съ должнымъ вниманіемъ; авторъ подчеркиваетъ малочисленность ревизій и малое значеніе въ дѣлѣ реформированія нашего государственнаго строя; ревизующіе сенаторы сталкивались не только съ враждебностью и косностью мѣстныхъ чиновниковъ, но и съ противленіемъ центра; ихъ ревизіи были мало популярны среди петербургской бюрократіи, боявшейся, что, благодаря имъ, могутъ выплыть наружу ея собственные грѣхи; институтъ этотъ какъ-бы противорѣчилъ всей системѣ, такъ прочно водворившейся у насъ къ концу столѣтія. И не смотря на все это, сенатскія ревизіи несомнѣнно приносили нѣкоторую пользу; какъ говоритъ Блиновъ, уже при одномъ извѣстіи о ревизіи мѣстные чиновники подтягивались и приводили свои дѣла въ порядокъ; немало должностныхъ лицъ было предано сенаторами суду, что также не могло не давать острастки прочимъ чиновникамъ; ревизіи рѣже

влекли за собой мѣры общаго характера. Такова сила гласности, что даже то малое, доходившее до общественнаго мнѣнія, благодаря подобнымъ ревизіямъ, приносило пользу въ видѣ хотя-бы нѣкотораго контроля и обузданія мѣстной администраціи. Повторяемъ, эта часть IV тома представляетъ собой весьма цѣнное, хотя и не совсѣмъ полное историческое изслѣдованіе.

Дѣльную статью мы находимъ, посвященную «казенному управленію», І. М. Пекарскій собралъ и изложилъ довольно подробно кругъ вѣдомства сената въ этой области; историкъ можетъ найти въ его работѣ интересный матеріалъ.

Зато невѣроятно слабо и поверхностно написана глава «Охраненіе правъ личности» (стр. 335 и сл.); этому чрезвычайно важному вопросу посвящается всего 10 страницъ, въ которыхъ читатель найдетъ массу недоговореннаго, неяснаго, неопредѣленнаго; мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ тѣхъ подводныхъ камней, о кои неизбѣжно должно было разбиться судно офиціальнаго историка; охрана личныхъ правъ—самый скользкій вопросъ для него, а исторія дѣятельности сената въ этой области раскрыла-бы слишкомъ много нежелательнаго.

Немного лучше написана глава, посвященная сенатскому дѣлопроизводству (стр. 441 и сл.), но и она непозволительно коротка, содержа всего 12 страницъ.

Наконецъ, послѣднія сорокъ страницъ содержатъ общее заключеніе: «проекты реформы правит. сената во второй половинѣ XIX столѣтія» (стр. 454—494). Здѣсь безпристрастно, хотя опять таки коротко, излагаются различныя попытки реформировать сенатъ, въ родѣ проектовъ Блудова (1857—1860), Побѣдоносцева, Замятнина, Палена, Кавелина и др. Можно упрекнуть автора лишь въ недостаточномъ освѣщеніи связи этихъ проектовъ съ тѣми историческими событіями, которыя имѣли мѣсто во второй половинѣ XIX вѣка; дай авторъ подобную картину, ему удалось-бы подвести дѣйствительный итогъ неудачамъ всякихъ попытокъ реформъ сената, при существовавшей въ Россіи общей системѣ.

Таковы критическіе итоги, которые необходимо подвести подъ разобранной нами офиціальной исторіей сената. Офиціальность изданія наложила свои отпечатокъ на всю работу.

С. А. Корфъ.

Смѣсь.

Вопросъ о безработицѣ и его постановка въ Англіи [1]).

Англія, еще недавно бывшая страною безусловнаго преклоненія передъ принципомъ самопомощи, переживаетъ сейчасъ періодъ увлеченія противоположнымъ принципомъ.

Сейчасъ, въ Англіи, со всѣхъ сторонъ къ государству предъявляются настойчивыя требованія о принятіи имъ на себя заботъ и попеченія объ экономически слабыхъ, и политическія партіи, расходясь въ частностяхъ, всѣ съ одинаковымъ сочувствіемъ относятся къ соціальнымъ реформамъ.

Новѣйшее англійское законодательство, подчиняясь такому общественному настроенію, вступило на путь широко задуманныхъ и обширныхъ соціальныхъ реформъ.

За нѣсколько послѣднихъ лѣтъ были проведены такіе важные соціальные законы, какъ законъ о вознагражденіи пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ (Workmen's Compesations Act 1906), законъ о пенсіяхъ на старость (Old Age Pensions Act. 1908), законъ о защитѣ дѣтей (Children Act. 1908), законъ о восьми часовомъ рабочемъ днѣ для горнозаводскихъ рабочихъ и цѣлый рядъ другихъ законовъ меньшей важности.

Къ числу вопросовъ, относящихся къ области соціальной политики, принадлежитъ и вопросъ о борьбѣ съ безработицею, которымъ англійское общественное мнѣніе живо заинтересовано, въ связи съ болѣе общимъ вопросомъ о пауперизмѣ.

Законодательство по вопросу о борьбѣ съ безработицею не вышло еще изъ стадіи частныхъ попытокъ смягченія послѣдствій общественнаго бѣдствія, которымъ является безработица. Въ числѣ законовъ послѣдняго времени, направленныхъ противъ безработицы, можно назвать законъ 1905 г., ставящій своею цѣлью сгруппировать и объединить существующіе способы помощи безработнымъ, весьма важный законъ, изданный въ половинѣ 1909 г. (Labour Exchanges Act), которымъ министерство торговли управомочено открывать, по мѣрѣ надобности, повсемѣстно посредническія бюро найма рабочихъ. Законъ этотъ вступилъ въ силу въ началѣ прошлаго года и, пока, трудно судить, въ какой мѣрѣ онъ оправдаетъ возлагаемыя на него надежды и послужитъ средствомъ упорядоченія рабочаго рынка. Слѣдуетъ упомянуть также и о важной реформѣ въ области законодательства о безработныхъ, которая внесена на разсмотрѣніе парламента и составляетъ вторую часть обширнаго билля объ обязательномъ

---

[1]) L. Pumpiansky. Das Problem der Arbeitslosigkeit in England. Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik. B. XXXIII, 1 Heft. 1911.

страхованіи рабочихъ (National Insurance Bill). Вторая часть названнаго билля (первая часть касается страхованія на случай болѣзни и инвалидности) посвящена вопросу о государственномъ страхованіи на случай безработицы двухъ разрядовъ рабочихъ, именно, рабочихъ по металлу и строительныхъ рабочихъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ касаться названныхъ сейчасъ законодательныхъ попытокъ и, пользуясь приведенною подъ заголовкомъ статьею г. Пумпіанскаго, ознакомимъ читателей съ обширнымъ планомъ реформъ, выработаннымъ и опубликованнымъ въ прошломъ году королевскою комиссіею, образованною еще въ 1905 г. для изученія законодательства о бѣдныхъ и о мѣрахъ сокращенія бѣдности (The Royal Commission on the Poor Law and relief of distress).

Названная комиссія напечатала два отчета, относящіеся до вопроса о безработныхъ. Одинъ отъ имени большинства, другой отъ имени меньшинства.

Отчетъ меньшинства, въ особенности, возбудилъ всеобщее вниманіе и всѣ рабочія организаціи, объединяющіяся въ Labour Party: трэдъ-юніонисты, «независимая рабочая партія» Fabian Society, приняли проектъ меньшинства комиссіи въ качествѣ своей программы. Въ конференціи, засѣдавшей въ Лондонѣ въ октябрѣ прошлаго года, въ которой участвовало 270 делегатовъ отъ различныхъ рабочихъ организацій, предположенія меньшинства комиссіи были приняты почти единогласно, за исключеніемъ, стоящихъ внѣ Labour Porty, соціалистовъ, которые твердо держатся своей точки зрѣнія, находя, что безработица можетъ быть устранена только путемъ замѣны современнаго капиталистическаго строя строемъ соціалистическимъ.

Комиссія въ своихъ отчетахъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ практиковавшіяся и отчасти до сихъ поръ практикующіяся мѣры борьбы съ безработицею.

Главный недостатокъ этихъ мѣръ, по заключенію комиссіи, состоитъ въ томъ, что ихъ основная цѣль—оказаніе денежной или иной помощи безработнымъ, впавшимъ въ нищету, вслѣдствіе утраты заработка. Примѣняются онѣ въ періоды острыхъ кризисовъ, когда безработица достигаетъ особенно значительныхъ размѣровъ и когда она пріобрѣтаетъ характеръ угрожающаго общественному спокойствію народнаго бѣдствія.

Устраненіе причинъ, вызывающихъ безработицу, предупрежденіе безработицы, которая, какъ показываютъ статистическія данныя, является постояннымъ, хроническимъ общественнымъ зломъ, только обостряющимся въ періоды кризисовъ, въ настоящее время не входитъ въ кругъ задачъ борьбы съ безработицею. Борьба эта, какъ сказано, ограничивается временною и провизорною помощью испытывающимъ острую нужду и, съ наступленіемъ болѣе благопріятной промышленной конъюнктуры, прекращается.

Оказаніе помощи безработнымъ лежитъ прежде всего на обязанности *управленія бѣдныхъ*. Формою, въ которой управленіе бѣдныхъ можетъ оказывать помощь безработнымъ, является: предоставленіе безработнымъ занятій, либо въ общихъ рабочихъ домахъ, либо въ устраиваемыхъ на сторонѣ работахъ. Управленіе бѣдныхъ по закону о бѣдныхъ 1834 года

можетъ выдавать безмездныя пособія только въ исключительныхъ и крайнихъ случаяхъ.

Помощь, оказываемая управленіемъ бѣдныхъ, не только крайне недостаточна, но она неудовлетворительна и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Работы, которыя могутъ быть предоставлены безработнымъ управленіемъ бѣдныхъ, носятъ характеръ самыхъ грубыхъ и простыхъ работъ, плохо оплачиваемыхъ и подходящихъ только для самаго низшаго разряда рабочихъ. Помощь, оказываемая управленіемъ бѣдныхъ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ для воспользовавшагося ею умаленіе въ правахъ. Она дѣйствуетъ, поэтому, деморализирующе на безработнаго и онъ въ большинствѣ случаевъ утрачиваетъ способность вернуться когда либо въ лучшія условія, все ниже опускаясь по лѣстницѣ, ведущей къ состоянію полнаго обнищанія.

Извѣстный министръ и политическій дѣятель Чемберленъ, рекомендуя въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ городскимъ общественнымъ управленіямъ устройство работъ для безработныхъ, высказываетъ, что «крайне нежелательно допускать обращеніе безработныхъ къ помощи управленія бѣдныхъ».

Вторымъ факторомъ въ борьбѣ съ безработицею является *общественная благотворительность.*

Въ періоды острыхъ промышленныхъ кризисовъ, какъ то въ 1815—16 гг., въ особенности же въ 1828—29 гг., въ нѣкоторыхъ городахъ были собраны значительные капиталы, предназначенные для оказанія помощи безработнымъ, въ формѣ выдачи особенно нуждавшимся денежныхъ пособій, раздачи хлѣба или горячей пищи.

Въ позднѣйшіе годы, напр., въ 1885—6 г., на помощь безработнымъ была истрачена значительная сумма въ 80 тыс. фун. стерл. Въ настоящемъ столѣтіи, въ 1904—5 г. изъ благотворительныхъ суммъ было израсходовано на помощь безработнымъ 50, а въ слѣдующемъ г. (1905—6 г.) слишкомъ 63 тыс. фун. стерл.

По даннымъ, собраннымъ комиссіею 1905 г., оказалось, что помощь безработнымъ за счетъ общественной благотворительности поставлена весьма неправильно.

Въ отчетѣ большинства, относительно 1885—6 г., когда на помощь безработнымъ было истрачено 80 тыс. фун. стерл. отмѣчено: «Деньги были израсходованы въ очень короткій срокъ безъ всякаго опредѣленнаго плана и помощь имѣла на рабочихъ деморализирующее дѣйствіе».

Съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія входитъ въ употребленіе еще одинъ пріемъ борьбы съ безработицею—*устройство общественныхъ работъ для безработныхъ.*

Въ острый экономическій кризисъ, наступившій въ 1879—80 г., когда по отчетамъ трэдъ-юніоновъ, выдающихъ своимъ членамъ пособія при безработицѣ, число безработныхъ достигало значительнаго процента (10%), соціалисты подняли сильную агитацію съ цѣлью понудить мѣстныя управленія организовать, для оказанія помощи безработнымъ, общественныя работы.

Нѣкоторыя мѣстныя управленія исполнили это требованіе и было положено начало новой формѣ борьбы съ безработицею путемъ организаціи, во время усиливающейся безработицы, общественныхъ работъ.

Центральное правительство сочувственно отнеслось къ такому способу вспомоществованія безработнымъ и въ извѣстномъ циркулярѣ министра Чемберлена, изданномъ въ 1886 г., мѣстнымъ управленіямъ было рекомендовано устраивать общественныя работы для безработныхъ, съ принятіемъ къ руководству слѣдующихъ положеній.

Допущеніе къ общественнымъ работамъ должно происходить подъ контролемъ управленія бѣдныхъ (Boards of Guardians). Общественныя работы предназначаются для такихъ безработныхъ, которые имѣли, до наступленія безработицы, постоянную работу, лишились таковой временно, вслѣдствіе какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ, и не утратили возможности, по минованіи такого рода обстоятельствъ, опять вернуться къ работѣ по прежней своей профессіи. Рабочая плата работающимъ на общественныхъ работахъ должна быть ниже средней рабочей платы, обычной для данной мѣстности въ данной отрасли труда.

Первоначально мѣстныя управленія не особенно охотно брались за устройство общественныхъ работъ и только, послѣ повторныхъ настойчивыхъ требованій центральнаго правительства, въ 90-хъ годахъ, общественныя работы для безработныхъ получили распространеніе. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1905 г., оказалось, что въ 74-хъ изъ 89-ти большихъ городовъ, относительно которыхъ были собраны свѣдѣнія, устраивались общественныя работы. Въ январѣ мѣсяцѣ названнаго года, число рабочихъ, занятыхъ на общественныхъ работахъ, равнялось: въ провинціи—21 тыс., въ Лондонѣ—20 тыс. На общественныя работы для безработныхъ тратились весьма значительныя суммы. Въ одномъ Лондонѣ въ 1904 г. расходъ на общественныя работы для безработныхъ составилъ 100 тыс. фунт. стерл.

По мѣрѣ распространенія общественныхъ работъ для безработныхъ все яснѣе выступали темныя стороны этого способа борьбы съ безработицею.

Оказалось невозможнымъ сохранить за ними тотъ характеръ, который онѣ должны были имѣть по мысли циркуляра 1886 г.

Организовать работы такъ, чтобы доставить работу обученому рабочему, соотвѣтствующую его профессіи, представлялось невозможнымъ, потому что устройство работъ для значительнаго числа рабочихъ различныхъ профессій имѣло бы своимъ послѣдствіемъ уменьшеніе спроса на трудъ и слѣд. лишеніе заработка рабочихъ, занятыхъ въ соотвѣтствующихъ отрасляхъ труда.

Можно было организовать только такія работы, которыя были доступны для необученныхъ рабочихъ, для всей массы безработныхъ, нуждающихся въ работѣ. Мѣстныя управленія вынуждены были, поэтому, на время безработицы, организовать самыя простыя работы, какъ то, работы земляныя, разбивку камня, очистку улицъ и т. п.

Нельзя было также слѣдовать указанію о назначеніи за работу платы ниже средней, какъ потому, что рабочая плата необученому рабочему и безъ того была слишкомъ низка, такъ и потому, что организованные рабочіе не могли брать работы, оплачиваемой ниже установившихся въ данной мѣстности среднихъ рабочихъ цѣнъ.

Рабочая плата рабочему, занятому на общественныхъ работахъ, организуемыхъ для безработныхъ, должна была держаться на уровнѣ: для

необученаго рабочаго обычной мѣстной рабочей платы, для обученаго рабочаго «тредуніонной» рабочей платы.

Важнымъ и неустранимымъ недостаткомъ общественныхъ работъ была частая смѣна однихъ рабочихъ другими и непродолжительность работы, выпадающей на долю каждаго отдѣльнаго рабочаго.

При значительной безработицѣ, когда именно и открывались общественныя работы, ищущихъ работы было такъ много и всѣ они испытывали настолько острую нужду, что не представлялось возможнымъ производить какой-либо отборъ изъ общей массы и предоставлять заработокъ только болѣе достойнымъ и тѣмъ, которые ранѣе имѣли постоянную работу. Приходилось руководствоваться другимъ принципомъ и поставить дѣло такъ, чтобы возможно большее число нуждающихся могло, хотя что нибудь, заработать на пропитаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была принята система 3-хъ дневной, въ другихъ—система однодневной работы, т. е. каждый изъ записавшихся рабочихъ призывался на работу на три дня, или на одинъ день. Затѣмъ, на его мѣсто призывался по очереди слѣдующій изъ записавшихся. На общественныхъ работахъ въ декабрѣ 1904 г. въ провинціальныхъ городахъ на каждаго рабочаго приходилось всего 7,2 рабочаго дня, а въ Лондонѣ—5,3. Въ январѣ 1905 г. соотвѣтствующія цифры составляли: 9 и 6,5.

Простая и грубая работа, расчитанная на то, чтобы дать что нибудь заработать возможно большему числу безработныхъ, должна была имѣть вредное вліяніе для обученаго рабочаго, вынужденнаго взяться за такую работу.

Монотонная тяжелая работа, какою является работа, организуемая для безработныхъ общественными управленіями, свидѣтельствуютъ составители отчета комиссіи 1905 г., дѣйствуетъ угнетающе и притупляюще на необученаго рабочаго. Что касается обученаго рабочаго или ремесленника, то на нихъ такая работа оказываетъ еще болѣе пагубное вліяніе. Они считаютъ ее для себя унизительною и стараются всячески избѣгать ея.

Общественныя работы для безработныхъ приводятъ на практикѣ къ послѣдствіямъ, какъ разъ противоположнымъ тѣмъ, которыя онѣ должны имѣть по мысли поклонниковъ этого способа борьбы съ безработицею.

Общественныя работы рекомендуются какъ средство, которое должно дать возможность обученымъ рабочимъ, имѣющимъ постоянную работу и временно ея лишившимся, получить на время безработицы нѣкоторый заработокъ.

Для этой категоріи рабочихъ общественныя работы оказываются, въ дѣйствительности, вовсе непригодными. Общественными работами, устраиваемыми общественными управленіями для безработныхъ на время безработицы, какъ показала практика, по преимуществу пользуются тѣ рабочіе, которые и въ обычное время довольствуются случайною работою.

Общественныя работы превращаются въ случайныя работы для ищущихъ случайныхъ заработковъ непостоянныхъ рабочихъ. Проходитъ безработица, закрываются общественныя работы и та масса рабочихъ, которая ими пользовалась, оказывается въ такомъ же положеніи, въ какомъ она была и ранѣе.

Отчетъ комиссіи 1905 г., подводя итогъ своимъ заключеніямъ о значеніи общественныхъ работъ, организуемыхъ мѣстными управленіями для борьбы съ безработицею, высказываетъ слѣдующія положенія.

«Для лучшихъ рабочихъ общественныя работы скорѣе вредны, чѣмъ въ какой либо мѣрѣ полезны. На рабочихъ, привыкшихъ къ работѣ непостоянной и случайной, общественныя работы имѣютъ вредное вліяніе тѣмъ, что укореняютъ въ нихъ привычку жить случайными заработками».

Независимо отъ этого, общественныя работы—самый дорогой способъ вспомоществованія безработнымъ. Въ особенности, при системѣ 3-хъ или однодневной работы, когда происходитъ постоянная замѣна однихъ рабочихъ другими, общественныя работы обходятся непомѣрно дорого. По мнѣнію составителей отчета комиссіи 1905 г., для плательщиковъ налоговъ было бы выгоднѣе, если бы, вмѣсто устройства общественныхъ работъ для безработныхъ, общественныя управленія помогали безработнымъ путемъ безмездной раздачи денегъ.

Въ 1905 г. былъ изданъ законъ о безработныхъ, ставящій своею цѣлью внести въ организацію помощи безработнымъ, путемъ устройства для нихъ общественныхъ работъ, стройную систему. Были учреждены на мѣстахъ особые комитеты (Distress Commitee) съ возложеніемъ на нихъ обязанности производить строгій разборъ безработныхъ, подлежащихъ допущенію на общественныя работы и не подлежащихъ допущенію. Мѣстные комитеты должны были подчиняться руководству особаго центральнаго учрежденія (Central Unemployed Body).

Попытка закона 1905 г. улучшить постановку общественныхъ работъ и извѣстнымъ образомъ комбинировать всѣ виды помощи безработнымъ оказалась неудачною и въ наступающемъ году законъ 1905 г. предположено отмѣнить.

На основаніи особаго изслѣдованія, произведеннаго по порученію комиссіи 1905 г., составители отчета меньшинства пришли къ заключенію, что и при новой системѣ, установленной закономъ 1905 г., общественныя работы не перестали быть неудачнымъ способомъ борьбы съ безработицею.

«Продолжительный опытъ съ общественными работами, устраиваемыми мѣстными управленіями для безработныхъ, говорится въ отчетѣ меньшинства, убѣждаетъ, что общественныя работы абсолютно неудовлетворительный способъ борьбы съ безработицею. Всѣ присущіе этому способу недостатки, благодаря закону 1905 г., только яснѣе выразились. Собранныя нами данныя не оставляютъ сомнѣнія, что общественныя работы, устраиваемыя для безработныхъ, не болѣе какъ безполезная трата общественныхъ денегъ».

Какія же мѣры для борьбы съ безработицею предлагаетъ сама комиссія, признавшая всѣ до сихъ поръ практиковавшіяся мѣры недостигающими своей цѣли и даже вредными?

Составители отчета меньшинства комиссіи, подобно автору книги: «Unemployment a problem of industry», W. H. Beveridge'y, въ своихъ заключеніяхъ исходятъ отъ той формы безработицы, которая до сихъ поръ всего менѣе обращала на себя вниманіе и всего менѣе подвергалась изслѣдованію. Они имѣютъ въ виду не временную, вызываемую исключительными обстоятельствами (промышленные кризисы, измѣненія въ техникѣ произ-

водства, угнетенное состоянiе рынка) безработицу, но безработицу постоянную, вызываемую постоянными причинами, благодаря которымъ массы рабочихъ постоянно остаются безъ работы.

Статистика профессiональныхъ союзовъ, выплачивающихъ своимъ членамъ пособiя на случай безработицы, показываетъ, что въ средѣ этихъ рабочихъ (около 700 тыс.) обученыхъ и находящихся въ особо благопрiятныхъ условiяхъ, всегда существуетъ извѣстный процентъ безработныхъ.

Въ десятилѣтiе 1897—1907 гг. для членовъ трэдъ-унiоновъ процентъ безработныхъ никогда не падалъ ниже 2,2% (апрѣль и ноябрь 1899 г.), такъ что всегда около 15 тыс. рабочихъ находится въ положенiи безработныхъ.

Относительно необученыхъ рабочихъ, не состоящихъ членами трэдъ-унiоновъ, не имѣется статистическихъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить о числѣ рабочихъ этой категорiи, остающихся постоянно безъ работы. Но не можетъ быть сомнѣнiя, что среди рабочихъ, необученныхъ и находящихся въ худшихъ условiяхъ, безработныхъ должно быть, если не болѣе, то во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ среди «рабочей аристократiи». Можно, поэтому, безъ опасенiя допустить ошибку въ сторону преувеличенiя, положить, что, во всякое время, даже при самой благопрiятной коньюнктурѣ, по меньшей мѣрѣ 250 тыс. рабочихъ находятся въ положенiи безработныхъ.

Эта постоянная безработица не можетъ быть приписана ни перiодически повторяющимся кризисамъ, ни какимъ либо перiодическимъ переворотамъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности и торговли.

Причина безработицы, какъ постояннаго, непрерывающагося явленiя, можетъ лежать только въ условiяхъ, въ которыхъ находится рабочiй рынокъ.

«Проблемма безработицы, говоритъ Бевериджъ, это проблемма приведенiя въ соотвѣтствiе спроса на трудъ съ предложенiемъ труда».

Положенiе рабочаго рынка въ Англiи таково, что предложенiе труда превышаетъ наивысшiй спросъ на трудъ. Въ этомъ и заключается причина безработицы.

Для ближайшаго выясненiя отношенiй, существующихъ на англiйскомъ рабочемъ рынкѣ, комиссiя 1905 г. установила слѣдующую классификацiю безработныхъ по различiю тѣхъ условiй, въ которыхъ имъ приходится работать въ обычное время, до наступленiя безработицы.

1) Первую группу составляютъ рабочiе, которые до наступленiя безработицы имѣютъ постоянную работу (Men from permanent situations).

Таковы, напр., ткачи на бумаго-прядильныхъ фабрикахъ, машинисты, домашняя прислуга, и т. п.

2) Вторую группу составляютъ рабочiе съ занятiями, прерывающимися отъ времени до времени (Men of discontinuous employment).

Это рабочiе, которые обыкновенно переходятъ отъ одной работы къ другой, соотвѣтствующей, мѣняя мѣста чрезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, съ большими или меньшими перерывами между работами.

Типичными представителями этой группы рабочихъ являются строительные рабочiе и рабочiе въ коммунальныхъ предпрiятiяхъ при подрядной системѣ.

3) Нисшіе рабочіе (Underemployed)

Это рабочіе, довольствующіеся непостоянными, случайными работами (casual).

Они бываютъ заняты какою нибудь непостоянною, случайною работою и находятся въ самомъ необезпеченномъ положеніи. Таковы рабочіе въ докахъ, носильщики на рынкахъ и другіе многочисленные рабочіе для временныхъ послугъ, существующіе въ различныхъ отрасляхъ промышленности и торговли.

4) Неработоспособные (Uwemployabl), утратившіе способность къ труду или не желающіе трудиться.

Масса безработныхъ выходитъ изъ среды рабочихъ первыхъ трехъ группъ.

Главное различіе между группами состоитъ въ различной продолжительности и въ большемъ или меньшемъ постоянствѣ работы. Рабочіе *первой* группы бываютъ заняты непрерывно цѣлые мѣсяцы и даже годы. Рабочіе *второй* группы—нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. Наконецъ, рабочіе *третьей* группы—нѣсколько часовъ или дней.

При каждой перемѣнѣ мѣста, при оставленіи одной работы до пріисканія другой, происходитъ перерывъ, во время котораго рабочій находится въ положеніи безработнаго. Рабочіе 2-й и 3-й группъ, первые черезъ бóльшіе, вторые черезъ меньшіе промежутки времени, должны пребывать въ положеніи безработныхъ.

Разсматривая каждую группу въ отдѣльности, получаемъ слѣдующую картину положенія рабочихъ каждой группы.

Рабочіе *первой* группы, обнимающей значительное число англійскихъ рабочихъ, остаются на работѣ у одного и того же предпринимателя цѣлые годы или даже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Большинство этихъ рабочихъ состоятъ членами профессіональныхъ союзовъ. Къ ихъ услугамъ содержимыя союзами конторы по найму рабочихъ и, такъ какъ рабочіе этой группы большею частью обученые рабочіе, на которыхъ всегда существуетъ спросъ, то такого рода рабочимъ не трудно послѣ оставленія одной работы, отыскать другую. Безработица въ разсматриваемой группѣ, по всѣмъ этимъ причинамъ, явленіе случайное и всегда вызывается какими либо исключительными обстоятельствами.

По даннымъ, собраннымъ комиссіею 1995 г., оказалось, что изъ первой группы въ разрядъ *постоянно* безработныхъ попадаютъ только необученые рабочіе или такіе рабочіе, на профессіональныя знанія которыхъ нѣтъ болѣе спроса, вслѣдствіе какихъ либо измѣненій въ техникѣ производства или въ другихъ условіяхъ данной отрасли труда. Ряды такихъ, ставшихъ ненужными и не приспособившихся къ измѣнившимся условіямъ, постоянно пополняются изъ различныхъ отраслей промышленности и торговли. При отсутствіи своевременной и надлежащей помощи очутившіеся по изложеннымъ причинамъ въ положеніи безработныхъ рабочіе первой группы опускаются все ниже и ниже, переходя въ слѣдующія группы рабочихъ безъ постоянныхъ занятій.

Во *второй* группѣ рабочихъ безработица имѣетъ другой характеръ. Вмѣсто полной и продолжительной безработицы для незначительнаго числа рабочихъ, въ отношеніи общей массѣ рабочихъ, во второй группѣ

приходится наблюдать постоянную безработицу, одинаково постигающую всю массу рабочихъ въ промежутки между одной и другой работою. Промежутки, въ продоженіи которыхъ рабочій остается безъ работы, для лучшихъ рабочихъ и въ благополучные годы, сокращаются до незначительнаго минимума, но средніе и худшіе рабочіе, даже въ самые благополучные годы, въ зимніе мѣсяцы, переживаютъ положеніе безработицы. Въ неблагопріятные годы, въ зимніе мѣсяцы, паузы между работами, и промежутки, въ которые рабочіе этой группы остаются безъ работы, составляютъ недѣли и мѣсяцы.

Рабочихъ находящихся въ описанномъ положеніи, по мнѣнію комиссіи, въ Англіи 1250 тыс., а можетъ быть, и вдвое болѣе.

Само собою понятно, что повторяющаяся періодически чрезъ извѣстные промежутки времени, безработица оказываетъ самое вредное вліяніе на рабочаго. Онъ привыкаетъ работать нерегулярно, съ перерывами, и пріобрѣтаетъ навыкъ къ случайной работѣ; изъ рабочаго съ постоянною работою онъ становится рабочимъ случайнымъ, опускаясь въ нисшій разрядъ.

Рабочіе *третьей* группы—это цѣлое населеніе, живущее въ постоянной нуждѣ за хроническою невозможностью получить работу, которая продолжалась бы всю недѣлю. Это рабочіе, которые постоянно находятся въ положеніи ищущихъ работы, и такъ какъ время, затрачиваемое на исканіе работы, не оплачивается, то нормальный недѣльный заработокъ такого рабочаго сокращается на половину или болѣе. Такихъ рабочихъ въ Англіи не менѣе 2-хъ мил.

Типичными представителями этой группы являются рабочіе въ докахъ и исполняющіе различныя послуги случайнаго характера въ различныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ. Это по преимуществу рабочіе, скопляющіеся въ большихъ городахъ на рынкахъ, у мясниковъ, булочниковъ, на городскихъ трамваяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ, и т. п.

На одной изъ станцій Great Central въ 1906—7 г. на 155 постоянныхъ рабочихъ, случайныхъ рабочихъ разсматриваемаго типа было 117. На каждаго случайнаго рабочаго въ среднемъ въ недѣлю выпадало всего 28 рабочихъ часовъ.

Пріисканіе работы для случайныхъ рабочихъ затрудняется тѣмъ, что имъ приходится конкурировать съ переходящими въ ихъ ряды рабочими изъ первыхъ двухъ группъ. Спросъ на случайныхъ рабочихъ уменьшается также вслѣдствіе замѣны ручнаго труда машиннымъ.

Составители отчета комиссіи 1905 г. не находятъ достаточно яркихъ красокъ для изображенія той матеріальной нужды и того нравственнаго упадка, которые являются удѣломъ рабочихъ этой группы. Они находятся на самомъ краю передъ нищетою и они часто переходятъ за ту грань, которая ихъ отдѣляетъ отъ отнесенныхъ къ *четвертой* группѣ, пауперовъ въ точномъ смыслѣ этого слова.

Нерегулярность работы и ея кратковременность развращающе дѣйствуетъ на рабочаго, ослабляетъ въ немъ желаніе трудиться и постепенно самую способность къ труду.

«Мы нашли, говорятъ составители отчета, что $^2/_3$ пауперовъ исходитъ изъ этой группы рабочихъ. Въ этой группѣ, очевидно, мы имѣемъ въ полномъ ходу производство пауперизма».

Для того, чтобы получить наглядное представленіе объ условіяхъ, въ которыхъ находятся рабочіе третьей группы, и уразумѣть то, въ чемъ составители отчета комиссіи 1905 г. усматриваютъ главную причину бѣдственнаго положенія этихъ рабочихъ, слѣдуетъ, хотя вкратцѣ, ознакомиться съ порядкамъ найма рабочихъ, работающихъ въ докахъ.

Въ Ливерпульскихъ докахъ рабочіе, ищущіе работы, собираются въ 18 опредѣленныхъ мѣстахъ, расположенныхъ другъ отъ друга на значительномъ разстояніи, и устроенныхъ въ разное время агентами различныхъ кораблевладѣльцевъ.

На каждомъ посту въ данный день собираются въ опредѣленномъ числѣ рабочіе, которые работаютъ на даннаго кораблевладѣльца.

Когда нужная въ данный моментъ партія рабочихъ взята съ поста, то остальные не уходятъ съ поста изъ боязни упустить работу, если бы надобность въ ней позднѣе открылась, равнымъ образомъ, какъ и потому, что всѣ прочіе посты также переполнены людьми, ожидающими, не откроется ли надобность въ ихъ услугахъ? Число рабочихъ, собирающихся на каждомъ изъ отдѣльныхъ 18 постовъ соотвѣтствуетъ наибольшему спросу, который можетъ быть на рабочихъ этого поста въ день наиболѣе напряженной работы у даннаго предпринимателя. При этихъ условіяхъ общее число рабочихъ, собирающихся на всѣхъ 18 постахъ всегда много больше числа рабочихъ, которое можетъ оказаться нужнымъ для исполненія всѣхъ работъ въ гавани въ самый обильный работою день.

Такъ и въ другихъ случаяхъ. Рабочій рынокъ разбитъ на безчисленное множество мелкихъ рабочихъ рынковъ, образующихся при одномъ или при нѣсколькихъ предпринимателяхъ. Каждый изъ этихъ рынковъ имѣетъ тенденцію довести предложеніе труда до той высоты, при которой могла бы быть удовлетворена потребность въ рабочихъ въ день, когда эта потребность достигаетъ максимальнаго размѣра.

Понятно, что, благодаря этому, часть рабочихъ въ обыкновенное время должна оставаться безъ работы, въ ожиданіи лучшаго дня у даннаго предпринимателя.

Въ день самой интенсивной работы вся промышленность страны, разсматриваемая какъ одно цѣлое, не нуждается въ той массѣ работы, которую могутъ предложить въ совокупности всѣ рабочіе, группирующіеся вокругъ отдѣльныхъ предпріятій въ ожиданіи работы.

Образованіе чрезмѣрно большаго резерва случайныхъ рабочихъ путемъ разбитія національнаго рабочаго рынка на рядъ мелкихъ рабочихъ рынковъ, является причиною постояннаго недостатка работы у массы рабочихъ и постояннаго минимума безработицы. Еслибы рабочій рынокъ въ данной отрасли промышленности былъ объединенъ и организованъ, то излишняя часть резерва рабочихъ могла бы быть удалена съ рынка и остальные рабочіе могли бы имѣть работу на всю недѣлю.

Безработица, порождаемая вытѣсненіемъ изъ данной отрасли производства рабочихъ съ постоянными занятіями усовершенствованіями техники производства, безработица сезонныхъ рабочихъ, съ занятіями прерывающимися на опредѣленное время въ году, и постоянная безработица, наступающая черезъ каждые нѣсколько часовъ или для дней нисшихъ, поденныхъ, случайныхъ рабочихъ, губятъ тысячи рабочихъ превращая ихъ въ пропойцевъ, въ нищихъ, въ отрепье пролетаріата.

Подробный анализъ условій и причинъ экономическаго характера, вызывающихъ безработицу въ ея различныхъ проявленіяхъ, привелъ составителей отчета комиссіи 1905 г. къ важному выводу, къ почти полному отрицанію значенія субъективныхъ моментовъ въ числѣ условій, порождающихъ безработицу.

Въ этомъ отношеніи составители отчета высказываютъ слѣдующее убѣжденіе, основанное на тщательномъ изученіи собранныхъ ими данныхъ.

«Намъ кажется, что личный характеръ рабочаго не играетъ никакой роли и не оказываетъ никакого вліянія на объемъ и характеръ безработицы. Общее число безработныхъ въ странѣ не находится ни въ какомъ отношеніи къ развитію пьянства и порочности въ средѣ рабочихъ. Число безработныхъ не понизилось бы, если бы всѣ рабочіе стали трезвенниками и въ возможной мѣрѣ бережливыми. Можно думать, что тогда только нужда, порождаемая безработицею, стала бы менѣе интенсивною и выражалась бы въ отдѣльныхъ случаяхъ не въ столь рѣзкой и острой формѣ».

Безработица—явленіе чисто экономическаго характера и, при современной организаціи хозяйственныхъ отношеній, явленіе постоянное, непрекращающееся.

Приливы и отливы, которымъ подвержена хозяйственная жизнь страны, разумѣется, не остаются безъ вліянія на безработицу. Въ кризисы и въ періоды, когда промышленный рынокъ находится въ угнетенномъ состояніи, число безработныхъ возрастаетъ, съ наступленіемъ болѣе благопріятнаго времени, съ улучшеніемъ коньюнктуры, оно сокращается. При каждомъ сколько нибудь значительномъ потрясеніи въ хозяйственной жизни страны извѣстное число рабочихъ, вслѣдствіе безработицы, опускается изъ высшей группы въ низшую, но общая ихъ масса, поünованіи кризиса, попадаетъ въ прежнюю колею. Временная безработица это только видоизмѣненіе основной формы безработицы, безработицы постоянной.

Борьба съ безработицею можетъ оказаться цѣлесообразною и увѣнчаться извѣстнымъ успѣхомъ, если она будетъ направлена противъ безработицы постоянной, никогда непрекращающейся, съ цѣлью устраненія причинъ ее порождающихъ, главная изъ которыхъ—господствующая на рабочемъ рынкѣ анархія, полная его неупорядоченность.

По мнѣнію комиссіи слѣдующіе три принципа должны быть положены въ основу соціальной реформы, ставящей своею цѣлью борьбу съ безработицею.

I. Должны быть приняты мѣры, предупреждающія безработицу, устраняющія ея причины, а не только, какъ было до сихъ поръ, мѣры, смягчающія нужду безработныхъ. Должны быть устранены условія, благодаря которымъ случайные рабочіе лишены правильнаго постояннаго заработка; должны быть сведены до минимума промежутки между наличностью и отсутствіемъ работы для сезонныхъ рабочихъ, должны быть приняты мѣры къ тому, чтобы постоянные рабочіе первой группы, лишившіеся работы, вслѣдствіе какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ, могли приспособиться къ измѣнившимся условіямъ въ той отрасли производства, въ которой они постоянно работали.

Если бы этого удалось достигнуть, то осталась бы менѣе трудная и сложная задача облегченія участи тѣхъ безработныхъ, которыхъ постигаетъ случайная безработица.

II. Соціальная реформа для ослпенія безработицы должна состоять изъ ряда, связанныхъ единствомъ плана и взаимно другъ друга восполняющихъ реформъ.

III. Выполненіе всѣхъ реформъ должно взять на себя государство. Господствующая на рабочемъ рынкѣ анархія можетъ и должна быть устранена національною организаціею этого рынка.

Комиссія намѣтила слѣдующій общій планъ реформъ, направленныхъ къ устраненію причинъ безработицы.

На первомъ мѣстѣ стоитъ устройство сѣти государственныхъ бюро посредничества по найму рабочихъ, съ подчиненіемъ ихъ руководству и контролю центральнаго вѣдомства, вѣдающаго всѣ вопросы, относящіеся до организаціи посредничества между предложеніемъ труда и спросомъ на трудъ.

Путемъ организованнаго посредничества должно быть облегчено пріисканіе занятій для рабочихъ первой группы, лишившихся работы вслѣдствіе какихъ-либо измѣненій въ данной отрасли производства, но главное, на что должно быть обращена дѣятельность государственныхъ посредническихъ бюро по найму рабочихъ, это сокращеніе до возможнаго минимума паузъ между работами для сезонныхъ рабочихъ.

Въ различныхъ отрасляхъ труда въ различное время существуетъ различный спросъ на рабочихъ. Располагая нужными свѣдѣніями и слѣдя за состояніемъ рабочаго рынка можно создать такую комбинацію, при которой оставшіеся безъ работы, вслѣдствіе сокращенія работъ въ данной отрасли, могли бы, непосредственно и не оставаясь безъ работы, находить работу въ другой отрасли, въ которой къ тому времени усиливается спросъ на рабочихъ.

Національныя бюро посредничества по найму рабочихъ могутъ оказать также важныя услуги низшимъ рабочимъ съ непродолжительными случайными занятіями. (Группа III). Задача бюро въ отношеніи этого разряда рабочихъ заключается въ томъ, что составители отчета называютъ: Decasualisation of labour.

Для этого нужно установить, что всякій наниматель, нанимающій рабочаго на срокъ менѣе мѣсяца, обязанъ обращаться къ услугамъ бюро, которое будетъ имѣть возможность такъ комбинировать предложеніе и спросъ, чтобы «случайный рабочій» имѣлъ работу въ продолженіе всей недѣли и между одною работою и другою не было неопредѣленныхъ перерывовъ, въ которые рабочій ждетъ работы и находится въ положеніи безработнаго.

Само собою понятно, что обезпеченіе полною недѣльною работою извѣстнаго числа рабочихъ, которые въ настояще время имѣютъ работу въ продолженіи лишь нѣсколькихъ часовъ въ недѣлю, должно вести за собою лишеніе работы нѣкотораго числа случайныхъ рабочихъ, имѣющихъ теперь хотя и неправильный кратковременный заработокъ.

Въ виду этого и для того, чтобы не уменьшить для случайныхъ рабочихъ возможности получить заработокъ, рядомъ съ только что описанною мѣрою, должны быть приняты мѣры, направленныя къ тому, чтобы сократить предложеніе труда на рабочемъ рынкѣ, устранить съ рабочаго рынка нѣкоторую часть рабочихъ.

Съ этою цѣлью составители отчета комиссіи 1905 г. рекомендуютъ слѣдующія мѣры.

1) Сокращеніе пользованія трудомъ малолѣтнихъ.

Школьный возрастъ долженъ былъ повышенъ до 15 лѣтъ. Въ возрастѣ отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, должны не менѣе 30 часовъ въ недѣлю посвящать физическому воспитанію и техническому обученію въ публичныхъ школахъ. Благодѣтельныя послѣдствія такой мѣры для подрастающихъ поколѣній сами собою очевидны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такимъ путемъ можетъ быть значительно сокращена конкуренція для взрослыхъ рабочихъ.

2) Сокращеніе рабочаго дня для рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Продолжительность рабочаго дня желѣзно-дорожныхъ служащихъ въ настоящее время чрезмѣрна. Она достигаетъ 12, 14 и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ 18 ч.

3) Воспрещеніе матерямъ, имѣющимъ малолѣтнихъ дѣтей, наниматься на работы. Онѣ должны получать пособія изъ общественныхъ средствъ, въ крайнихъ случаяхъ онѣ должны получать содержаніе на счетъ государства.

Составители отчета комиссіи высказываютъ увѣренность, что изложенныхъ мѣръ вполнѣ достаточно, для того чтобы, вслѣдствіе decasualition of labour, не усилилась безработица среди «случайныхъ» рабочихъ.

Въ дальнѣйшемъ реформа должна коснуться безработицы, которая наступаетъ въ періоды экономическихъ кризисовъ.

Какъ бы ни было хорошо организовано посредничество между спросомъ и предложеніемъ, посредничество, какъ само собою понятно, не въ состояніи въ періоды, когда промышленный рынокъ находится въ угнетенномъ состояніи, удержать спросъ на рабочихъ на обыкновенномъ уровнѣ и не дать ему понизиться. Для этого нужны другія мѣры, и прежде всего планомѣрная организація работъ, исполняемыхъ по заказамъ государства. Такихъ работъ исполняется на крупную сумму (не менѣе 150 тыс. фунт. стерл.). Если дѣло будетъ поставлено такъ, что центральныя и мѣстныя вѣдомства будутъ приступать къ выполненію нужныхъ работъ именно въ такое время, когда обозначаются признаки наступающаго промышленнаго угнетенія и начинаетъ возрастать число безработныхъ, то этимъ возможно предупредить слишкомъ большое уменьшеніе спроса на трудъ. Работы должны быть дѣйствительно нужныя и организованы онѣ должны быть на общихъ экономическихъ основаніяхъ, не на какихъ-либо особыхъ основаніяхъ, не въ качествѣ работъ, придуманныхъ ad hoc съ цѣлью оказанія помощи безработнымъ.

Независимо отъ этого, центральныя вѣдомства должны имѣть заготовленный на продолжительный, напр., на десятилѣтній періодъ, планъ обширныхъ работъ по воздѣланію почвы, лѣсонасажденію и т. п., которыя должны осуществляться съ соблюденіемъ извѣстной постепенности, съ цѣлью противодѣйствовать рѣзкимъ колебаніямъ спроса на трудъ.

Комиссія, не увлекается надеждою, что предлагаемыми мѣрами возможно вовсе устранить безработицу И за принятіемъ надлежащихъ мѣръ извѣстное число рабочихъ будетъ оставаться безъ работы. Всегда извѣстный процентъ рабочихъ изъ первой группы окажутся вытѣсненными изъ данной отрасли труда, вслѣдствіе переворотовъ въ техникѣ произ-

водства или другихъ случайныхъ причинъ. Затѣмъ, останется четвертая группа безработныхъ вслѣдствіе утраты способности къ труду.

По отношенію къ названнымъ разрядамъ безработныхъ должны быть приняты мѣры, направленные къ тому, чтобы оказать имъ поддержку и помочь въ нуждѣ.

Для безработныхъ изъ числа обученыхъ рабочихъ первой группы комиссія рекомендуетъ введеніе страхованія отъ безработицы по женевской системѣ. Для рабочихъ, навсегда лишившихся работоспособности, комиссія рекомендуетъ взятіе ихъ на попеченіе государства съ установленіемъ извѣстнаго режима, имѣющаго цѣлью, на сколько возможно, вернуть ихъ къ трудовой жизни (maintenance under training).

Предлагается устройство городскихъ и сельскихъ колоній съ учрежденіемъ при нихъ «школъ» для безработныхъ. Бюро найма рабочихъ должны стараться пріискивать подходящія занятія для работающихъ въ колоніяхъ. Для тѣхъ изъ этихъ рабочихъ, которые вновь будутъ подлежать взятію въ колонію, предлагается принудительное помѣщеніе въ особыя колоніи (Detention Colony).

Для приведенія въ дѣйствіе всѣхъ изложенныхъ мѣропріятій должно быть учреждено особое министерство труда и при немъ открыты три новыя отдѣленія: по управленію бюро найма рабочихъ, по страхованію отъ безработицы, и по призрѣнію безработныхъ. Существующія отдѣленія (фабричное законодательство, статистика, колонизапія) подлежатъ коренному преобразованію.

М. Л.

